

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ОНС

ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ
И СОВРЕМЕННОСТЬ

**Журнал издается под руководством Президиума РАН,
выходит с 1976 г. 6 раз в год.**

Журнал входит в Перечень ВАК,
индексируется в РИНЦ и RSCI на платформе Web of Science.

5

2021

Москва

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ONS

SOCIAL SCIENCES
AND CONTEMPORARY WORLD

**The journal is published by Russian Academy of Sciences.
Founded in 1976
6 issues per year**

The journal is included in the Higher Attestation Commission List of peer-reviewed scientific publications. Indexed in the Russian Scientific Citation Index by “Electronic Scientific Library” (elibrary.ru) and RSCI by Web of Science.

5

2021

Moscow

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Громыко Ал.А. член-корр. РАН, член НИСО РАН, директор Института Европы РАН (Москва, Россия)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Ананьева Е.В. к.филос.н., в.н.с. Института Европы РАН (Москва, Россия)

НАУЧНО-КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ СОВЕТ

Белоусов Л.С. д.и.н., декан исторического ф-та МГУ им. М.В. Ломоносова, академик РАО (Москва, Россия)
Валентей С.Д. д.э.н., профессор Российского экономического университета им. Г.В.Плеханова, руководитель научно-исследовательского объединения (Москва, Россия)
Дынкин А.А. академик РАН, президент ИМЭМО им. Е.М.Примакова РАН (Москва, Россия)
Кокوشي А.А. академик РАН, зам. научного руководителя ВШЭ, профессор МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)
Полтерович В.М. академик РАН, руководитель научного направления "Математическая экономика" ЦЭМИ РАН, зам. директора Московской школы экономики МГУ им. М.В.Ломоносова (Москва, Россия)
Торкунов А.В. академик РАН, ректор МГИМО (У) МИД России (Москва, Россия)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамова И.О. д.э.н., директор Института Африки РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Байсингер Марк Р. (Beissinger) профессор политологии Принстонского университета (Принстон, США)
Буторина О.В. д.э.н., зам. директора Института Европы РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Войтоловский Ф.Г. д.полит.н., директор ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, член-корр. РАН, профессор РАН (Москва, Россия)
Габов А.В. д.ю.н., г.н.с. Института государства и права РАН, член НИСО РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Гарбузов В.Н. д.и.н., директор Института США и Канады РАН (Москва, Россия)
Глинчикова А. Г. д.полит.н., профессор кафедры политологии МГПУ (Москва, Россия)
Дискин И.Е. д.э.н., с.н.с. Высшей школы экономики, член научно-экспертного совета ВЦИОМ (Москва, Россия)
Кондаков И.В. д.филос.н., в.н.с. Института искусствознания РАН, профессор кафедры истории и теории культуры факультета культурологии РГГУ (Москва, Россия)
Либман А.М. (Libman) профессор Мюнхенского университета им. Людвиг и Максимилиана (Мюнхен, Германия)
Наумкин В.В. академик РАН, председатель Учёного совета Института востоковедения РАН (Москва, Россия)
Нестик Т.А. д.психол.н., г.н.с. Института психологии РАН, профессор РАН (Москва, Россия)
Пани Э.А. д.полит.н., профессор Высшей школы экономики (Москва, Россия)
Петренко В.Ф. член-корр. РАН, профессор ф-та психологии МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)
Порфирьев Б.Н. академик РАН, научный руководитель Института народнохозяйственного прогнозирования РАН (Москва, Россия)
Ремингтон Томас Фредерик (T. Remington) профессор Гарвардского университета (Кембридж, США)
Синеокая Ю.В. д.филос.н., заместитель директора Института философии РАН, член-корр. РАН (Москва, Россия)
Тихонова Н.Е. д.социол.н., г.н.с. Института социологии РАН (Москва, Россия)
Фомин-Нилов Д.В. к.и.н., ректор ГАУГН (Москва, Россия)
Хабриева Т.Я. академик РАН, директор Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (Москва, Россия)
Чубарьян А.О. академик РАН, научный руководитель Института всеобщей истории РАН (Москва, Россия)
Яковлев А.А. к.э.н., директор Института анализа предприятий и рынков Высшей школы экономики (Москва, Россия)

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала "Общественные науки и современность", 2021

Издатель: Российская академия наук
 Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
 Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314, Москва, 105082
 Адрес редакции: Мароновский пер., 26, каб. 310, Москва, 119049
 Тел. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su
 Адрес в Интернете: <https://ons-journal.ru>

EDITOR-IN-CHIEF

Alexey Gromyko Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute of Europe of the RAS, Member of Scientific Publishing Council of the RAS (Moscow, Russia)

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Elena Ananieva Candidate of Sciences (Philosophy), Leading Research Fellow of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

SCIENTIFIC ADVISORY BOARD

Lev Belousov Doctor of Sciences (History), Head of the Faculty of History of Lomonosov Moscow State University, Academician of the Russian Academy of Education (Moscow, Russia)

Sergey Valentyev Doctor of Sciences (Economics), Professor of Plekhanov Russian University of Economics, Head of Research Association (Moscow, Russia)

Alexander Dynkin Academician of the RAS, President of the Primakov Institute of World Economy and International Relations (Moscow, Russia)

Andrey Kokoshin Academician of the RAS, Deputy Research Director of the Higher School of Economics, Professor of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Victor Polterovich Academician of the RAS, Deputy Director of the Moscow School of Economics, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Anatoly Torkunov Academician of the RAS, Rector of Moscow State Institute of International Relations (Moscow, Russia)

EDITORIAL BOARD

Irina Abramova Corresponding Member of the RAS, Director of the Institute for African Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Mark R. Beissinger Professor of Political Science at Princeton University (Princeton, USA)

Olga Butorina Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Europe of the RAS (Moscow, Russia)

Feodor Voitilovsky Corresponding Member of the RAS, Director of the Primakov Institute of World Economy and International Relations, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Andrey Gabov Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow of the Institute of State and Law of the RAS (Moscow, Russia)

Valery Garbuzov Doctor of Sciences (History), Director of the Institute for US and Canadian Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Alla Glinchikova Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Department of Political Science of Moscow Pedagogical State University (Moscow, Russia)

Iosif Diskin Doctor of Sciences (Economics), Senior Research Fellow of the Higher School of Economics

Igor Kondakov Doctor of Sciences (Philosophy), Leading researcher of the State Institute for Art Studies, Professor Russian State University for Humanities (Moscow, Russia)

Aleksandr Libman Professor of Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany)

Vitaly Naumkin Academician of the RAS, President of the Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia)

Timofey Nestik Doctor of Sciences (Psychology), Chief Research Fellow of the Institute of Psychology of the RAS, Professor of the RAS (Moscow, Russia)

Emil Pain Doctor of Sciences (Politics), Professor of the Higher School of Economics (Moscow, Russia)

Victor Petrenko Corresponding Member of the RAS, Professor of the Faculty of Psychology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Boris Porfiriev Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute for Economic Forecasting of the RAS (Moscow, Russia)

Thomas F. Remington Professor of Political Science at Harvard University (Cambridge, USA)

Julia Sineokaya Corresponding Member of the RAS, Deputy Director of the Institute of Philosophy of the RAS (Moscow, Russia)

Natalya Tikhonova Doctor of Sciences (Sociology), Chief Researcher at the Institute of Sociology of the RAS (Moscow, Russia)

Denis Fomin-Nilov Candidate of Sciences (History), Rector of the State Academic University for Humanities (Moscow, Russia)

Talia Khabrieva Academician of the RAS, Director of the Institute of Legislation and Comparative Law of the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia)

Aleksandr Chubaryan Academician of the RAS, Scientific Director of the Institute of World History of the RAS (Moscow, Russia)

Andrei Yakovlev Candidate of Sciences (Economics), Director of the Institute for Industrial and Market Studies Higher School of Economics University (Moscow, Russia)

© Russian Academy of Sciences, 2021

© Formation. Editorial board of "Social Sciences and Contemporary World", 2021

Publisher: Russian Academy of Sciences

Executor under the contract № 4У-ЭА-069-20 ООО «Integration: Education and Science» Rubtsovskaya nab., 3-1, office 1314, Moscow, 105082

Address: Maronovskiy pereulok, 26, office 310, Moscow, 119049 Russia. Tel. (495) 544-20-50. E-mail: ons@jes.su

Website: <https://ons-journal.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

- Ершов М. В., Танасова А. С., Соколова Е. Ю., Цховребов М. П.** О некоторых аспектах воздействия валютного курса на социально-экономические процессы 7

СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

- Евстафьев Д. Г., Цыганова Л. А.** Социокультурные отношения и коммуникации: глобальный разворот или ситуативный кризис постмодерна 18
- Давыдов Д. А.** Меритократия и ее враги: есть ли альтернатива «тирании заслуг»? 30
- Мухаметов Р. С.** Влияние величины избирательных округов на гендерный состав муниципального депутатского корпуса 43
- Эндрюшко А. А.** Транснациональные практики мигрантов из постсоветских государств в России 56

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- Тимофеев П. П., Хорольская М. В.** Сравнительный анализ подходов Германии и Франции к отношениям с Россией 72
- Подколзина И. А.** Левый поворот в британской экономике: фактор Джонсона 87
- Подольский В. А.** История социальной политики в Великобритании 103

ТЕХНОЛОГИЯ ВОЙНЫ

- Балаклеец Н. А.** Специфика и акторы войны с использованием дронов 116

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- Егоров Д. Г.** Сколько парадигм в экономической теории? 129

CONTENTS

ECONOMY AND SOCIAL PROCESSES

- Ershov M., Tanasova A., Sokolova E., Tskhovrebov M.** On Some Aspects of Foreign Exchange Influence on Socio-Economic Tendencies 7

SOCIOCULTUROLOGY

- Evstafiev D., Tsyganova L.** Socio-cultural Relations and Communications in the Post-Pandemic World: Global Reversal or Situational Crisis of Postmodernism 18
- Davydov D.** Meritocracy and its Enemies: Is There an Alternative to the “Tyranny of Merit”? 30
- Mukhametov R.** The Impact of the District’s Magnitude on the Gender Composition of the Municipal Deputy Corps 43
- Endryushko A.** Transnational Practices of Migrants from Post-Soviet States in Russia 56

EUROPEAN STUDIES

- Timofeev P., Khorolskaya M.** Approaches of Germany and France to Relations with Russia: a Comparative Analysis 72
- Podkolzina I.** Left-Turn Ahead in the UK Economy: The Johnson Factor 87
- Podolskiy V.** History of Social Policy in Great Britain 103

TECHNOLOGY OF WAR

- Balakeets N.** Specifics and Actors of the Drone Warfare 116

POINT OF VIEW

- Egorov D.** How Many Paradigms There are in Economic Theory – and Can It Become a One-paradigm Science 129

DOI: 10.31857/S086904990017290-1

ЭКОНОМИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ ECONOMY AND SOCIAL PROCESSES

Оригинальная статья / Original Article

О некоторых аспектах воздействия валютного курса на социально-экономические процессы¹

© М.В. ЕРШОВ, А.С. ТАНАСОВА, Е.Ю. СОКОЛОВА, М.П. ЦХОВРЕБОВ

Ершов Михаил Владимирович, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), astanasova@fa.ru

Танасова Анна Станиславовна, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), astanasova@fa.ru

Соколова Елена Юрьевна, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), eusokolova@fa.ru

Цховребов Мельс Павлович, Финансовый университет при Правительстве РФ (Москва, Россия), mptskhovrebov@fa.ru

На мировых финансовых рынках в последние годы происходят значительные изменения. Пандемия, которая началась в 2020 г., усилила нестабильность на рынках и повысила неопределенность дальнейшего развития. Валютная сфера крайне важна для сохранения стабильности в экономике и успешного выхода из кризиса. В кризисные периоды валюты развивающихся государств и стран с формирующимися рынками испытывают рост волатильности и тенденцию к обесценению национальных валют. Повышение процентных ставок центральными банками ведущих стран может дестабилизировать ситуацию на валютных рынках – особенно в развивающихся странах. В статье показаны преимущества и негативные стороны удорожания и обесценения национальной валюты. Обесценение валюты негативно влияет на уровень бедности и неравенства в странах. Повышенная волатильность национальной валюты отрицательно воздействует на развитие экономики. В России, где также наблюдался рост волатильности и обесценение рубля, существуют значительные возможности для обеспечения стабильности национальной валюты. В сложившихся условиях высокой неопределенности на мировых рынках, антироссийских санкций и важности упрочения внутренних основ для экономики особенно актуально применять широкий спектр механизмов для обеспечения стабильности валютной сферы. Более того, такие возможности у российских регуляторов имеются.

Ключевые слова: финансовый кризис, валютный курс, Центральный банк, волатильность курса, экономика, неравенство

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету при Правительстве Российской Федерации в 2021 г. The article was prepared based on the results of research carried out with budgetary support by the state order for the Financial University Under the Government of Russian Federation in 2021.

Цитирование: Ершов М.В., Танасова А.С., Соколова Е.Ю., Цховребов М.П. (2021) О некоторых аспектах воздействия валютного курса на социально-экономические процессы // Общественные науки и современность. № 5. С. 7–17. DOI: 10.31857/S086904990017290-1

On Some Aspects of the Foreign Exchange Influence on Socio-Economic Tendencies

© M. ERSHOV, A. TANASOVA, E. SOKOLOVA, M. TSKHOVREBOV

Mikhail V. Ershov, Financial University under the Government of the Russian Federation, (Moscow, Russia), astanasova@fa.ru

Anna S. Tanasova, Financial University under the Government of the Russian Federation, (Moscow, Russia), astanasova@fa.ru

Elena U. Sokolova, Financial University under the Government of the Russian Federation, (Moscow, Russia), eusokolova@fa.ru

Mels P. Tskhovrebov, Financial University under the Government of the Russian Federation, (Moscow, Russia), mptskhovrebov@fa.ru

Abstract. World's financial markets have undergone significant changes in recent years. The COVID-19 pandemic that began in 2020 contributed to increased volatility in the markets and increased uncertainty about future development. At the same time, the currency sphere is still one of the most important for maintaining stability in the economy and for successful exit from the crisis. As the article indicates, in times of crisis the national currencies of emerging markets and developing countries experience increased volatility and tendencies towards depreciation. Raising interest rates of the leading countries's central banks can destabilize the situation in the foreign exchange markets, especially in developing countries. The article shows the advantages and disadvantages of the appreciation and depreciation of the national currency. Currency depreciation negatively impacts poverty and inequality across countries. The increased volatility of the national currency has a negative impact on the development of the economy. At the same time in Russia, where volatility has also increased and the ruble has depreciated, there are significant opportunities to ensure a stable ruble. In the current conditions of high uncertainty in world markets, anti-Russian sanctions and the importance of strengthening internal foundations of the economy, the use of a wide range of mechanisms to ensure the stability of the currency sphere is especially important. Moreover, Russian regulators do have such opportunities.

Keywords: financial crisis, exchange rate, central bank, volatility of exchange rate, economic, inequality

Citation: Ershov M., Tanasova A., Sokolova E., Tskhovrebov M. (2021) On some aspects of the foreign exchange influence on socio-economic tendencies. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 7–17. DOI: 10.31857/S086904990017290-1 (In Russ.)

В последние годы ситуация в мировой экономике существенно изменилась. Соответственно, реалии вынуждают регуляторов применять новые механизмы финансовой политики – безлимитное количественное смягчение, низкие процентные ставки и др. В сложившихся условиях валютная политика и динамика валютных курсов по-прежнему играют важнейшую роль в новой меняющейся среде и привлекают к себе высокое внимание.

В 2021 г. глобальная экономика выходит из кризиса, который начался вследствие мер борьбы с пандемией в 2020 г. Темпы роста мирового ВВП ожидаются самыми высокими за последние 80 лет – по различным прогнозам, в 2021 г. показатель возрастет на 5–6%. Однако восстановление экономик происходит неравномерно по странам. Локомотивами роста стали США и Китай. В остальном мире более благополучная

ситуация наблюдается в развитых странах, где государства и финансовые регуляторы проводят масштабные меры поддержки.

Пандемия вынуждает власти вводить локальные локдауны, что способствует сохранению неопределенности в мире и сдерживает экономическую активность. В наиболее сложном положении оказались развивающиеся страны и государства с формирующимися рынками.

Антикризисные меры, принятые в 2020 г. в беспрецедентных масштабах, все больше влияют на развитие экономик и финансовых рынков. Масштабный объем ликвидности, влитый в экономику ведущими странами, а также нарушение цепочек поставок и логистики существенно ускорили инфляцию в мире. Ожидается, что в результате ведущие экономики – в частности, США и ЕС – могут перейти к более жесткой денежно-кредитной политике и повышению ставок уже в 2022 г., а не позднее, как об этом неоднократно заявляли сами регуляторы.

Ожидания роста инфляции, которые усилились в 2021 г., уже способствовали тому, что стоимость заимствований возрастает – особенно в странах с формирующимися рынками. Сохранить условия, которые поддерживают рост, важно для более прочного выхода из кризиса. Данный факт подчеркивают международные организации [World Bank 2021].

Стабильность на валютных рынках можно назвать важнейшим фактором успешного выхода из кризиса. Высокая изменчивость готовности инвесторов рисковать способствует перетокам капиталов между странами, что особенно влияет на валютные курсы менее развитых государств. Рост процентных ставок центральных банков ведущих стран увеличивает привлекательность их валют, но также может усилить перетоки валюты из менее развитых стран, из-за чего в данных государствах возрастет волатильность валюты и обесценятся их курсы.

В странах с развивающимися рынками волатильность валют особенно увеличивается в периоды нестабильности на международных финансовых рынках и в кризисы. Каждый из них имеет различное происхождение и причины, тем не менее, как правило, в кризисные периоды сокращается приток иностранной валюты в менее развитые страны. Более того, капиталы начинают перетекать в более развитые из них, что зачастую приобретает вид перетока «горячих денег». Данная динамика обесценивает национальные валюты и нередко приводит к росту инфляции и удорожанию стоимости внешнего долга при перерасчете в национальную платежную единицу. В результате обычно сокращается инвестиционная активность – даже несмотря на то, что для сохранения привлекательности валюты и предотвращения оттока капитала центробанки часто повышают процентные ставки. После существенной девальвации производители не ожидают быстрого восстановления спроса и ограничивают инвестиционную активность.

Соответственно, в 2020 г. в связи с пандемией коронавируса существенно повысилась неопределенность, которая привела к росту волатильности на валютных рынках. Инвесторы начали уходить от рисков, что повлекло отток капитала с развивающихся рынков на развитые. В результате курс национальных валют развивающихся стран стал обесцениваться в начале кризиса. Учитывая, что во многих государствах с развивающимися рынками высок уровень обязательств в иностранной валюте, девальвация национальной денежной единицы увеличивает расходы по погашению долга, из-за чего ухудшаются финансовые показатели компаний и повышаются риски дефолтов. Кроме того, увеличение государственных расходов на обслуживание внешнего госдолга выводит деньги из страны, сокращая поступление средств в национальную экономику.

В 2020 г. многие страны с формирующимися рынками столкнулись с ростом волатильности курса и обесценением валюты. В ряде из них девальвационные тенденции продолжились и в 2021 г. после некоторой стабилизации в конце 2020 г. (рис. 1). Данная динамика способствовала росту инфляции в 2021 г.

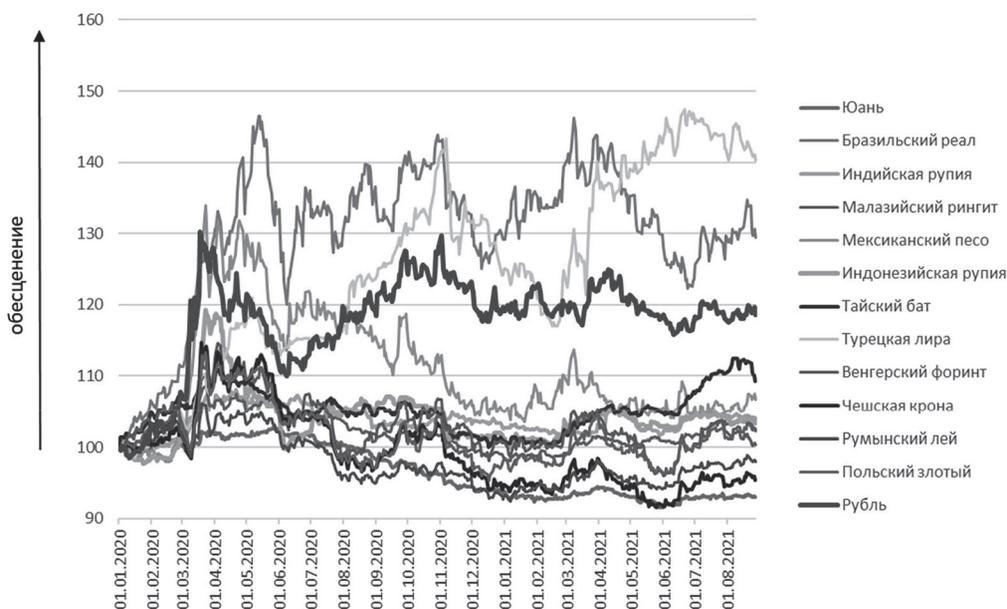

Рисунок 1. Динамика курсов национальных валют к доллару США, 01.01.2020=100.

Figure 1. EM currency exchange rate to USD, 01.01.2020=100.

Источник: по данным Thomson Reuters.

Source: Thomson Reuters.

Очевидно, что валютная политика – важный рычаг для упрочения позиций страны в мире, от которой в немалой степени зависит благосостояние граждан страны. Развитые государства активно применяли рычаги валютной политики на относительно ранних этапах глобализации мировой экономики.

Экономисты продолжают дискуссии об уровне курса национальной валюты – о необходимости ее переоцененности или недооцененности, а также об использовании механизмов валютного регулирования. Традиционно считается, что для стимулирования экспортоориентированных направлений в экономике, которые должны быть драйверами экономического роста, курс национальной валюты должен быть слабым, тогда как крепкий курс для них нежелателен.

Стоит отметить, что США, формируя и распространяя свою экономическую мощь в мире, проводили политику сильного доллара как важнейшего рычага экономической экспансии. Согласно [Еришов 2005], «дорогая валюта позволяет более эффективно “входить” в экономическое пространство других стран, ставить под контроль иностранные активы, которые будут для американских инвесторов более дешевыми, ставить под контроль основные финансовые потоки. Чем дороже валюта, тем эффективнее и экономичнее это можно сделать».

Также ряд развитых стран использовали валютный курс для того, чтобы защитить свои рынки от притока нежелательного инвестиционного капитала. Одновременно они применяли механизмы торговой политики для усиления защиты от американского импорта. Такие страны, как Дания, Япония, Швеция, Швейцария и Великобритания с середины 1990-х гг. поддерживали свою валюту переоцененной по отношению к доллару США. Для данных государств такая валютная политика, вероятно, была целенаправленной стратегией, которая позволяла им проводить политику «умеренной вовлеченности»

в интеграционные процессы [Ершов 2005]. Другими словами, экспортно-импортные операции естественно важны для текущей деятельности, но еще более значимы и системны капитальные операции, которые позволяют эффективно вести операции с реальными активами. Девальвация национальной валюты способствует повышению эффективности национальных экспортеров, но вместе с тем из-за нее падает стоимость активов самого экспортера, который ставит иностранных покупателей в более благоприятные условия по сравнению с внутренними инвесторами. Гипотетически, постоянное повышение эффективности экспорта через удешевление национальной валюты может привести к тому, что национального экспортера и его высокоэффективные экспортные операции приобретет иностранный инвестор по минимальной цене.

Из-за занижения курса привлекательность национальной валюты для населения падает, что усиливает ее отток – в том числе через покупку иностранной валюты жителями страны. В результате усиливается долларизация экономики. Кроме того, сжимается внутренний спрос, что ограничивает внутренние источники экономического роста и ухудшает качество жизни населения. При высокой зависимости производства от импортных компонентов (как, например, в России) слабая валюта приводит к удорожанию производства и ограничивает его потенциал для развития. Слишком слабая валюта снижает стоимость национальных активов (в результате обостряется проблема залогового обеспечения – т.н. margin calls), делая их менее привлекательными для национальных инвесторов.

Обесценение ведет к неэквивалентному обмену с другими странами из-за того, что удешевление национальной валюты сокращает также и оценку доходов населения – спрос населения на международном рынке снижается. В результате граждане страны с обесценивающейся валютой становятся относительно беднее населения той страны, по сравнению с чьей валютой она обесценилась. Дешевая национальная валюта приводит к уменьшению валютной оценки ВВП, активов, доходов и других показателей, которые характеризуют уровень развития страны.

В результате национальные инвесторы теряют возможность присутствовать на внешних рынках в качестве полномасштабных инвесторов, так как иностранные активы становятся недоступно дорогими [Ершов 2011].

Происходит удорожание внешних займов и обязательств для всех – и для организаций, и для государственного бюджета. Одни страны превращаются в постоянных поставщиков товаров, а другие – в системных инвесторов, которые определяют структуру и характер экономики. По данной причине импорт продукции допускается, но капитальные операции регулятор пристально контролирует и тщательно ограничивает.

Также для валютной политики важно не допускать неоправданные колебания валютного курса. ЮНКТАД справедливо называет стабильный обменный курс основополагающим принципом экономики, который способен стимулировать рост и занятость [UNDP 2015]. Его высокая волатильность привлекает спекулятивные операции, в то же время существенно ограничивая возможности бизнеса планировать и прогнозировать деятельность.

Динамика валютного курса и валютная политика влияют на социально-экономическое положение населения и уровень неравенства. В текущий кризис проблемы роста бедности и неравенства в мире приобрели новую остроту [World Bank 2021, OECD 2021, Говорова 2021].

Сокращение неравенства включено в число приоритетных Целей устойчивого развития ООН. Данная проблема актуальна и для России, где в последние десять лет доля наиболее бедного населения увеличивается. В России неравенство доходов населения и высокий уровень бедности уже многие годы препятствуют экономическому росту и развитию страны. Национальные цели развития Российской Федерации до 2030 г., которые Президент РФ В.В. Путин обозначил в середине 2020 г., также включают снижение

уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. Действительно, данные проблемы становятся ключевыми в условиях выхода из кризиса, когда внутреннему спросу отводится миссия локомотива экономического роста.

Роль государства в снижении неравенства и в перераспределении доходов реализуется через различные каналы, причем их диапазон достаточно широк – от государственных образовательных программ, налоговой политики и социальных выплат до экономических мер, которые регулируют внешнеэкономическую деятельность, движение капитала и др. [Morgan, Kelly 2013]. Валютная политика – один из важных рычагов, который оказывает влияние на неравенство и перераспределение доходов.

Анализ взаимосвязей текущего курса рубля к доллару и показателя неравенства за период с 2000 г. показал, что обесценение рубля помогает сократить неравенство². Такой результат объясняется тем, что данный процесс способствует росту доходов бюджета, что, в свою очередь, позволяет наращивать расходы бюджета в том числе на социальную поддержку населения. Данные средства в значительной мере направляются людям с меньшими доходами.

Стоит отметить, что курс рубля в отдельные периоды испытывал существенные провалы. В частности, за довольно короткие временные периоды (например, в ноябре-декабре 2014 г., а августе 2015 г., в январе 2016 г., в марте 2020 г.) рубль обесценивался примерно на 10–30%. В результате Банк России не раз был вынужден повышать ключевую ставку. Зависимость курса от нефтяных цен приводит к тому, что рубль, как правило, обесценивается при снижении стоимости нефти (даже несмотря на то, что данная взаимосвязь несколько ослабла в последнее время). Причем, например, в 2014–2015 гг. рубль обесценился даже сильнее, чем валюты других стран-нефтеэкспортеров. Также данный фактор существенно влияет на рост инфляции. В 2015 г. превышение целевого уровня инфляции в 5%, по данным Банка России, примерно на две трети было обусловлено ослаблением курса [Набиуллина 2015].

Очевидно, что обесценение рубля важно для финансирования расходов государственного бюджета России, т.к. почти половина доходов бюджета формируется из поступлений от внешнеэкономической деятельности и связанных с ней сырьевых отраслей. Однако такая зависимость сдерживает диверсификацию российской экономики, сохраняя ее сырьевую направленность.

Между тем у российских регуляторов есть механизмы, которые в состоянии обеспечить необходимый уровень госрасходов без опоры на валютный курс, в связи с чем представляется некорректным жестко связывать обесценение рубля и снижение неравенства. Так, если бы Банк России стал значимым покупателем российского государственного долга, средства от его эмиссии можно было бы направить на финансирование экономики. Данный метод многие годы практикуют в ведущих западных экономиках, а в кризисный период 2020 г. начали также применять и в странах с формирующимися рынками (в Венгрии, Польше, Хорватии, ЮАР, Малайзии и др.). В развитых государствах на балансах центральных банков может находиться до 50% всех облигаций, которые были выпущены их министерством финансов. В России данный механизм способен одновременно обеспечить эффективное финансирование бюджетных расходов и снизить актуальность обесценения курса рубля. Кроме того, у страны имеются масштабные золотовалютные резервы, которые почти в 7 раз превышают международные нормы по покрытию импорта.

² Была построена модель для определения влияния курса рубля на неравенство доходов населения. Использовался прикладной пакет эконометрических исследований «Gretl» на двух временных периодах – 2000–2009 гг. и 2010–2019 гг. В модели в качестве показателя неравенства доходов служил коэффициент Джини, рассчитываемый Росстатом России; в качестве курсового показателя был применен показатель соотношения номинального курса руб./долл. США к курсу руб./долл., рассчитанный по паритету покупательной способности (ППС).

Часть суммы превышения над международными требованиями можно было бы направить на восполнение недостающих расходов бюджета.

МВФ в настоящее время выделяет десять режимов валютного курса, которые могут быть объединены в три группы: жестко фиксированный обменный курс, режимы мягкой привязки валютных курсов, режимы плавающего валютного курса (свободное и управляемое плавание). Большинство государств не придерживаются выбранного валютного режима жестко.

Международные финансовые организации рекомендовали многим развивающимся странам перейти на режим фиксированного номинального обменного курса или режим свободно плавающего обменного курса. По мнению ряда исследователей [van der Hoeven 1991], такая политика привела к увеличению неравенства в них.

В государствах, которые прислушались к данным рекомендациям, усилились риски валютных кризисов и существенной девальвации национальной валюты. С одной стороны, режимы фиксированного номинального обменного курса не справляются с внешней нестабильностью (например, торговыми шоками), подвергаются спекулятивным атакам и увеличивают риски валютных кризисов. С другой стороны, режим свободного плавления курса часто приводит к «свободному падению» с учетом того, что поведение потоков капитала имеет изменчивый и проциклический характер. Массовая девальвация валюты и кризисы, которые последовали после принятия вышеуказанных режимов, способствовали быстрому сокращению реальной заработной платы, что нередко непропорционально сказывалось на населении с наиболее низким доходом [UNDP 2013].

Как показывают исследования, для успешного развития экономики не существует однозначных и универсальных рецептов валютной политики, пригодных для любой конкретной страны в увязке с конкретным этапом ее развития. Исследования о влиянии инфляции, колебаний производства и торговли (каналы, через которые валютная политика государства может влиять на неравенство населения) приходят к разноплановым выводам. Тем не менее авторы признают, что волатильность валютного курса негативно влияет на все перечисленные факторы, а следовательно, и на неравенство.

Курс рубля испытывает повышенную волатильность в периоды нестабильности на рынках – в том числе она возросла и в 2020 г. Данный фактор затрудняет планирование и прогнозирование деятельности. Учитывая, что Россия зависима от импорта (как потребительского, так и инвестиционного), повышенная волатильность курса рубля существенно ограничивает экономическую активность бизнеса и населения. При более стабильном курсе рубля ориентиры для бизнеса станут четче, что особенно важно при реализации долгосрочных инвестиционных проектов. Кроме того, он будет способствовать расширению внутреннего спроса, росту экономики и, соответственно, увеличению налоговых поступлений и возможностей государственного бюджета.

У Банка России есть достаточные возможности, чтобы предотвратить рост волатильности рубля. В частности, золотовалютные резервы России более чем в два раза превышают денежную базу рубля. Данная тенденция довольно устойчива (рис. 2). При необходимости Банк России может стабилизировать курс рубля, и даже более того – установить необходимый для развития экономики курс. Учитывая масштабы золотовалютных резервов в России, регулятору для стабилизации курса достаточно четко обозначить рынку свое намерение о вмешательстве. Кроме того, значительный объем резервов должен стать более весомым фактором повышения доверия российского рынка к рублю в целом.

Также с целью стабилизации курса Банк России может активнее применять различные нормативные показатели для кредитных организаций, которые повысят привлекательность операций в рублях. В частности, можно внести изменения в нормативы, которые регулируют оценку рисков, достаточность капитала и формирование резервов.

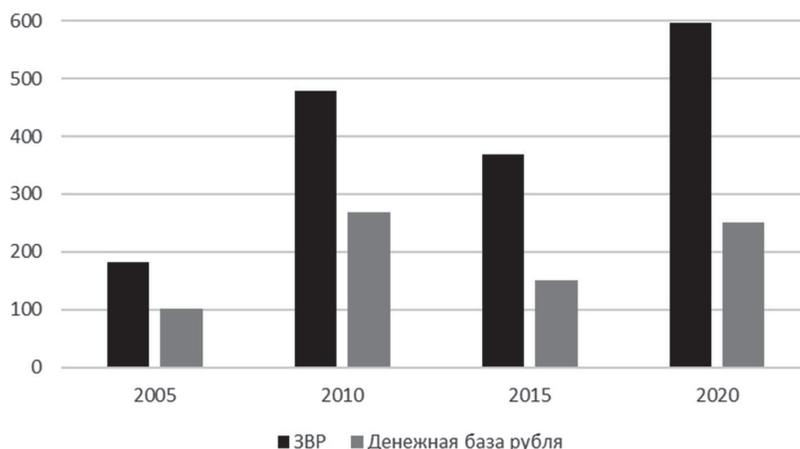

Рисунок 2. Золотовалютные резервы России и денежная база рубля, млрд долл.

Figure 2. Russia: international reserves and money base, rub bn

Источник: по данным Банка России.

Source: The Central Bank of Russian Federation.

В случае роста спекулятивного давления на рубль и сокращения международных резервов до критического уровня регулятор может на ограниченный период времени ввести обязательную продажу части валютной выручки, а также применить нормативы валютной позиции, лимиты и другие способы снижения спекулятивного давления. При стабилизации курса данные меры можно ослабить или вовсе отменить.

Для снижения волатильности курса можно установить на определенный период времени минимальную валютную позицию по конверсионным операциям. Данная мера сократит спекулятивную активность, но не будет препятствовать исполнению обязательств (например, погашению долгов и др.).

Оказывать поддержку рублю необходимо и с помощью словесных интервенций. Одновременно следует принимать во внимание настроения на рынке и возможные последствия вербального воздействия на курс. Если оно будет недостаточно последовательным, могут возникнуть отрицательные эффекты – например, «бегство» от рубля, его удешевление, отток капитала и т.д.

В кризисные периоды многие страны применяют механизм валютных интервенций для стабилизации курса национальной валюты. В частности, в марте 2020 г. такой механизм активно использовали страны с формирующимися рынками. Банк России считает, что в условиях режима свободного плавания рубля регулятор может вмешиваться в курсообразование и валютные интервенции лишь в крайних случаях дестабилизации на валютном рынке. Однако, покупая валюту для Минфина РФ в рамках бюджетного правила, Банк России оказывает понижательное давление на курс рубля, по сути вмешиваясь в курсообразование и поддерживая иностранную валюту. В период дестабилизации на валютном рынке в 2020 г. регулятор приостановил покупки, таким образом признав, что данные операции оказывают обесценивающее влияние на курс. Очевидно, столь противоречивые действия и заявления Банка России затрудняют для участников рынка понимание ситуации и сдерживают возможности по повышению их доверия к политике регулятора.

В июне 2021 г. глава Банка России Э. Набиуллина заявила, что происходящие изменения в экономике могут потребовать подстройки всех видов политики регулятора,

включая денежно-кредитную политику [Набиуллина 2021]. Очевидно, что в условиях, когда курс рубля существенно влияет на инфляцию, а его колебания сильно подвержены воздействию внешнеэкономической конъюнктуры, при корректировке своей политики регулятору важно тщательно рассмотреть и включить в свою политику также механизмы по стабилизации курса. Как авторы уже указали выше, такие механизмы существуют. Представляется целесообразным принимать во внимание не только параметры инфляции, но также возможности и перспективы экономического роста.

Новый закон об отмене требования возврата валютной выручки экспортерами несырьевой продукции (вступил в силу 1 июля 2021 г.) также повлияет на российский валютный рынок. Очевидно, что его разумная либерализация важна в современных условиях глобальной экономики. Однако необходимо учитывать риски, которые при этом возникают, и быть готовыми к ограничению негативных последствий. В частности, сокращение объемов возврата валютной выручки будет сдерживать повышение глубины внутреннего валютного рынка, что усилит его неустойчивость и приведет к росту волатильности курса.

Международный опыт показывает, что в развитых странах либерализация проходила более взвешенно, чем в развивающихся. Например, Япония начала открывать свой рынок довольно медленно и на этапе, когда экономика находилась на подъеме. Сначала либерализация коснулась внешней торговли (рынки товаров и производств, которые не были готовы к внешней конкуренции, открывались позже), и только потом она перешла на валютную сферу и движение капитала. Примечательно, что данный процесс проходил в течение 30 лет. По оценкам японских экспертов, такой подход позволил стране избежать негативных последствий [Кравцевич 1995].

В последние годы многие страны стараются активнее сокращать применение доллара в своей деятельности. Такие тенденции в ближайшее время будут все больше влиять на курс данной валюты. России также необходимо расширять применение рубля в международных расчетах. В условиях нарастающей геополитической напряженности переход на национальную валюту может снизить риски санкций к финансовым средствам экспортеров, которые размещаются в иностранной валюте в зарубежных банках.

У российских регуляторов есть достаточные и неиспользованные возможности для формирования более эффективной валютной политики. Актуальность их применения повышается в условиях высокой неопределенности в мировой экономике. Более широкий подход, который будет учитывать интересы развития российской экономики в целом, а не только уровень инфляции, а также более четкое обозначение своих позиций повысят доверие к политике регулятора. В результате возрастет стабильность на финансовом рынке и улучшится экономический климат, что будет содействовать росту экономической активности страны и благосостояния населения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Набиуллина Э.С. (2015). Выступление Председателя Банка России Э.С. Набиуллиной в Государственной Думе Российской Федерации 16 июня 2015 года по вопросу «О годовом отчете Банка России за 2014 год». Центральный банк Российской Федерации. (https://old.cbr.ru/press/st/press_centre/Nabiullina_16062015/).

Набиуллина Э.С. (2021). Выступление Э.С. Набиуллиной на Международном финансовом конгрессе. Ассоциация Российских Банков. (https://arb.ru/b2b/news/vystuplenie_elviry_nabiullinoyna_mezhdunarodnom_finansovom_kongresse-10482755/).

Горова Н.В. (2021) Бедность и неравенство: вызовы пандемии COVID-19 // *Общественные науки и современность*. №3. С.75–87.

Ершов М.В. (2005) Экономический суверенитет России в глобальной экономике. М.: Экономика. 280 с.

- Ershov M.V. (2011) *Мировой финансовый кризис. Что дальше?* М.: Экономика. 295 с.
- Kravcevic A.I. (1995) Японский опыт реформ и задачи России // К вопросу об использовании опыта послевоенного восстановления Японии для России. Токио. НИИ Промышленной политики. НИИ национальной экономики. С. 1–56.
- Morgan, J., Kelly, N.J. (2013). Market Inequality and Redistribution in Latin America and the Caribbean // *Journal of Politics*. 75(3). P. 672–685.
- OECD (2021). *OECD Economic Outlook*. Volume 2021 Issue 1. No.109. Paris: OECD Publishing. (https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2021/issue-1_edfbca02-en#page1).
- UNDP (2015). *Human Development Report 2015: Work for Human Development*. New York: United Nations Development Programme. (<http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2015>).
- UNDP (2013). *Humanity Divided: Confronting Inequality in Developing Countries*. New York: United Nations Development Programme. (<https://www.undp.org/publications/humanity-divided-confronting-inequality-developing-countries>).
- van der Hoeven, R. (2000). Labour Markets and Income Inequality: What are the New Insights after the Washington Consensus? // *UN Wider Working Paper*. No. 209. Helsinki: UN-WIDER.
- World Bank (2021) *Global Economic Prospects, June 2021*. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1665-9 (<https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>).

REFERENCES

- Nabiullina E.S. (2015). *Vystuplenie Predsedatelya Banka Rossii E.S. Nabiullinoy v Gosudarstvennoj Dume Rossijskoj Federacii 16 iyunya 2015 goda po voprosu «O godovom otchete Banka Rossii za 2014 god»*. [Nabiullina E.S. Speech at the State Duma of the Russian Federation On Annual Report of the Bank of Russia 2014]. Central Bank of Russia. (https://old.cbr.ru/press/st/press_centre/Nabiullina_16062015/).
- Nabiullina E.S. (2021). *Vystuplenie E.S. Nabiullinoy na Mezhdunarodnom finansovom kongresse*. [Nabiullina E.S. Speech at the World Financial Congress]. Russian Banks Association. (https://arb.ru/b2b/news/vystuplenie_elviry_nabiullinoy_na_mezhdunarodnom_f finansovom_kongresse-10482755/).
- Govorova N.V. (2021) *Bednost' i neravenstvo: vyzovy pandemii COVID-19* [Govorova N.V. Poverty and Inequality: Challenges of the COVID-19 Pandemic]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. no. 3, pp.75–87.
- Ershov M.V. (2005) *Ekonomicheskij suverenitet Rossii v global'noj ekonomike* [Economic Sovereignty of Russia in the Global Economy]. Moscow: Ekonomika. 280 p.
- Ershov M.V. (2011) *Mirovoj finansovyj krizis. Chto dal'she?* [World Financial Crisis. What's Next?] Moscow: «Ekonomika». 295 p.
- Kravcevic A.I. (1995) *Yaponskii opit reform I zadachi Rossii* [Japanese experience of reforms for Russia]. Tokyo. NII Promyshlennoj politiki. NII nacional'noj ekonomiki. pp. 1–56.
- Morgan, J., Kelly, N.J. (2013). Market Inequality and Redistribution in Latin America and the Caribbean. *Journal of Politics*. no. 75(3) pp. 672–685.
- OECD (2021). *OECD Economic Outlook*. Volume 2021 Issue 1. No.109. Paris: OECD Publishing. (https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2021/issue-1_edfbca02-en#page1).
- UNDP (2015) *Human Development Report 2015: Work for Human Development*. New York: United Nations Development Programme. (<http://hdr.undp.org/en/content/human-development-report-2015>).
- UNDP (2013). *Humanity Divided: Confronting Inequality in Developing Countries*. New York: United Nations Development Programme. (<https://www.undp.org/publications/humanity-divided-confronting-inequality-developing-countries>).
- van der Hoeven, R. (2000). Labour Markets and Income Inequality: What are the New Insights after the Washington Consensus? *UN Wider Working Paper*. no. 209. Helsinki: UN-WIDER.
- World Bank (2021) *Global Economic Prospects, June 2021*. Washington, DC: World Bank. doi:10.1596/978-1-4648-1665-9 (<https://www.worldbank.org/en/publication/global-economic-prospects>).

Информация об авторах

Ершов Михаил Владимирович, доктор экономических наук, профессор Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Ленинградский пр-т, 49, Москва, Россия, 125993. E-mail: astanasova@fa.ru

Танасова Анна Станиславовна, кандидат экономических наук, заместитель директора Центра денежно-кредитной политики и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Ленинградский пр-т, 49, Москва, Россия, 125993. E-mail: astanasova@fa.ru

Соколова Елена Юрьевна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра денежно-кредитной политики и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Ленинградский пр-т, 49, Москва, Россия, 125993. E-mail: eusokolova@fa.ru

Цховребов Мельс Павлович, кандидат экономических наук, младший научный сотрудник Центра денежно-кредитной политики и финансовых рынков Финансового университета при Правительстве РФ. Адрес: Ленинградский пр-т, 49, Москва, Россия, 125993. E-mail: mptskhovrebov@fa.ru

About the authors

Mikhail V. Ershov, Doctor of Sciences (Economics), Director, Center for Monetary Policy and Financial Markets, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125993, Moscow, Leningradskiy Avenue, 49. E-mail: astanasova@fa.ru

Anna S. Tanasova, Candidate of Sciences (Economics), Deputy Head, Department of Center for Monetary Policy and Financial Markets, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125993, Moscow, Leningradskiy Avenue, 49. E-mail: astanasova@fa.ru

Elena U. Sokolova, Candidate of Sciences (Economics), Leading Research Fellow, Center for Monetary Policy and Financial Markets, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125993, Moscow, Leningradskiy Avenue, 49. E-mail: eusokolova@fa.ru

Mels P. Tskhovrebov, Candidate of Sciences (Economics), Associate Research Fellow, Center for Monetary Policy and Financial Markets, Financial University under the Government of the Russian Federation. Address: 125993, Moscow, Leningradskiy Avenue, 49. E-mail: mptskhovrebov@fa.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 06.07.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 14.09.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 21.09.2021

DOI: 10.31857/S086904990017291-2

СОЦИОКУЛЬТУРОЛОГИЯ SOCIOCULTUROLOGY

Оригинальная статья / Original Article

Социокультурные отношения и коммуникации в постпандемическом мире: глобальный разворот или ситуативный кризис постмодерна

© Д.Г. ЕВСТАФЬЕВ, Л.А. ЦЫГАНОВА

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), devstafiev@hse.ru

Цыганова Любовь Александровна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ltsyganova@hse.ru

Мир поздней глобализации отличается двойственностью и внутренней противоречивостью в социокультурных отношениях и коммуникациях, что отражается в кризисе универсальных моделей социального поведения. Единственной сферой, где социальный универсализм сохраняет актуальность, остаются коммуникации. В ней активно развиваются новые форматы и появляются культурные прото-артефакты. Пандемия коронавируса изменила логику развития и в данном сегменте глобального взаимодействия, затронув фундаментальные основы универсалистской модели социального поведения. Социокультурные отношения в силу целого комплекса причин становятся сферой, где соприкасаются и конкурируют тенденции и институты, которые связаны с периодом поздней глобализации – в том числе и те, которые возникли на волне ее кризиса. Коммуникационная среда становится исключительно важной, поскольку новые технологии данной сферы позволяют отражать не только макротренды, но и эволюцию микрокультур, которые в условиях системного (институционального) кризиса глобализации приобретают большее, чем обычно, значение. Формируется симбиотический социокультурно-коммуникационный феномен, способный стать одним из важнейших факторов в определении перспективных моделей глобального развития. Авторы статьи анализируют важнейшие направления развития сферы социокультурных коммуникаций и их трансформацию в 2020-2021 гг. Поставлен вопрос о том, насколько тенденции социокультурного развития периода пандемического кризиса ведут к формированию новой модели, или же ситуация развивается в рамках прежней. Авторы делают вывод, что существует серьезный риск разрушения глобальной социокультурной, а, возможно, и социальной универсальности. На данной основе формулируется прогноз дальнейшей трансформации сферы социокультурного развития в актуальной информационной среде.

Ключевые слова: глобализация, информационное общество, кризис глобальной социальной модели, социокультурные коммуникации, постмодерн, постглобальное развитие

Цитирование: Евстафьев Д. Г., Цыганова Л. А. (2021) Социокультурные отношения и коммуникации в постпандемическом мире: глобальный разворот или ситуативный кризис постмодерна // Общественные науки и современность. № 5. С. 18–29. DOI: 10.31857/S086904990017291-2

Socio-cultural Relations and Communications in the Post-Pandemic World: Global Reversal or Situational Crisis of Postmodernism

© D. EVSTAFIEV, L. TSYGANOVA

Dmitry G. Evstafiev, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), devstafiev@hse.ru

Lubov A. Tsyganova, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ltsyganova@hse.ru.

Abstract. The world of late globalization is distinguished by duality and internal contradictions in socio-cultural relations and communications, which reflects in the crisis of universal models of social behavior. The only area where the principles of social universality remain relevant is the sphere of communications, where active development of new formats and the emergence of new cultural proto-artifacts continues. The coronavirus pandemic has altered the logic of development in this segment of global interaction, since it affected the very foundations of universal social behavior models. Socio-cultural relations, due to a complex of reasons, are becoming a sphere where tendencies interact and compete as well as institutions associated with the period of late globalization, including those that emerged on the wave of its crisis. At the same time, the communication environment becomes extremely important, since new technologies will make it possible to reflect not only macro-trends, but also the evolution of micro-cultures, which, in the context of a systemic (institutional) crisis of globalization, are becoming more important than usual. This symbiotic socio-cultural-communication phenomenon can become one of the most important factors in determining future models of global development. The article analyzes the most important directions of development of the sphere of socio-cultural communications and their transformation in 2020-2021. The article amplifies whether the trends for socio-cultural developments that formed through the pandemic crisis lead towards the formation of a new model of socio-cultural development or such trends remain within the traditional framework. The major conclusion is that the formation of the model has not started yet, though the risk of distraction of global socio-cultural – and probably social universality – became obvious. Conclusions are made regarding further transformation of the sphere of socio-cultural development in the current information environment

Keywords: globalization, information society, crisis of the global social model, socio-cultural communications, postmodernity, post-global development

Citation: Evstafiev D., Tsyganova L. (2021) Socio-cultural Relations and Communications in the Post-Pandemic World: Global Reversal or Situational Crisis of Postmodernism. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 18–29. DOI: 10.31857/S086904990017291-2 (In Russ.)

Введение

Важнейшей чертой мира поздней глобализации стала претензия на универсальность модели социального развития, которая лежала в основе концепта социальной глобализации [Giddens 2003]. В ней заключается отличие поздней глобализации от экономической, которая допускала многоукладность и многоформатность хозяйственной деятельности [Тоффлер 2004]. Данная специфика отражает глубинную сущность процесса как неуклонной социальной универсализации всех областей – от моделей социального поведения до форматов коммуникаций. Социальная универсальность была дополнена концепцией надпространственности [Friedman 2005]. Она ставила в приоритет для глобализации те сферы, которые максимально отделены от национальных государств, суверенитет которых имел ярко выраженный пространственный характер (информационное общество, глобализированные форматы культурного взаимодействия, модели потребления и социальной манифестации).

Как результат, модели развития в большинстве сфер человеческой деятельности были не только социально универсальными и надпространственными, но и до известной степени независимыми от уровня экономико-технологического и социально-экономического развития конкретного пространства и общества. На этапе поздней глобализации экономику как базис для развития заменил маркетинг, который трактовали в терминах социального конструирования [Диамандис, Котлер 2018]. Данная тенденция – пример того, что пространство глобализации даже в экономическом формате проявляется как продукт социо-конструктивистских технологий, ограниченных пространством потребления. «Потребление», безусловно, трактовали в максимально широком смысле, хотя область развития социальности оказывалась методологически ограниченной.

В дискурсе развилась специфическая структура. С одной стороны, поднимались проблемы, связанные с инструментальным наполнением социальной сферы в условиях глобализации на базе постиндустриализма и социокультурного постмодерна [Wilterdink 2002]. С другой стороны, активно исследовались вопросы развития социально значимой эстетики постглобального [Родькин 2021]. На практике никакая принципиально революционная эстетика не сформировалась – кроме видеоарта, который во многом продолжает прежние линии¹, но осваивает новые технологические возможности.

Современный мир продолжает существовать в рамках прежних социокультурных парадигм, которые во многом определяются форматами современного информационного общества и соответствуют принципиально иной исторической эпохе. Можно согласиться с мнением ряда западных исследователей о том, что корпоратизация развития в эпоху поздней глобализации выхолостила социальность и сдерживает связанные с ней аспекты человеческого развития [Рашкофф 2017], включая и социокультурное развитие, и социокультурные коммуникации.

В сфере социокультурных коммуникаций отражаются особенности развития социальной и информационной среды в эпоху постиндустриальной глобализации. Вероятно, ее можно назвать специфическим феноменом, который свойственен именно современной исторической эпохе. Наблюдаются попытки обозначить места новых социокультурных форматов и социокультурных коммуникаций в системе «новой социальности», которая формируется на базе отрицания большинства концептов (но не «ценностей») поздней глобализации и, более того, в прямой конкуренции с ними. Процесс отражает усиливающуюся роль информационного общества², которое стало в силу своей форматной универсальности инструментом практически неограниченного взаимодействия между отдельными сферами социальности человека.

Применительно к периоду поздней глобализации авторы определяют сферу социокультурных отношений следующим образом.: гибридное пространство, которое возникло на стыке социального действия и коммуникаций, в котором человек социально самоидентифицируется через соотнесение себя одновременно с моделями социального поведения (настоящим) и культурно-исторической парадигмой (прошлым), выраженными в коммуникационно доступных форматах (повседневность) и истолкованными в соответствии с личностными факторами –, прежде всего с отрефлексированным личным опытом человека [Хабермас 2008], соотнесенным с той или иной социально значимой группой³.

В эпоху зрелого постмодерна определяющей тенденцией развития стала «товаризация» социокультурных отношений, в рамках которой сфера социокультурных коммуника-

¹ Превращение медиаарта в форму искусства стало возможным только в эпоху постмодерна, который позволил изъять из сферы культуры системы критериев [Шустрова 2013].

² В данном контексте авторы рассматривают понятие «информационное общество» как интерфейс между информационным пространством и человеком. Указанное понимание было апробировано авторами в ряде ранее опубликованных работ.

³ Основные тезисы о феномене и формировании социокультурного пространства опубликованы в статье «Постглобальное социокультурное развитие: пространственный аспект» [Евстафьев, Цыганова 2020].

ций превращается в пространство для монетизации не только культурных артефактов (что естественно), но и социокультурных процессов⁴.

Исходя из подобного понимания, социокультурные коммуникации могут быть определены как социально значимое (публичное) отражение основных тенденций социокультурного развития, которая трансформировалась в соответствии с господствующими форматами коммуникаций и нормами социального поведения в расширительной трактовке. Особенностью периода постиндустриального постмодерна и поздней глобализации стало то, что сфера социокультурных отношений превратилась в пространство их монетизации, как и предполагали классики теории социальной коммуникации.

Сфера социокультурных отношений в том виде, в котором мы ее знаем – одновременно и продукт глобализации, и ее атрибут, и один из инструментов, которые обеспечивают системную целостность глобализации.

Правоммерно поставить вопрос о существовании принципиальной развилки в развитии сферы социокультурных отношений.

Первый путь заключается в сохранении основных современных институтов социокультурных отношений, которые начинают играть роль ограничителей социокультурного развития и, соответственно, пространства развития «новой социальности». В таком случае рестриктивность в развитии и социокультурных отношений, и социокультурных коммуникаций может возрасти, причем как на корпоративной, так и на национально-государственной основе, что даст дополнительный стимул развитию микрокультур и гибридных социо-коммуникационных анклавов (в том числе социокоммуникационных сект). В результате начнется постепенная анклавизация сохраняющего внешнюю целостность информационного пространства, которая, первоначально возникнув на основе контента, по мере развития станет ценностной. В итоге относительно медленными темпами она приведет к разрушению универсальности информационного общества и, как следствие, его общеглобального характера.

Вторая, альтернативная модель сводится к относительно быстрому развитию локализованных (привязанных к конкретному пространству и к конкретным проявлениям пространственного суверенитета) социокультурных пространств. Сфера социокультурных отношений распадется и перестанет существовать в том виде, в котором она сформировалась в период поздней глобализации. В результате разрушится и универсальный характер глобализованного информационного общества. Данный процесс, будучи внешне структурно-институциональным, предполагает интродукцию в информационное общество элементов ценностной стратификации, которые в дальнейшем могут перерасти в идентификаторы «своей-чужой». Иными словами, возникнет цивилизационная стратификация.

Суть «развилки» заключается в том, как будет разрушаться глобальный характер существующей социокультурной среды, которая опирается на глобализованное информационное общество: изнутри и сравнительно медленно, или извне за счет механизмов национального администрирования коммуникационной и социо-коммуникационной среды, что существенно ускорит процесс.

Финальной точкой развития станет возникновение специфических социо-коммуникационных пространств, которые отражают ценностное или «квази-ценностное» (как в «культуре отмены») структурирование общества.

⁴ С методологической точки зрения позиция авторов в трактовке роли и места социокультурных коммуникаций в системе позднего постмодерна близка к позиции Д. Харви, который считал постмодерн продуктом (а социокультурный компонент постмодерна – побочным продуктом) перехода в экономических практиках от «фордизма» к более гибким форматам накопления [Харви 2021]. Однако стоит отметить, что глобальное информационное пространство в мире позднего постмодерна стало одним из важнейших пространств накопления, а глобализованное информационное общество, находясь в симбиотическом взаимодействии с мировой финансово-инвестиционной сферой – инструментом управления монетизацией и накоплением.

Трансформация тенденций поздней глобализации

Постглобальные социокультурные отношения появились не внезапно и не только из-за социальных и политических процессов, связанных с последствиями пандемии. Многие тенденции развития социокультурной сферы, которые зародились и обозначились в период поздней глобализации, одновременно были и отрицанием целого ряда важнейших базовых ее условий: стремления к универсальности социальных моделей, опоры на стандартизированные социальные институты, которые обеспечивали «догоняющее» социальное развитие, культуру кредитного потребления и др. Уже накануне пандемических трансформаций социокультурная сфера развивалась гибридно, собирая в себе значимые элементы как пространственности, так и трансформирующегося глобального универсализма. Векторы трансформаций, который сформировались еще до пандемических ограничений, не просто остаются среднесрочно актуальными (хотя и с коррективами на «новую социальность»), но могут стать основой для структурирования системы глобального и регионального развития на долговременную перспективу.

В период пандемии социальные аспекты развития оказались более подвержены воздействию социально-санитарных ограничений («новой нормальности»), чем экономика, но социальная сфера существенно лучше адаптировалась к новому контексту, отражая долгосрочные тенденции.

Пять тенденций, которые развивают заложенные в период поздней глобализации процессы, следует, вероятно, считать системообразующими⁵.

1. Превращение информационного общества из сервисного инструмента и средства управления большими системами в средство социальной идентификации. За последние 30 лет понимание роли информационных технологий постепенно эволюционировало: если ранее их считали сервисным инструментом, который повышает эффективность экономических систем, то сейчас их используют и воспринимают как средство структурирования общества через управление вовлечением отдельных индивидов и групп. Тенденция в целом по-прежнему актуальна, однако пределы возможностей современного информационного общества становятся очевидными. Их ограничивает не только отсутствие прорывных технологических решений. Конечно, многие важные сферы оставались вне цифровых коммуникаций, но социальное поведение больших общественных групп в значительной мере определялось цифровизацией. Без доступа к цифровым каналам коммуникаций, которые к концу 2010-х гг. занимали доминирующий сегмент информационного общества, невозможно было соотносить себя с социально-экономическим мейнстримом и пользоваться возможностями социально-экономической системы⁶. Социальные группы и индивиды за пределами цифровизированного информационного общества почти автоматически становились социальными изгоями, если только речь не шла о сверхбогатом сегменте или группах, которые считаются этнографической флуктуацией. Пандемия коронавируса лишь обострила нарастающий конфликт между глобальным характером информационного общества и попытками регулировать его на национальной основе. Она зафиксировала статус цифровой среды как сферы коммуникаций «для бедных» – с учетом того, что в условиях кризиса глобализации в данном направлении выдавливается большая часть кредитного «среднего класса». Цифровые коммуникации постепенно становятся определяющим форматом для формирования полноценного социокультурного пространства [Урри 2018]. Без них невозможно полноценно

⁵ Данная часть работы является творческим развитием идей, изложенных авторами в статье «Трансформация социального пространства как предчувствие нового мира» [Евстафьев, Цыганова 2020], которое главным образом коснулось выявления внутренних взаимосвязей между социальными процессами и их отражением в устоявшихся социокультурных практиках в условиях реальных социальных ограничений, а также изменения моделей повседневного социального поведения.

⁶ Цифровизация мыслилась как важнейшее средство социального структурирования, включая и возможность преодоления сдерживавших развитие глобализации идентичностей [Цукерман 2015]. Магистральная линия была направлена на формирование системы коммуникационных кругов, перерастающих в информационные анклавы, и социальной атомизации, фактически, не имевшей значимых ограничений. Это означало десоциализацию глобализации, постепенную замену догоняющего социального развития его суррогатами.

социально (и тем более социокультурно) идентифицировать социально-вовлеченного человека или социальную группу. Выход социокультурных коммуникаций на роль одного из наиболее важных социальных (а в перспективе – и цивилизационных) идентификаторов, если гипотеза авторов верна, означает формирование устойчивого запроса на «новую очность» в социальном взаимодействии. В складывающемся социальном контексте подобный запрос может носить контрглобализационный характер, что и доказали протесты против «ковидных» ограничений в Западной Европе. Естественно, что подобный «запрос» превратится в инструмент культурно-идеологической идентификации.

2. Превращение мегаполисов в доминирующий формат социальной среды, маргинализация альтернатив и пространства социокультурных коммуникаций. Обозначенная тенденция была существенно фундаментальнее доминирования городской культуры, которое очевидно с 1950-х гг. Происходила универсализация определенного формата жизни и социальных отношений, недостижимая для других форм оседлости ни по уровню комфорта, ни по доступным социальным сервисам [Клепикова 2020]. Определяющим фактором был не столько социальный комфорт, сколько разнообразие форм и форматов социального вовлечения, которые существуют в мегаполисах. Прошедшие два года показали неоднозначность практической реализации этой тенденции. Внутри формата мегаполисов содержалась его прямая антитеза – новая номадность. Она порождается из-за доминирования в мире поздней глобализации коммуникационной вовлеченности [Zuckerberg 2013] в противовес социальной, отсутствия долгосрочных привязанностей к географической локации, приверженности к формату социальной жизни и социально-экономической реализации. На фоне кризиса классических интегративных форматов больших социально-поведенческих групп («городских племен») особое влияние приобретают микрокультуры, в том числе и пространственно локализованные. Сформировалась значительная социальная и в определенном смысле социально-экономическая страта, которая не способна существовать в ином социальном формате, нежели мегаполис. Происходило и слабо контролируемое масштабирование социальных принципов «яппи-интернационала» – явление скорее не социокультурное, а социально-экономическое, отражающее глубину стратификации потребления. На фоне кризиса социальности могут формироваться пространственно локализованные сообщества, которые, по сути, противостоят сообществам социальным, интегрированным по принципу принадлежности к определенным слоям. Значение данного явления, которое в российском социальном пространстве проявилось, например, в феномене «Патрики» и противопоставлении однородных социальных групп друг другу на основе принадлежности к месту, только предстоит изучить. Особый интерес будут представлять форматы пространственной локализации подобных микрокультур. В городскую среду закладывается важная диалектика: мегаполис, который в период поздней глобализации рассматривался как апогей постпространственности, где пространство существует, но не имеет значения, становится средой, порождающей микропространственность, которая пока не может породить новую социальность, но способна разрушать универсальность. Городская среда становится наиболее очевидной площадкой для конкуренции между различными моделями социальной идентификации и поведения с большей (или меньшей) виртуальной составляющей. Стоит отметить, что локальные особенности отражают в том числе и страновые социокультурные отличия⁷, хотя в пространстве ме-

⁷ Особенностью российской информационной площадки можно назвать постепенное размывание возрастных рамок «тиктокерства» с тенденцией в сторону увеличения. Об указанной тенденции со ссылкой на данные исследовательской платформы Медиаскоп (<https://webindex.mediascope.net/report?id=384931&fbclid=IwAR3KzxbqZegLdlQB7ii0E4GgoOH9x7DXGO67LQxRn7bz49xjVi9xgqbVQAw>) говорит российский эксперт по цифровым коммуникациям А. Кузнецов (комментарий А. Кузнецова от 7 июня 2021 г. [, публикуется с разрешения автора\). Процесс локальной трансформации социального содержания соцсетей исключительно важен и требует дополнительного осмысления. Процессы в российском сегменте соцсетей ставят под вопрос универсальность принципов возрастной форматности, на базе которых строились фундаментальные социальные прогнозы.](https://www.facebook.com/plugins/post.php?href=https%3A%2F%2Fwww.facebook.com%2Fvirusog%2Fposts%2F10217892873382993&show_text=true&width=500)

гаполисов они не всегда имеют определяющую роль. Форматы коммуникаций остаются универсальными и закладывают в систему содержательную (ценностную) многовекторность, которая может стать основой для последующего появления контентно, а затем и регулятивно локализованных вариантов информационного общества.

3. Трансформация общества потребления, окончательное закрепление приоритета «потребления ощущений» по отношению к потреблению товаров и услуг. Мы наблюдаем попытки под различными предлогами (например, для поддержания сбалансированности развития или сохранения экологии) ввести в универсальную модель потребления (в том числе и догоняющего) ограничения, по форме мотивированные социо-культурными соображениями, а по сути – идеологическими. В условиях торможения догоняющей социальной модернизации потребление «ощущений», которое опирается на все более интрузивные информационные технологии (дополненная или виртуальная реальность), становится суррогатом если не потребления как такового, то, как минимум, процесса качественного выравнивания потребления. Существование двух внешне взаимоисключающих тенденций – потребительской однородности и максимальной кастомизации и шеринга, который системно сокращает охват понятием «собственность» – сигнализировало о системном противоречии социальной модели глобализации, разрешение которого облегчил коммуникационно управляемый «черный лебедь» пандемии. Масштабы сегмента общества, которое способно сохранять классическую модель «потребления» (в широком понимании этой модели), постоянно снижались. Значительная часть «среднего класса» становилась основным потребителем выраженных в коммуникациях (и в последовательно каскадируемых коммуникационных процессах [Кастельс 2016]) «ощущений», которые не всегда успевают трансформироваться в потребление конкретных продуктов и услуг [Rushkoff 2013], становясь суррогатами классического потребления. Системное опережение скорости информационных потоков биологических и социальных возможностей человека, которое лежит в основе концепции «нейрофикации человека» [Шваб, Дэвис 2018], превратилось в одно из центральных противоречий мира поздней глобализации. Данное расхождение напрямую затронуло не только сферу социокультурных отношений, но и модели социального поведения, где противоречия проявились раньше и острее всего. Возникает эффект понижения социального стандарта. Данный процесс носит долгосрочный эффект и будет иметь неминуемые последствия с точки зрения глубинной трансформации социо-коммуникационных отношений.

4. Социальная флюидизация «цифрового мира»: от потребления ощущений к фиктивизации собственности. Долговременная тенденция развития глобализации почти не изменилась за почти два пандемических года. Устранение собственности в качестве главного социального идентификатора становится концептуальным мейнстримом современного глобального развития (которое также опирается на усиление значения информационного общества как фокусной среды глобализации [Перзаноуски, Шульц 2019]), органичным элементом «новой социальной нормальности». Данная тенденция возвращает нас к наиболее радикальным образцам социального конструктивизма начала XX в., породившим не только новую социальность и политические концепты, но и новую эстетику. Она усиливается тем, что на Западе преобладает идеологический тренд в пользу глобалистско-левых ценностей. Как следствие, в мире «зрелой глобализации» размывается классическая структурация общества на социальные группы в зависимости от отношения к собственности. Исчезает само понятие «опорной социальной группы», которой первоначально должен был быть так называемый «креативный класс», – сложный конгломерат социальных страт и сообществ, которые реализуют свой потенциал в сервисном сегменте экономики. Мир поздней глобализации находился на фазе перехода от социальной атомизации к неодеклассированию⁸ – выведению значимых групп потенци-

⁸ Что во многом отражает комплексную природу процесса: распад крупных социально-классовых страт общества, первоначально затрагивая преимущественно политические аспекты и ставя под сомнения основы классической демократии [Maïp 2019], в действительности вытекает из атомизации моделей социального, в том числе потребительского, поведения, и формирования потребительских предпочтений (в том числе и в потреблении ощущений) в рамках уже не просто постклассового, но и постгруппового режима.

ально социально-экономически активного населения за рамки институционализированных социально-экономических отношений (как предусматривалось в отношении «прекариата»⁹), но в более широком охвате. Происходит постепенный переход от догоняющего потребления к стагнации разрыва, а от него, фактически – к «отстающему» потреблению (в особенности в качественном смысле [Стиглиц 2015]), которое распространяется не только на товары и услуги, но и на доступ к социокультурной сфере, включая информационное общество и его сервисные сегменты. Потребление «ощущений», услуг и классических «товаров» только через систему интегрированных коммуникаций, а не в «традиционных» форматах, постепенно становится неким индикатором «новой бедности», оставаясь социальным и социально-экономическим мейнстримом.

5. Переход от социокультурного и коммуникационного плюрализма к социальной толерантности через универсализацию коммуникационной культуры. Данная ценностная и коммуникационная трансформация была наиболее заметна – особенно с учетом «советского» опыта значительной части образованного российского общества. Тенденция резко ускоряется, причем в радикальных формах. Она становится «бенчмарком» для оценки других направлений развития сферы социокультурных отношений. Сама тенденция наиболее легко и быстро проявляется в новой регулятивности современного информационного общества. Социальная толерантность (и «культура отмены» как ее идеологически мотивированный дериват) стала основой для усиленной регулятивности в контролируемом глобальными корпорациями пространстве сетевых интегрированных каналов коммуникаций. Данная тенденция отражала попытку выработать в рамках глобализационной модели социального поведения некие поведенческие рамки, которые отрывали бы большую часть социально-вовлеченных людей и значимых групп от их традиционных поведенческих моделей и табу. Сфера социокультурных отношений стала первой, где глобализационный социальный мейнстрим начал проявляться уже в качестве некоей протоидеологии. Причем данные проявления носили яркий и вполне узнаваемый характер, подтверждая гипотезу о том, что в сфере культуры последствия глобальных трансформаций находят выражение в социально понятных (визуализированных) форматах в опережающем остальные сферы социальной деятельности человека режиме. В указанной особенности отражается «пакетный» принцип восприятия и реализации социокультурных и социальных моделей в обществах, вовлеченных в процессы глобализации [Бергер 2004]. В рамках упомянутого принципа некоторые социально-политические аспекты социокультурных отношений приобретают императивное значение, становятся интегральными элементами не только социального стандарта, но и политической самоидентификации, что, например, заметно в странах Европейского союза¹⁰. Сейчас процесс несколько замедлился из-за внутренних социально-идеологических проблем Запада, – в том числе они есть и в США, центре глобальной «информационной метрополии». Данную специфику можно считать следствием пандемии и появления в публичной коммуникации новых социо-коммуникационных особенностей – в том числе новых норм политической коммуникации и запроса на новые идеологические конструкторы.

⁹ Прекариат как значимая, «опасная» социальная группа проявлялся в пространствах, формально относимых к постиндустриальным или предпостиндустриальным [Стэндинг 2014]. Пространство постиндустриальности (а, по сути, пространство «нового урбанизма») уже до пандемии мыслилось как социально проблемное и нестабильное. В рамках прежних подходов возможность глубокой архаизации подобных пространств не предполагалась в принципе, хотя объективные условия для этого уже сформировались – в особенности на фоне деградации «городских племен» [Алексеевский 2017].

¹⁰ Характерно, что либерально ориентированные авторы в качестве центральных точек противоречий в формировании, например, «единого общеевропейского дома» в формате либерального постмодерна, выделяют социокультурные факторы [Baer 2020, Carpenter 2020]. Отчасти данная особенность связана с тем, что социокультурные отношения в системе постиндустриального постмодерна стали сферой, где внутренние противоречия системы проявляются быстрее всего.

Заключение

В период пандемии обозначились новые парадигмы социального поведения, но не сформировалась новая культурная парадигма, что следует считать одним из наиболее удивительных феноменов прошедшего времени. Сама по себе данная особенность уже сигнализировала о внутренней нецелостности возникшей системы. Социокультурные коммуникации развиваются в отрыве от еще не сформировавшихся моделей социального поведения и развития, но могут быть ситуативно определяющими по отношению к ним.

Тенденции социокультурного развития и социокультурные коммуникации (как их публично потребляемое проявление) оказались в состоянии «развилки» и в большинстве своем не приобрели характер необратимых. Локализация (регионализация) форматов социокультурного поведения идет более медленными темпами, нежели ожидалось в начале пандемии. Пока нельзя говорить о формировании новой парадигмы социокультурных отношений ни в формате «неомодерна», ни в формате «пост-постмодерна» («сверхпостмодерна»), который характеризуется нарастающей социокультурной, а не только социальной атомизацией.

Социокультурные коммуникации в значительной мере отражают «идеологическую нагрузку», с помощью которой в политических целях надстраивается сфера социокультурных отношений. В результате социокультурные коммуникации становятся одной из главных арен ценностного – по сути протоидеологического – противоборства. Появление идеологического фактора в социокультурном развитии может сделать тенденции расхождения двух социокультурных парадигм (неомодерна и сверхпостмодерна) необратимыми, что окончательно разрушит глобальную социокультурную (а с ней и социальную) универсальность, которая уже находится в кризисе.

Культурная модель глобализации внешне отрицала базовые отправные точки социального взаимодействия (путешествия, потребление ощущений, взаимодействие средних групп, даже ориентацию), но отрицание не привело к формированию новой модели социального поведения. Четко обозначилось стремление большинства элит вернуться к прежним парадигмам социального взаимодействия, хотя и с большим зарядом контркультурности, который проявился, в частности, в антикарантинных протестах, ставших элементами социальной жизни европейских стран, США и отдельных государств индустриального мира [Жижек 2012]. Стоит отметить и новый уровень политической репрессивности в возникшей социальной среде. Именно диалектика двух процессов во многом определит «коридор дозволенного» в социально-политической репрезентации [Анкерсмит 2012], а значит – и в формировании социокультурных парадигм, поскольку политическая репрезентация всегда наиболее ярко и быстро выражает новые социальные и социокультурные тенденции.

Наибольшему давлению глобализированное информационное общество подвергается через попытки регулирования обращающихся в нем политико-идеологических конструкций (протоидеологий). Они прямо воздействуют на сферу социокультурных коммуникаций – более того, начинают формировать многие основополагающие процессы социокультурной самоидентификации и идентификации. Интеграция специфических политико-идеологических коммуникаций (в частности, «новой протестности») в мейнстримные модели социокультурного поведения, которая характерна для многих стран и регионов мира, станет стимулом для усиления государственной регулятивности в отношении информационного общества. При сохранении существующих тенденций прохождение развилки в развитии социокультурных отношений по второй модели становится все более вероятной.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеевский М. (2017) Городская антропология: от локальных «племен» к глобальным «потокам» // Горожанин: что мы знаем о жителе большого города. М.: Strelka Press. 216 с. С. 78–99.
- Анкерсмит Ф.Р. (2012) Политическая репрезентация. Пер. с англ. А. Глухова. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». 288 с.
- Бергер П. (2004) Введение. Культурная динамика глобализации // Бергер П., Хантингтон С. Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире. Пер. с англ. М.: Аспект-пресс. 379 с. С. 6–23.
- Диамандис П., Котлер С. (2018) Изобилие. Будущее будет лучше, чем вы думаете. Пер. с англ. М.: Издательство АСТ. 608 с.
- Евстафьев Д.Г., Цыганова Л.А. (2020) Трансформации социального пространства как предчувствие нового мира. «Эксперт». 06.05.20 (<https://expert.ru/2020/05/6/transformatcii-sotsialnogo-prostranstva-kak-predchuvstvie-novogo-mira/>).
- Евстафьев Д. Г., Цыганова Л. А. (2020) Постглобальное социокультурное развитие: пространственный аспект // Общественные науки и современность. № 6. С. 19-34. 1 DOI: 10.31857/S086904990010544-0.
- Жижек С. (2012) Год невозможного. Искусство мечтать опасно. М.: Издательство Европа. 272 с.
- Кастельс М. (2016) Власть коммуникации. М.: Издательский дом ВШЭ. 590 с.
- Клепикова Л. В. (2020) К вопросу о глобальном городе как инструменте унификации мирового общества // Век глобализации. № 3. С. 45–53.
- Майр П. (2019) Управляя пустотой: размывание западной демократии. Пер. с англ. М.: Издательство института Гайдара. 216 с.
- Перзановски А., Шульц Дж. (2019) Конец владения. Личная собственность в цифровой экономике. Пер. с англ. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 352 с.
- Рашкофф Д. (2017) Корпорация «Жизнь»: как корпоративизм завоевал мир и как нам получить его обратно. Пер. с англ. СПб: Крига. 440 с.
- Родькин П. Е. (2021) Метамодернистский аттракцион. Искусство, архитектура, дизайн, кино, политика. М.: Совпадение. 416 с.
- Стиглиц Дж. (2015) Цена неравенства. Чем расслоение общества грозит нашему будущему. М.: Эксмо. 512 с.
- Стэндинг Г. (2014) Прекариат: новый опасный класс. Пер. с англ. М.: Ад Маргинем Пресс. 328 с.
- Тоффлер Э. (2004) Третья волна. Пер. с англ. М.: АСТ. 781 с.
- Урри Дж. (2018) Как выглядит будущее. Пер. с англ. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. 320 с.
- Хабермас Ю. (2008) Вовлечение другого. Очерки политической теории. СПб: Наука. 417 с.
- Харви Д. (2021) Состояние постмодерна. Исследование истоков культурных изменений. Пер. с англ. Под научной редакцией Александра Павлова. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 576 с.
- Цукерман Э. (2015) Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникационную эпоху. М.: Ад Маргинем Пресс. 336 с.
- Шваб К., Дэвис Н. (2018) Технологии четвертой промышленной революции. Пер. с англ. М.: Эксмо. 320 с.
- Шустрова О. И. (2013) Пространство медиа искусства. СПб.: Алетейя. 132 с.
- Baer D. (2020) Poland's Slide Toward Homophobic Politics. When Putin's Rhetoric Meets Trump's Populism // Foreign Affairs. July 10, 2020. (<https://www.foreignaffairs.com/articles/poland/2020-07-10/polands-slide-toward-homophobic-politics>).
- Carpenter M. (2020) Tribalism Is Killing Liberalism. Why We Are Succumbing to the Politics of Division // Foreign Affairs. March 5, 2020. (<https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-05/tribalism-killing-liberalism>).
- Friedman Th. (2005) The World is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century. 1st edition. NY: Farrar, Straus and Giroux. 488 P.
- Giddens A. (2003) Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives. NY: Routledge. 104 P.
- Rushkoff D. (2013) Present Shock. When Everything Happens Now. NY: Current. 304 P.
- Wilterdink, N. (2002). The Sociogenesis of Postmodernism. // European Journal of Sociology / Archives Europeennes De Sociologie / Europaisches Archiv Fur Soziologie. Vol. 43 № 2, P. 190–216.
- Zuckerberg R. (2013) Dot. Complicated. Untangling our Wired Lives. NY: Harper One. 256 P.

REFERENCES:

- Alekseyevskiy M. (2017) Gorodskaya antropologiya – ot lokal'nykh "plemen" k global'nym "potokam" [Urban Anthropology – from Local "Tribes" to Global "Flows"]. *Gorozhanin. Chto my znayem o zhitele bol'shego goroda*. Moscow: Strelka Press. 216 p. pp. 79–99.
- Ankersmit F.R. (2012) *Politicheskaya reprezentatsiya* [Political Representation]. Translation from English A.Glukhova. Moscow: Natsional'nyy issledovatel'skiy universitet «Vysshaya shkola ekonomiki». 288 p.
- Baer D. (2020) Poland's Slide Toward Homophobic Politics When Putin's Rhetoric Meets Trump's Populism. *Foreign Affairs*, July 10, 2020. (<https://www.foreignaffairs.com/articles/poland/2020-07-10/polands-slide-toward-homophobic-politics>).
- Berger P.L. (2004) Vvedeniye. Kul'turnaya dinamika globalizatsii [Introduction. Cultural Dynamics of Globalization]. *Mnogolikaya globalizatsiya*. Berger P.L., Huntington S.P. (eds.). Moscow: Aspekt Press. 379 p. pp. 6–23.
- Carpenter M. (2020) Tribalism Is Killing Liberalism. Why We Are Succumbing to the Politics of Division. *Foreign Affairs*. March 5, 2020. (<https://www.foreignaffairs.com/articles/2020-03-05/tribalism-killing-liberalism>).
- Castells M. (2016) *Vlast' kommunikatsiy* [Communication Power]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vyshey shkoly ekonomiki. 590 p.
- Diamandis P., Kotler S. (2018) *Izobiliye. Budushcheye budet luchshe, chem vy dumayete* [Abundance. The Future Will Be Better than You Think]. Translation from English. Moscow: Izdatel'stvo AST. 608 p.
- Evstafiev D.G., Tsyganova L.A. (2020) Transformatsii sotsial'nogo prostranstva kak predchuvstviye novogo mira [Transformations of social space as a premonition of a new world]. *Ekspert*. 06.05.20 (<https://expert.ru/2020/05/6/transformatsii-sotsialnogo-prostranstva-kak-predchuvstvie-novogo-mira>).
- Evstafiev D., Tsyganova L. (2020). Postglobal'noe sociokul'turnoe razvitie: prostranstvennyj aspekt [Postglobal Socio-Cultural Development: the Issues of Localization of Models]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. no. 6, pp.19-34. DOI: 10.31857/S086904990010544-0.
- Friedman Th. (2005) *The World is Flat. A Brief History of the Twenty-First Century*. 1st edition. New York: Farrar, Straus and Giroux. 488 p.
- Giddens A. (2003) *Runaway World: How Globalization is Reshaping our Lives*. New York: Routledge. 104 p.
- Habermas Y. (2008) *Involvement of the Other. Essays on Political Theory*. Saint-Petersburg: Nauka. 417 p.
- Harvey D. (2021) *The Condition of Postmodernity. From Enquiry into the Origins of Cultural Change*. Moscow: NRU HSE. 576 p.
- Klepikova L.V. (2020) K voprosu o global'nom gorode kak instrumente unifikatsii mirovogo obshchestva [On the Issue of the Global City as a Tool for the Unification of World Society]. *Vek globalizatsii*. no. 3, pp. 45-53.
- Mayr P. (2019) *Upravlyaya pustotoy: razmyvaniye zapadnoy demokratii*. [Controlling the Void: The Erosion of Western Democracy] Translation from English. Moscow: Izdatel'stvo instituta Gaydara. 216 p.
- Perzanowski A., Schultz J. (2019) *Konets vladeniya. Lichnaya sobstvennost' v tsifrovoy ekonomike*. [End of ownership. Personal property in the digital economy.] Translation from English. Moscow: Izdatel'skiy dom «Delo» RANKhiGS. 352 p.
- Rod'kin P. Ye. (2021) *Metamodernistskiy attraktsion. Iskusstvo, arkhitektura, dizayn, kino, politika*. [Metamodern Attraction. Art, Architecture, Design, Cinema, Politics] Moscow: Sovpadeniye. 416 p.
- Rushkoff D. (2013) *Present Shock. When Everything Happens Now*. New York: Current. 304 p.
- Rushkoff D. (2017) *Korporatsiya «Zhizn'»: kak korporativizm zavoyeval mir i kak nam poluchit' yego obratno*. [Life Corporation: How Corporatism Conquered the World and How We Can Get It Back]. Translation from English. Saint-Petersburg: Kriga. 440 p.
- Schwab K., Devis N. (2018) *Tekhnologii chetvertoy promyshlennoy revolyutsii* [Technologies of the Fourth Industrial Revolution]. Translation from English. Moscow: Eksmo. 320 p.
- Shustrova O. I. (2013) *Prostranstvo media iskusstva* [The Space of Media Art]. Saint-Petersburg.: Aleteyya. 132 p.
- Standing G. (2014) *Prekariat: Novyy opasnyy klass* [The Precariat. The New Dangerous Class]. Moscow: Ad Marginem Press. 328 p.

- Stiglitz J. (2015) *Tsena neravenstva. Chem rassloyneniye obshchestva grozit nashemu budushchemu* [The Price of Inequality. How the Stratification of Society Threatens our Future]. Moscow: Eksmo. 512 p.
- Toffler E. (2004) *The Third Wave*. Translation from English. Moscow: AST, 781 p.
- Urri J. (2018) *Kak vyglyadit budushcheye* [What is the Future?]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Delo" RANKhiGS. 320 p.
- Wilterdink, N. (2002). The sociogenesis of postmodernism. *European Journal of Sociology / Archives Européennes De Sociologie / Europäisches Archiv Für Soziologie*, vol. 43, no. 2, pp. 190–216.
- Zizek S. (2012) *God nevozmozhnogo. Iskusstvo mechtat' opasno*. [The Year of the Impossible. The Art of Dreaming Dangerous]. Moscow: Izdatel'stvo: Yevropa. 272 p.
- Zuckerman E. (2015) *Novyye soyedinyeniya. Tsifrovyye kosmopolity v kommunikatsionnuyu epokhu* [Rewire. Digital Cosmopolitans in the Age of Connection] Moscow: Ad Marginem Press. 336 p.
- Zuckerberg R. (2013) *Dot. Complicated. Untangling our Wired Lives*. New York: Harper One. 256 p.

Информация об авторах

Евстафьев Дмитрий Геннадиевич, кандидат политических наук, профессор департамента интегрированных коммуникаций факультета коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000. E-mail: devstafiev@hse.ru

Цыганова Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент департамента интегрированных коммуникаций факультета коммуникаций, медиа и дизайна, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Адрес: ул. Мясницкая, д. 20, Москва, 101000. E-mail: ltsyganova@hse.ru

About the authors

Dmitry G. Evstafiev, Candidate of Sciences (Politics), Professor, School of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media, and Design, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation, 101000. E-mail: devstafiev@hse.ru

Lubov A. Tsyganova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, School of Integrated Communications, Faculty of Communications, Media, and Design, National Research University Higher School of Economics. Address: 20 Myasnitskaya Ulitsa, Moscow, Russian Federation, 101000. E-mail: ltsyganova@hse.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 21.07.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 9.10.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 16.10.2021

DOI: 10.31857/S086904990015228-2

Оригинальная статья / Original Article

Меритократия и ее враги: есть ли альтернатива «тирании заслуг»?

© Д.А. ДАВЫДОВ

Давыдов Дмитрий Александрович, Институт философии и права УрО РАН (Екатеринбург, Россия), davydovdmiriy90@gmail.com

В статье рассматривается идея меритократии, которая сегодня все чаще подвергается критике. Показано, что актуальность дискурса о меритократии обуславливает объективно возросшая роль образования и различных творческих и технических дарований в условиях бурного технологического развития. Вместе с тем критики справедливо указывают, что меритократия стала во многом мифом, к которому обращаются плутократы, чтобы оправдать свои привилегии, статус и богатство. Критикуют и саму идею меритократии, которая ориентируется исключительно на технические компетенции и способности, востребованные неолиберальной экономикой. Многие авторы говорят о необходимости справедливо вознаграждать и подчеркивать роль малоквалифицированных работников, которые зачастую (особенно в условиях пандемии COVID-19) приносят больше общественной пользы, чем высокообразованные финансисты или банкиры. Тем не менее, как показывает автор, такую критику можно считать скрытой апологией меритократии. В данном случае критики лишь обосновывают более глубокое неравенство, связанное с долгосрочными перспективами и самореализацией. Она ведет к цементированию «вторичного» статуса работников «руки» и «сердца», чья судьба в контексте автоматизации и развития технологий искусственного интеллекта может оказаться незавидной. На взгляд автора, единственной альтернативой такому положению вещей может стать лишь отказ от меритократии как нормативного концепта. Ее стоит признать неизбежным злом, связанным с несовершенством общественных институтов и отчасти природы человека. Меритократической погоне за статусом и властью автор противопоставляет идеал всеобщего стремления к максимально возможному и, что примечательно, всестороннему развитию, а также к практическому применению талантов и дарований всех без исключения.

Ключевые слова: меритократия, капитализм, посткапитализм, прекариат, социальное неравенство, социальная справедливость, марксизм, неолиберализм

Цитирование: Давыдов Д.А. (2021) Меритократия и ее враги: есть ли альтернатива «тирании заслуг»? // Общественные науки и современность. № 5. С. 30–42. DOI: 10.31857/S086904990015228-2

Meritocracy and its Enemies: Is There an Alternative to the “Tyranny of Merit”?

© D. DAVYDOV

Dmitriy A. Davydov, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS (Ekaterinburg, Russia),
davydovdmitriy90@gmail.com

Abstract. The article examines the idea of meritocracy, now increasingly criticized. It is shown that the relevance of the discourse on meritocracy is due to the objectively increased role of education and various creative and technical talents in the context of rapid technological development. At the same time, critics rightly point out that meritocracy today has become largely a myth that plutocrats use to justify their privileges, status and wealth. The very idea of a meritocracy that focuses exclusively on the technical competencies and abilities demanded by the neoliberal economy is also criticized. Many authors talk about the need to fairly reward and respect low-skilled workers, who often (especially in the context of the COVID-19 pandemic) bring more public benefit than highly educated financiers or bankers. Nevertheless, the article shows that this criticism is a hidden apology of meritocracy. In this case, critics justify deeper inequalities associated with long-term prospects and self-realization. It leads to cementing the “secondary” status of workers of the “hand” and “heart”, whose fate in the context of automation and the development of artificial intelligence technologies may turn out to be unenviable. In the author’s opinion, the only alternative to this state of affairs is to reject meritocracy as a normative concept. It should be recognized as an inevitable evil associated with the imperfection of social institutions and, in part, human nature. Accordingly, the author contrasts the meritocratic pursuit of status and power with the ideal of universal striving for the maximum possible and, what is remarkable, all-round development and practical application of the talents of all without exception.

Keywords: meritocracy, capitalism, post-capitalism, the precariat, social inequality, social justice, Marxism, neoliberalism

Citation: Davydov D. (2021) Meritocracy and its Enemies: Is there an Alternative to the “Tyranny of Merit”? *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 30–42. DOI: 10.31857/S086904990015228-2 (In Russ.)

Введение

В последние годы в общественных науках активно обсуждают феномен меритократии. В центре дискуссий находится способ обоснования (или «легитимации») богатства и власти элит в условиях неолиберального капитализма, который заключается в апелляции к заслугам. К ним могут относиться как престижное (можно сказать – «исключительное») образование, так и прочие трудовые, предпринимательские и т.д. достижения, обладание которыми имеет решающее значение в экономике, где «победитель получает все». Многие критики [Фрэнк 2019; Carnevale, Schmidt, Strohl 2020; Davies 2019; Goodhart 2020; Guinier 2016; Littler 2017; Markovits 2019; Sandel 2020], тяготея к левым политическим взглядам, по-разному разоблачают «миф о меритократии», согласно которому сегодня каждому дарованы все необходимые возможности, а если кто-то богат и влиятелен, то исключительно в силу *личных заслуг*. Дискурс о заслугах стал, в сущности, маскировкой реального неравенства возможностей. Те, кто приписывает себе какие-либо достижения, нередко имеют куда больше возможностей (от богатства до удачи). Поэтому критики пытаются ослабить нормативную силу концепта меритократии, акцентируя внимание на проблемах неравенства возможностей.

Однако сегодня критика меритократии во многих случаях выливается в ее скрытую апологию, когда вместо максимального развития и реализации талантов каждого критики

лишь утверждают необходимость уважать и соответственно поощрять малоквалифицированный труд. Сам «миф о меритократии» в итоге так до конца и не разоблачен. По мнению автора, существует довольно большое количество причин, по которым меритократию стоит признать нежелательным принципом (реальным или декларируемым) формирования элит. Однако стремиться преодолеть меритократию следует не путем «пораженческой» благотворительности в пользу аутсайдеров рыночной экономики, а путем возможно полного раскрытия талантов каждого для общего дела. Эти таланты следует применять не в способствующей отчуждению меритократической гонке за индивидуальным успехом, а в коллективном достижении общего блага.

Проблематичная меритократия

Что такое меритократия? Если говорить в общем, то идея достаточно проста – на вершине общественной пирамиды должны находиться те, кто этого заслуживает, а не богатые или знатные. В данном смысле идея меритократии стала актуальной отчасти в результате бурного технологического развития в XX веке, которое потребовало от экономических и политических элит большого набора компетенций, а также навыков и способностей, необходимых для ориентации в усложняющемся мире. Кроме того, к меритократии обращались, чтобы противопоставить ее уравнилельным идеям, которые нередко ассоциировали с коммунизмом, вне зависимости от того, насколько они воплотились в практике стран реального социализма. Меритократия справедлива из-за того, что не облачает всех в одинаковые одежды, а вознаграждает наиболее ярких и трудолюбивых, тем самым подстегивая продуктивную конкурентную борьбу. Однако уже в «чистом замысле» с идеей меритократии возникли определенные проблемы.

Впервые термин «меритократия» употребила Х. Арендт, хотя авторство термина приписывают одному из первых относительно современных исследователей – М. Янгу. Он обратился к идее «власти достойных» (отметим, что сама идея достаточно стара – взять хотя бы легизм) в своей знаменитой антиутопии «Возвышение меритократии» (1958) [Young 1961]. В ней описано гипотетическое будущее, в котором человечество (рассматриваемое на примере отдельной страны – Великобритании) пришло к консенсусу, что наиболее важные управленческие, политические, экономические и т.п. позиции должны занимать наиболее умные (по коэффициенту интеллекта – IQ) и трудолюбивые. Янг утверждает формулу, согласно которой заслуги = таланты + усилия.

При первом приближении такую перспективу можно только приветствовать, ведь меритократия уничтожает власть привилегированных и богатых. Однако антиутопия Янга не была бы антиутопией, если бы не точно подмеченные им проблемы. Во-первых, неравенство «по заслугам» может унижать человеческое достоинство значительно сильнее «несправедливого» неравенства по независящим от простых людей обстоятельствам (присвоение земель феодалами, собственность на средства производства у капиталистов и т.п.). Именно поэтому по сюжету Янга высокомерная власть меритократов в итоге провоцирует восстание «социальных низов». Во-вторых, ни один из критериев выявления «лучших» или «достойных» не может быть признан универсальным. С помощью тестов IQ нельзя измерить такие важные достоинства, как способность любить, верность, дружелюбие и т.п. (да и, как выясняется сегодня, данный показатель характеризует интеллект не всегда удачно). В-третьих, неравенство результатов плохо сочетается с равенством возможностей. Первое всегда ведет к нарушению второго, так как «справедливое» вознаграждение за «заслуги» увеличивает объективные возможности «победивших» в конкурентной гонке. В антиутопии Янга проблема проявила себя в том, что прослойка меритократов, несмотря на противодействие, стала наследственной кастой. Как автор постарается обосновать далее, этим недостатки меритократии не исчерпываются, хотя данной проблемы уже достаточно,

чтобы усомниться в самой идее «власти достойных». Правда, многие современные теоретики, условно говоря, «критикуют меритократию ради меритократии». Вернее, они критикуют «миф о меритократии», стремясь к «чистой» меритократии, но сталкиваются с теми же проблемами, на которые пророчески указал Янг.

Критика «мифа о меритократии» во имя меритократии

М. Янг в своей антиутопии описывал «чистую» меритократию («испортившуюся» лишь ближе к своему краху). «Чистая» меритократия означает наличие конкретного критерия отбора «достойных» (IQ), а все прочие факторы, которые мешали бы отбору (неравенство возможностей), исключены. Однако в чистом виде меритократия вряд ли может существовать. «Чистая» меритократия всегда смешивается с «мифом о меритократии». Последний представляет собой способ оправдания власти, социального положения, богатства или тех или иных привилегий путем апелляции к «заслугам» или «достоинствам». В сущности, «миф о меритократии» куда древнее, чем идея меритократии как «честного» («прозрачного», «точного» и т.п.) отбора элит по способностям и заслугам. Еще в далекой древности находились люди, утверждавшие, что они от природы способны править более успешно, чем остальные. Так, Платон оправдывал неравенство мифом о том, что бог примешал в души людей частицы металлов: в души правителей добавил золото, в души их помощников серебро, а в души земледельцев и ремесленников – железо и медь. Здесь принцип аристократии неотличим от принципа меритократии, ведь аристократам приписывали «врожденные» качества («достоинства»), превосходящие качества всех остальных. Как очень долгое время полагали, аристократы обладают особой «благородной» кровью, дарующей многие достоинства (часто «смешанные» браки считались недопустимыми именно по данной причине). В Новое время «меритократический» элемент стал более явным при оправдании привилегированного статуса знати. Аргумент в пользу аристократического статус-кво все больше опирался на превосходство, якобы дарованное исключительными культурными возможностями и достижениями.

Однако «достойным» мог быть не только обладатель определенного цвета крови. В конце концов, «миф о меритократии» может работать не только на аристократов, но и на плутократов. Так, ранние протестанты объясняли экономический успех и богатство «избранностью» (божественной благодатью). «Дух капитализма» рождался под меритократической звездой оправдания богатства важнейшим достоинством – трудолюбием. В принципе, в похожем виде «миф о меритократии» дожил до сегодняшних дней. Миф об американской мечте опирался и опирается на идею *self-made person* – «человека, создавшего себя» исключительно путем упорного труда. США – страна возможностей, где никто не стеснен сословными рамками и благодаря своим достоинствам почти наверняка станет успешным.

В современных же технологических реалиях, когда роль «человеческого капитала» в экономике как никогда высока, меритократический дискурс выступает на первый план, чему есть свои объективные причины. Как и в антиутопии Янга, запрос на достоинства, трактуемые теперь преимущественно как образованность и уровень интеллекта, возник в условиях ускоряющейся технологической конкуренции еще во времена холодной войны. В то время университеты перестали опираться исключительно на аристократические элиты и постепенно переходили к конкурсному отбору, ориентируясь на стандартизированные тесты SAT и ACT. Да и сами университеты включились в борьбу за высокие академические рейтинги. Усложнение экономики, ведущая роль науки и техники в индустриальном и «постиндустриальном» обществе послужили главными факторами, способствующими формированию меритократической элиты (снова почти по сюжету Янга). Ее представители занимали ведущие места в политике, финансах, IT, медицине, образо-

вании и других областях, где был востребован «человеческий капитал». Соответственно, сегодня все чаще говорят о наступлении эпохи меритократии, о времени, когда таланты и способности открывают все дороги к успеху.

Несмотря на указанные тенденции, пока можно говорить, что мифического в меритократических дискурсах больше, чем реального. Де-факто современный «миф о меритократии» поставлен на службу неолиберальным элитам, а точнее – плутократам. Дискурс о «заслугах» и «достоинствах» хорошо укладывается в неолиберальное представление об экономике как повсеместной конкурентной борьбе, в которой выживает сильнейший. Сегодня такими «сильнейшими» оказываются представители технократических элит вроде Дж. Безоса или М. Цукерберга, а также менеджеры глобальных корпораций, банкиры и финансисты, обязательно имеющие докторские степени или дипломы университетов уровня Лиги плюща. Стало быть, меритократическим дискурсом можно легко оправдывать колоссальное социально-экономическое неравенство, ведь ушли в прошлое времена, когда богачи вели «недостойный» праздный образ жизни. Напротив, как отмечает Д. Марковиц, представители современных элит работают усерднее, чем когда-либо прежде, тяжелее, чем остальная часть общества. Взрослые преклонного возраста (мужчины и женщины) со степенью бакалавра или более высоким уровнем образования менее чем в два раза реже бросают работу, нежели их сверстники со средним профессиональным или общим образованием. Более того, «элиты работают значительно дольше (если говорить о рабочей неделе), чем их коллеги из среднего класса, и у них меньше досуга» [Markovits 2019, 135]. В такой ситуации очень легко закрыть глаза на любые преимущества сверхбогатых, ведь они (якобы) заслужили все свои состояния.

Неудивительно, что политический истеблишмент западных стран (в особенности США и Великобритании) так симпатизирует идее меритократии¹. Если богатые богатеют, а бедные беднеют, то, по мнению представителей элит, главная причина – в недостаточном трудолюбии «низов» или в отсутствии необходимых «достоинств». Как утверждает Дж. Литтлер, «меритократию необходимо раскрыть как идеологически заряженный дискурс, который пронизывает очень многие области – от школы до работы и реали-ти-шоу» [Littler 2017, 8]. Следовательно, в таких условиях концепт меритократии действует «как идеологический миф, скрывающий и расширяющий экономическое и социальное неравенство» [Littler 2017, 7]. Дело не только в сокрытии реальной плутократии вуалью заслуг. Так, сегодня зачастую богатые приобретают «входные билеты» в престижные университеты для своих детей². Они применяют самые разные средства: от подкупа членов экзаменационных комиссий и спонсорства до фиктивных медицинских диагнозов, дающих преимущества при тестировании [Carnevale, Schmidt, Strohl 2020]. Более того, богатые способны обеспечить своим детям образование самого высокого качества, чего не скажешь о людях, детям которых доступны исключительно бесплатные школы в бедных районах (в США бюджеты школ сильно зависят от местного налога на недвижимость). Соответственно, деньги легко конвертируются в заслуги и наоборот.

В результате возникает соблазн бороться за «чистую» меритократию. Некоторые авторы ограничиваются исключительно критикой «мифа о меритократии», не имея ничего

¹ Примеров много. Д. Марковиц писал: «Пол Райан разделил мир на “берущих” и “творцов”; Митт Ромни также жаловался, что американцы, которые “зависят от правительства”, выступают против “принятия на себя личной ответственности и заботы о своей жизни”; Барак Обама предположил, что “ожесточенные” консерваторы из рабочего класса “цепляются” за оружие, религию и предрассудки, чтобы сохранить свое самоуважение перед лицом неспособности выстоять в экономической (читай меритократической) конкуренции; а Хиллари Клинтон заклеила половину сторонников Дональда Трампа фанатичной “корзиной негодяев”» [Markovits 2019, 193].

² В целом, доля богатых в престижных университетах сверхвысока. В США в университеты Лиги плюща поступает больше студентов из семей с верхним 1% диапазона доходов, чем студентов из всех нижних 50%. То же самое и в Великобритании: представители 20% самых богатых семей в семь раз чаще посещают университет Russell Group, чем представители самых бедных 40% [Goodhart 2020].

против данной концепции в целом. Так, в книге, посвященной критике «мифа о меритократии» в американских университетах, Э. П. Карнвейл, П. Шмидт и Дж. Штрол выступают лишь за «очищение» меритократии. «Мы уверены, – пишут они, – что колледжи и университеты превращают самых способных и трудолюбивых в высокопрофессиональную элиту, достойную возложенной на нее власти. В школьном возрасте нас учат, что у всех в Соединенных Штатах есть равные шансы, независимо от классового происхождения или демографических характеристик, пройти через систему образования и стать частью высших классов. Поступив в институт, человек может изменить свою судьбу в жизни, но только если система основана на возможностях, справедливости и заслугах. Вместо реализации этого идеала мы как страна построили систему, которая стремится поддерживать классовую и расовую аристократию посредством интенсивной и несбалансированной конкуренции» [Carnevale, Schmidt, Strohl 2020, 234].

Однако проблемой может быть сама по себе меритократия (М. Янг писал как раз о «чистой» меритократии). Унижающее достоинство «честное» (например, зависящее от врожденного уровня интеллекта) неравенство и разрушение общественной солидарности можно назвать неизбежными атрибутами меритократии. Одновременно «честную» меритократию выстроить практически невозможно, так как заслуги подчас трудно отличить от преимуществ. С. Дэвис отмечает: «чтобы существовала действительно меритократическая система, должно наблюдаться подлинное равенство возможностей, то есть все люди должны начинать на равных с рождения и в самом раннем детстве. Это особенно важно из-за неопровержимых доказательств того, что различия в семейных условиях влияют на различия между детьми уже в возрасте от двух до четырех лет, а затем они сохраняются и даже увеличиваются на протяжении всей жизни. Что бы это значило? Это потребует конфискационного налога на наследство, чтобы никто не получил унаследованного состояния. Однако, если подходить к делу более серьезно, то это потребовало бы упразднения семьи из-за огромных дифференцированных выгод, которые дает рождение в определенных домашних хозяйствах и семьях. Эти и другие необходимые меры могли бы быть реализованы только тоталитарным государством» [Davies 2019]. В противном случае при идеальных изначальных условиях общество столкнется с ловушкой меритократии (которую отчасти описал уже Янг), когда «достойные» приобретают те или иные преимущества, а тем самым и способность передавать свой статус по наследству (образуя своеобразную «касту»). Д. Марковиц справедливо замечает, что уже сегодня трудно понять, где плутократы прикрываются «мифом о меритократии», а где уже реальные меритократы занимают позиции на верхушке социально-экономической лестницы и «честным» образом передают свой статус детям: не путем подкупа или махинаций, а благодаря высокоинтеллектуальной и максимально комфортной для личностного развития среде их роста [Markovits 2019].

Некоторые авторы предпринимают попытки поставить под вопрос не «миф о меритократии», а саму меритократию (как принцип формирования элит). Здесь можно продвинуться даже дальше, чем М. Янг. Вопрос, правда, заключается в том, действительно ли критики меритократии критикуют ее, или же речь идет о скрытой апологии общества, которое все сильнее расслаивается на «достойных» и «недостойных».

Критика меритократии во имя меритократии

Вновь обратимся к М. Янгу. Одна из причин неприятия им идеи меритократии заключается в сомнительном способе отбора элит – по уровню интеллекта, который измеряют стандартизированными тестами (вроде тестов IQ). Янг показывает, что, отдав предпочтение измерению интеллекта, мы легко можем упустить немаловажные достоинства вроде дружелюбия, преданности, способности сопереживать и т.п. Бездушная меритократия, вырождающаяся в технократию, давно превратилась в пугающую и отталкивающую пер-

спективу. Более того, и к самим тестам IQ давно имеются вопросы. Сегодня исследователи приходят к выводу, что интеллект – феномен многоплановый, а успех в инновационной экономике связан не столько со способностью к абстрактному мышлению, сколько с творчеством, яркой индивидуальностью, оригинальностью [Грант 2019]. Важнейшее значение имеет также эмоциональный и социальный (практический) интеллект, который не поддается точному измерению [Гладуэлл 2016, 76-94]. Преувеличивая значение «сухой рациональности», переоценивая «умных» в ориентированной на успех конкурентной экономике, мы забываем о важнейшей роли тех, кто сегодня считается «проигравшим» в меритократической гонке. Более того, работники «руки» (физического труда) и «сердца» (профессий, которые требуют умения взаимодействовать с другими и эмоциональной отдачи, то есть социального интеллекта) могут быть полезнее для общества, чем высокообразованные и сверхбогатые банкиры и финансисты, чья спекулятивная деятельность скорее разрушительна [Маццукато 2021]. Данный феномен ярко проявил себя во времена пандемии COVID-19, когда «низкоквалифицированный» и малооплачиваемый труд медсестер или водителей скорой помощи оказался наиважнейшим для выживания всего общества. «Несмотря на все свои нововведения, – пишет Д. Марковиц, – современные финансы, похоже, не снизили общие транзакционные издержки финансового посредничества или, например, не снизили долю фундаментальных экономических рисков, которые несет медианное домохозяйство. И современный менеджмент, похоже, не улучшил общие показатели деятельности американских фирм (хотя он, возможно, увеличил отдачу именно для инвесторов). В более общем плане рост меритократического неравенства не сопровождался ускорением экономического роста или повышением производительности» [Markovits 2019, 49].

Отсутствие универсальных критериев определения «достойных» – не единственная трудность. Также возникает вопрос о том, насколько достижения являются заслуженными (грубо говоря, какова доля заслуг в заслугах), насколько справедливо очень высоко вознаграждать за те или иные «достоинства», если они во многом обусловлены внешними факторами вроде наследственности, благополучного социального окружения или удачи. Иными словами, проблема заключается не только в социально-экономическом неравенстве. В результате отделить меритократию от «мифа о меритократии» становится еще сложнее. С опорой на классический труд Дж. Ролза [Ролз 2017] политический философ М. Сэндел отмечает, что спектр возможных преимуществ, неизбежно обуславливающих заслуги, не ограничивается только деньгами. От удачи (например, от хорошей наследственности) зависят как наши природные таланты, так и усилия. Поэтому мы не в полной мере заслуживаем даже то, что зарабатываем упорным трудом, ведь готовность прилагать усилия, пытаться быть достойным сама по себе зависит от счастливой семьи и социальных обстоятельств [Sandel 2020, 124].

К феномену «незаслуженности заслуг» сегодня обращаются все чаще [Фрэнк 2019] с целью разоблачить высокомерие и снобизм элит. М. Гладуэлл в своей книге «Гении и аутсайдеры» на фактическом материале демонстрирует, что те, кого мы боготворим и возвеличиваем, во многом обязаны своим успехом вовсе не божественному дару или трудолюбию, но преимущественно удаче. Спектр анализируемых им феноменов впечатляет. Так, скажем, подавляющее большинство звезд канадского хоккея рождены в первой половине года. Это «железный закон канадского хоккея», когда в любой элитной группе около 40% игроков родились между январем и мартом, 30% – между апрелем и июнем, 20% – между июлем и сентябрем и только 10% – между октябрём и декабрём [Гладуэлл 2016, 23]. Причина проста: набор в возрастные хоккейные группы заканчивается 1 января, то есть рожденные в первой половине года оказываются старше (а потому – выше, крепче, сильнее) остальных в таком возрасте, когда каждый месяц крайне важен (особенно учитывая конкурентный характер хоккея как спорта, в котором любой физиологический

нюанс имеет большое значение). Дальше начинает действовать так называемый *эффект Матфея*³ – феномен неравномерного распределения преимуществ, когда сторона, которая уже ими обладает, продолжает их накапливать и приумножать. В хоккее и в большинстве видов спорта небольшое «стартовое» преимущество оказывает в дальнейшем кумулятивный эффект, ведь тренеры поддерживают прежде всего успевающих, то есть успех порождает дальнейший успех.

Эффект Матфея наблюдается не только в спорте. Так, хорошо изучено его присутствие в (что значимо) образовании или в науке [Мертон 1993]. Успех в учебе во многих случаях обусловлен вовсе не трудолюбием и даже не природными дарованиями, а просто датой рождения (опять же преимущество – за старшими в классе). Подобные феномены повсеместны. Как пишет Гладуэлл, «именно перед успешными людьми зачастую открываются особые возможности, ведущие к еще большему успеху. Именно богатые люди пользуются максимальными налоговыми льготами. Именно лучшим студентам преподаватели уделяют больше всего внимания. Именно самые старшие девяти- и десятилетние ребята получают шанс оттачивать свое мастерство под началом лучших тренеров» [Гладуэлл 2016, 26]. Эффектом Матфея проблемы не ограничиваются. Гладуэлл показывает, что в биографии любого успешного человека можно найти очень значимые «факторы удачи». На успех может влиять очень многое: от демографических ям, когда достичь успеха становится легко в силу снижающейся конкуренции, до удачного наставника, хороших связей у родителей или волны технологических инноваций, позволившей удачно влиться в инвестиционные потоки. Как отмечает Гладуэлл, нам нужно сделать соответствующие выводы из этого фактора удачи: «мы раньше срока скидываем со счетов людей, которых считаем бесперспективными. Мы слишком преклоняемся перед теми, кто добился успеха, и слишком легко отвергаем тех, кто потерпел неудачу» [Гладуэлл 2016, 32].

* * *

Данных фактов (а их можно привести больше) достаточно, чтобы радикально переосмыслить идею меритократии, взглянуть на нее со скепсисом. Многие критики так и делают. Однако в итоге они предлагают лишь «половинчатые» рецепты, косвенно оправдывающие меритократию. Так, критика меритократии в контексте пандемии COVID-19 стала основанием для «оправдания» общественного значения работников «руки» и «сердца». Соответственно, такая критика существует как бы во имя меритократии. К примеру, Д. Гудхарт утверждает, что проблема не столько в меритократии как таковой, хотя этот принцип заслуживает скептицизма, сколько в росте и подъеме именно когнитивной меритократии в последние десятилетия. Данная динамика привела к переоценке одной из форм человеческих способностей. «Политическая задача, – утверждает он, – состоит в том, чтобы попытаться распространить часть вознаграждения и статуса, накопленных когнитивно одаренными, на тех, кто обладает способностями, связанными с “рукой” (техническая и ремесленная) и “сердцем” (забота и эмоциональный интеллект). Это призыв к более широкому пониманию того, что составляет заслуги и, собственно, навыки» [Goodhart 2020]. Заслуги когнитивных элит могут быть ничем не лучше (не полезнее для общества), чем деятельность простых рабочих или тех, кто примечателен не IQ, а способностью общаться, сочувствовать и заботиться (например, медсестры в ковидных госпиталях). Следовательно, нужна другая, более правильная («справедливая»), меритократия, которая бы вознаграждала всех тех, чьи усилия реально полезны.

³ По соответствующему высказыванию из Притчи о талантах в Евангелии от Матфея: «...ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Мф. 25:2).

Данная логика не нова. Еще Д. Белл применительно к идее постиндустриального общества в своей классической работе рефлексивно над антиутопией М. Янга, выступая за следующие черты «справедливой» меритократии: каждого человека следует уважать и не подвергать унижению из-за цвета кожи, пола или других личностных характеристик; чрезмерного неравенства допускать не стоит; от механистичности технократии следует отказаться и сделать упор на личностные результаты и заработанный статус, подтверждаемый высшими авторитетами в тех или иных областях [Белл 2004, 609-616]. Как утверждает Белл, «если тщеславие – или “я” (ego) – не может быть устранено, можно наблюдать равенство уважения по отношению ко всем и дифференцированную степень восхваления, приходящуюся на долю некоторых» [Белл 2004, 615]. По всей видимости, такой интерпретации «справедливой» меритократии придерживаются очень многие, в том числе и отечественные, исследователи [Канарш 2019].

Примечательно, что в подобных обоснованиях «справедливой» меритократии акцент на подлинном равенстве возможностей не ставят. Данная особенность резонна, ведь такая логика фактически обосновывает неравенство возможностей, ведущее к закономерному неравенству результатов. Если низкоквалифицированный труд крайне важен, то нужно с уважением к нему относиться, не забывая признавать «дифференцированную степень восхваления, приходящуюся на долю некоторых». Более того, из такого «уважения» легко можно сделать ложный вывод о ненужности для большей части населения благ высшего образования, востребованных компетенций и т.п., ведь сегодня потребность в работниках «руки» и «сердца» очевидно крайне велика. Таким образом, лучше оставить представителям «второсортного» сословия эту возможность приносить благо всему обществу. В самых экстремальных случаях даже можно платить водителям автомобилей скорой помощи и медсестрам почти столько же, сколько менеджерам ИТ-корпораций. Именно к подобным выводам и приходит один из самых эгалитарных политических философов современности М. Сэндел, который в своих суждениях опирается на радикального критика меритократии Дж. Ролза. «Преодоление тирании заслуг, – пишет он, – не означает, что заслуги не должны играть никакой роли в распределении рабочих мест и социальных ролей. Напротив, это означает переосмысление того, как мы воспринимаем успех, и сомнение в меритократическом самомнении, будто те, кто наверху, добились его самостоятельно. И это означает, что преодолевается неравенство в богатстве и уважении, которое защищают во имя заслуг, но которое порождает негодование, отравляющее нашу политику и разобщающее нас» [Sandel 2020, 146]. Далее следует закономерный вывод, что, несмотря на свою амбициозную привлекательность, меритократическое утверждение о том, будто четырехлетнее обучение в колледже – это путь к успеху, отвлекает от серьезного отношения к образовательным потребностям большинства людей. Следовательно, необходимо «демонтировать иерархию уважения, которая дает большую честь и престиж студентам, обучающимся в именитых колледжах и университетах, чем студентам местных колледжей или программ технического и профессионального обучения. Обучение на сантехника, электрика или стоматолога-гигиениста следует уважать как ценный вклад в общее благо, а не как утешительный приз для тех, кому не хватает баллов SAT или финансовых средств, чтобы попасть в Лигу плюща» [Sandel 2020, 179].

Круг замыкается. Меритократию критикуют, чтобы обосновать меритократию. Общество будет уважать тех, кто выбыл из гонки за высокое положение в высокотехнологичной экономике, хорошо им платить и даже способствовать тому, чтобы далеко не все гнались за «элитными» достижениями, ведь можно приносить пользу обществу и более «простыми» способами. Стало быть, нужно больше училищ, а не университетов. Проблема в том, что критики «меритократии во имя меритократии» упускают из виду, что их аргументы усиливают «плохую» меритократию. В данном случае происходит лишь укрепление системы, в рамках которой высшие места в социальной иерархии

все равно будут распределяться в клубе «суперэлит», пропускным билетом в который останется престижное образование или реализованный (во многом благодаря удаче) творческий талант. Оправдывая малоквалифицированный труд, общество лишь «напоминает» огромным массам людей о необходимости оставаться в статусе уязвимых прекариев, обреченных в большинстве своем на «замену» роботами, о чем сегодня пишут все активней [Сасскинд 2021]. Что важно, мы так и не поймем, а кто, собственно, среди этой массы «уважаемых, но не самых лучших» де-факто остался во «второсортном» статусе лишь благодаря неудачно сложившимся обстоятельствам. Наконец, забывают, что снисходительным «уважением» и денежной «компенсацией» вряд ли можно заменить реальный статус. В современном мире [Prinstein 2017] имеет значение не только доход, но и сама личность, представленная публике в социальных медиа, открытая для диалога со всем миром и для творческой самореализации. Смогут ли «уважаемые» сантехники или, скажем, «справедливо» материально вознаграждаемые медсестры что-то противопоставить буржуазной богеме [Брукс 2013] или креативным работникам высокотехнологичных индустрий, чья яркая личность позволяет по-настоящему «наслаждаться собой»?

Заключение. Возможна ли альтернатива меритократии?

Существует ли альтернатива меритократии? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо четко понимать, чем именно она должна быть. Сложно согласиться с тем, что заслуги не должны играть никакой роли в распределении рабочих мест и социальных ролей. Никто не будет спорить, например, с назначением на самые ответственные операции наиболее опытных и знаменитых своими достижениями хирургов. Однако одно дело, когда меритократию считают идеалом (и потому ставят ее на вооружение в нормативном политическом дискурсе), но совсем другое – когда ее признают неизбежным злом. Во втором случае необходимо отдавать себе отчет в том, что существование меритократии – это изъян в самом общественном устройстве (которое можно и нужно постоянно совершенствовать) и отчасти в природе человека (которую совершенствовать труднее, но можно постепенно «покорять», коллективно и крайне осторожно корректировать), которые допускают как фактическое неравенство возможностей (и соответствующие «мифы о меритократии»), так и, условно говоря, «неравенство результатов». В рамках данной нормативной перспективы следует понимать, что нет пределов развитию талантов каждого, а потому прогрессивных системных изменений в природе человека и общества. Прогресс человечества может быть нацелен на максимальное⁴ развитие способностей каждого (как минимум – на предоставление реальных возможностей для такового), даже если многим такое развитие дается труднее, чем «лидерам». Тем, кто и так от природы способен и умен (и при этом находится в благоприятных, можно сказать тепличных, условиях), проще дойти до уровня университетов Лиги плюща. Важно понять, можно ли большими усилиями сделать нечто подобное по отношению к тем, кто, как представляется, «не достоин». Данная своего рода акселерационистская [Уильямс, Шричек 2018], «максималистская» перспектива ставит во главу угла максимально возможное общественное развитие (стремление к бессмертию, покорение далекого космоса и т.п.), в рамках которого бесценными оказываются таланты каждого (что также во многом служит самоцелью).

Критику меритократии с целью «оправдания» малоквалифицированного труда можно назвать внутренне противоречивой. Такая критика обрекает огромные массы населения

⁴ Однако стоит учитывать, что идея максимального развития способностей и возможностей привлекательно звучит на уровне человечества, но уже не столь привлекательно применительно к отдельному человеку, у которого могут найтись свои причины не стремиться к максимально возможным результатам.

на историческую бесперспективность: в лучшем случае на прекаризацию, а в худшем – на скорую замену их труда трудом машин и автоматизированных систем⁵. Даже если работники «руки» и «сердца» будут нужны всегда (такая вероятность велика [Давыдов 2019]), а их труд будет очень высоко материально вознаграждаться, то это не резон оправдывать существование нескольких сословий, высшие из которых неизбежно будут иметь преимущества личностного, нематериального характера. Здесь имеет смысл вспомнить старую марксистскую идею всесторонне развитого человека. Такой человек не является «одномерным», то есть его деятельность не ограничивается исключительно физической, интеллектуальной или, допустим, социальной деятельностью. Более того, им может быть и «когнитивный» специалист высочайшего класса, но не ищущий славы и власти, ведь общественная польза от деятельности также может приносить удовлетворение и радость. Ему может быть неприемлема сама меритократическая гонка как агрессивная конкуренция за статусы и преимущества. Когда Маркс, Энгельс и многие их последователи писали о преодолении разделения труда, отчасти они имели в виду уничтожение уничижительной меритократической иерархии. Всесторонне, гармонично развитый человек достоин именно из-за того, что он способен не просто блестяще мыслить, но и сочувствовать, ощущать принадлежность к единому человечеству, а также трудиться во благо всех живущих на Земле, развивая свое тело и дух. Разве не в высшей степени достойны владелица крупного предприятия, который несколько часов в неделю посвящает уходу за тяжелобольными, и сверхквалифицированный врач, который по доброй воле оставил свой комфортабельный кабинет ради долгой и изнурительной борьбы с вирусной инфекцией где-нибудь в Индии? Не элементы ли это того самого идеала, который противопоставлял меритократии М. Янг?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белл Д. (2004) Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia.
- Брукс Д. (2013) Бобо в раю. Откуда берется новая элита. М.: Ад Маргинем.
- Гладуэлл М. (2016) Гении и аутсайдеры. Почему одним все, а другим ничего? М.: Манн, Иванов и Фербер.
- Грант А. (2019) Оригиналы. Как неконформисты двигают мир вперед. М.: Издательство АСТ: CORPUS.
- Давыдов Д.А. (2019) Общественно-необходимый труд в дискуссиях о посткапиталистическом будущем: «отменить» нельзя социализировать // *Общественные науки и современность*. № 6. С. 174–186.
- Канарш Г.Ю. (2019) Элитаристский дискурс справедливости: современные концепции и Россия // *Знание. Понимание. Умение*. № 2. С. 62–72.
- Маццукато М. (2021) Ценность всех вещей. Создание и изъятие в мировой экономике. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Мертон Р.К. (1993) Эффект Матфея в науке, II: накопление преимуществ и символизм интеллектуальной собственности // *THESIS*. № 3. С. 256–276.
- Ролз Дж. (2017) Теория справедливости. М.: Ленанд.
- Сасскинд Д. (2021) Будущее без работы. Технологии, автоматизация и стоит ли их бояться. М.: Individuum.

⁵ Стоит признать, что и труд работников «головой» тоже может быть автоматизирован системами искусственного интеллекта. Все же процесс этот происходит будет, скорее всего, несколько медленней (особенно в профессиях, связанных с творчеством). Более того, у них всегда будут преимущества, так как наличие хорошего образования и в целом весомого «человеческого капитала» может существенно облегчить «выживание» и сохранение статуса в новую технологическую эпоху.

- Уильямс А., Шрничек Н. (2018) Манифест акселерационистской политики // Логос. № 2. С. 7–20.
- Фрэнк Р. (2019) Успех и удача. Фактор везения и миф меритократии. М.: Издательский дом Высшей школы экономики.
- Carnevale A. P., Schmidt P., Strohl J. (2020) *The Merit Myth: How Our Colleges Favor the Rich and Divide America*. New York: The New Press.
- Davies S. (2019) *Meritocracy Is a Bad Idea*. American Institute for Economic Research. (<https://www.aier.org/article/meritocracy-is-a-bad-idea>).
- Goodhart D. (2020) *What We Meritocracy Critics Get Wrong*. UnHerd. (<https://unherd.com/2020/09/who-does-meritocracy-help-get-ahead/>).
- Guinier L. (2016) *The Tyranny of the Meritocracy: Democratizing Higher Education in America*. Boston: Beacon Press.
- Littler J. (2017) *Against Meritocracy: Culture, Power and Myths of Mobility*. London: Routledge.
- Markovits D. (2019) *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. New York: Penguin Press.
- Prinstein M. (2017) *Popular: The Power of Likability in a Status-Obsessed World*. New York: Viking.
- Sandel M. (2020) *The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Young M. (1961) *The Rise of the Meritocracy, 1870-2033: an Essay on Education and Equality* by Michael Young. London: Penguin Books.

REFERENCES

- Bell D. (2004) *Griadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniia* [The Coming of Post-Industrial Society: A Venture in Social Forecasting]. Moscow: Academia.
- Brooks D. (2013) *Bobo v raiu. Otkuda beretsia novaia elita* [Bobos in Paradise. The New Upper Class and How They Got There]. Moscow: Ad Marginem.
- Carnevale A. P., Schmidt P., Strohl J. (2020) *The Merit Myth: How Our Colleges Favor the Rich and Divide America*. New York: The New Press.
- Davies S. (2019) *Meritocracy Is a Bad Idea*. American Institute for Economic Research. (<https://www.aier.org/article/meritocracy-is-a-bad-idea/>).
- Davydov D.A. (2019) *Obshchestvenno-neobkhodimyi trud v diskussiiakh o postkapitalisticheskom budushchem: "otmenit'" nel'zia sotsializirovat'* [Socially Necessary Work in Discussions about the Post-Capitalist Future: "Cancel" Can not Be Socialized?]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 174–186.
- Frank R. (2019) *Uspekhi i udacha. Faktor vезeniia i mif meritokratii* [Success and Luck: Good Fortune and the Myth of Meritocracy]. Moscow: Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki.
- Gladwell M. (2016) *Genii i outsaidery. Pochemu odnim vse, a drugim nichego?* [Outliers: The Story of Success] Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Goodhart D. (2020) *What We Meritocracy Critics Get Wrong*. UnHerd. (<https://unherd.com/2020/09/who-does-meritocracy-help-get-ahead/>).
- Grant A. (2019) *Originaly. Kak nonkonformisty dvigaiut mir vpered* [Originals: How Non-Conformists Move the World]. Moscow: AST Publ.: CORPUS.
- Guinier L. (2016) *The Tyranny of the Meritocracy: Democratizing Higher Education in America*. Boston: Beacon Press.
- Kanarsh G.Iu. (2019) *Elitaristskii diskurs spravedlivosti: sovremennye kontseptsii i Rossiia* [Elitist Discourse of Justice: Modern Conceptions and Russia]. *Znanie. Ponimanie. Umenie*, no. 2, pp. 62–72. (In Russ.).
- Littler J. (2017) *Against Meritocracy: Culture, Power and Myths of Mobility*. London: Routledge.
- Markovits D. (2019) *The Meritocracy Trap: How America's Foundational Myth Feeds Inequality, Dismantles the Middle Class, and Devours the Elite*. New York: Penguin Press.
- Mazzucato M. (2021) *Tsennost' vsekh veshchei. Sozdanie i iz'iatie v mirovoi ekonomike* [The Value of Everything. Making and Taking in the Global Economy]. Moscow: HSE Publ.
- Merton R.K. (1993) *Effekt Matfeia v nauke, II: nakoplenie preimushchestv i simbolizm intellektual'noi sobstvennosti* [The Matthew Effect in Science, II: Cumulative Advantage and the Symbolism of Intellectual Property]. *THEISIS*, no. 3, pp. 256–276.

- Prinstein M. (2017) *Popular: The Power of Likability in a Status-Obsessed World*. New York: Viking.
- Rawls J. B. (2017) *Teoriia spravedlivosti* [A Theory of Justice]. Moscow: Lenand.
- Sandel M. (2020) *The Tyranny of Merit: What's Become of the Common Good?* New York: Farrar, Straus and Giroux.
- Susskind D. (2021) *Budushchee bez raboty. Tekhnologii, avtomatizatsiia i stoit li ikh boiat'sia* [A World Without Work. Technology, Automation, and How We Should Respond]. Moscow: Individuum.
- Williams A., Srnicek N. (2018) Manifest akseleratsionistskoi politiki [Accelerate: Manifesto for an Accelerationist Politics]. *Logos*, no. 2, pp. 7-20. (In Russ.).
- Young M. (1961) *The Rise of the Meritocracy, 1870-2033: an Essay on Education and Equality* by Michael Young. London: Penguin Books.

Информация об авторе

Давыдов Дмитрий Александрович, кандидат политических наук, старший научный сотрудник отдела философии Института философии и права УрО РАН. Адрес: 620990, г. Екатеринбург, ул. Софьи Ковалевской, 16. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

About the author

Dmitriy A. Davydov, Candidate of Sciences (Politics), Senior Research Fellow, Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law (Ural Branch of RAS). Address: Sofia Kovalevskaya st., 16, Ekaterinburg, 620219, Russia. E-mail: davydovdmitriy90@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 24.05.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 24.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 31.08.2021

DOI: 10.31857/S086904990017284-4

Оригинальная статья / Original Article

Влияние величины избирательных округов на гендерный состав муниципального депутатского корпуса

© Р.С. МУХАМЕТОВ

Мухаметов Руслан Салихович, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия), muhametov.ru@mail.ru

В данном исследовании объясняется различие доли женщин-депутатов в представительных органах муниципальных образований. Автор оценивает влияние величины избирательных округов на гендерный состав муниципальных дум. Обзор теоретических и эмпирических работ показывает, что по системе пропорционального представительства в парламент избирается больше женщин, чем по мажоритарной системе с одномандатными округами. По мнению автора, решающим фактором становится не столько тип избирательной системы, сколько величина избирательного округа. В рамках исследования сформулированы две рабочие гипотезы. Согласно первой, в представительных органах муниципальных образований, выборы в которые проходят по мажоритарной системе с многомандатными округами, женщины будут более представлены, чем в местных думах, которые формируются на основе мажоритарной системы с одномандатными округами. Вторая гипотеза гласит, что в депутатском корпусе поселений женщин больше из-за того, что выборы проводятся по мажоритарной системе с многомандатными округами. Для проверки предложенных гипотез в разрезе муниципалитетов был собран эмпирический материал. Исследование выполнено на основе показателей по Свердловской области, источником информации выступили база данных показателей муниципальных образований Росстата и официальные сайты местных администраций. В качестве основного исследовательского метода использовалась множественная линейная регрессия. Анализ данных производился в прикладной статистической программе Gretl. Статистические расчеты выявили положительное и статистически значимое влияние выборов на основе многомандатных округов на долю женщин в депутатском корпусе, что вносит вклад в изучение гендерных аспектов политики. Показано, что величина избирательного округа имеет значение для представительства женщин в гордумах. В статье отмечается, что проведение выборов депутатов на основе мажоритарной системы с многомандатными округами будет способствовать повышению доли женщин в муниципальных представительных органах.

Ключевые слова: гендер, муниципальные образования, депутат, избирательная система, избирательные округа

Цитирование: Мухаметов Р.С. (2021) Влияние величины избирательных округов на гендерный состав муниципального депутатского корпуса // Общественные науки и современность. № 5. С. 43–55. DOI: 10.31857/S086904990017284-4

The Impact of the District's Magnitude on the Gender Composition of the Municipal Deputy Corps

© R. MUKHAMEDOV

Ruslan S. Mukhametov, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, muhametov.ru@mail.ru

Abstract. The purpose of the study is to explain the difference in the proportion of women deputies in the representative bodies of different municipalities. The author assesses the impact of the electoral districts size on the gender composition of municipal legislative bodies (dumas). A review of theoretical and empirical works shows that more women are elected to parliament under the proportional representation system than under the majority system with single-mandate constituencies. According to the author, the decisive factor is not the type of the electoral system, but the size of the electoral district. Two working hypotheses were formulated. According to the first, representative bodies of municipalities, whose elections are held according to a majority system with multi-member districts, will have a higher representation of women than local dumas which are formed on the basis of a majority system with single-member districts. According to the second hypothesis, higher representation of women in the deputy corps of settlements can be associated with the holding of elections under the majority system with multi-mandate districts. To test the proposed hypotheses in the context of municipalities, empirical material was collected. The study was carried out on the data from the Sverdlovsk region. The database of indicators of municipalities of Rosstat, as well as the official websites of local administrations were used as the source of information. The method of multiple linear regression is used as the main research method. The data was analyzed with the Gretl applied statistical program. Statistical calculations have revealed a positive and statistically significant impact of multi-mandate constituencies-based elections on the proportion of women in the deputy corps, which contributes to the study of gender aspects of politics. It is shown that the size of the electoral district is important for the representation of women in the city councils. The article notes that the transition to holding elections of deputies on the basis of a majority system with multi-mandate districts will help increase the proportion of women in municipal representative bodies.

Keywords: gender, municipalities, deputy, electoral system, electoral districts

Citation: Mukhametov R. (2021) The Impact of the District's Magnitude on the Gender Composition of the Municipal Deputy Corps. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 43–55. DOI: 10.31857/S086904990017284-4 (In Russ.)

Введение

Изучение гендерных аспектов политики можно назвать распространенным направлением исследований в политической науке. В данном случае речь идет главным образом о доле представленности мужчин и женщин в органах исполнительной и законодательной власти, а также о факторах, которые определяют их долю в соответствующих политических институтах.

Обращение к теме исследования обусловлено двумя причинами. Во-первых, в научной литературе ограничено количество работ, которые целиком и полностью посвящены гендерному составу муниципальных служащих и местных депутатов. Обзор научных публикаций показывает, что основное внимание исследователи уделяют государственным органам власти и управления [Кочкина 2003; Хилобок 2017]. Значительная часть работ посвящена представленности женщин в депутатском корпусе российского парламента и в списках кандидатов в депутаты Госдумы [Айвазова 2008; Канапьянова

2007]. Гендерное измерение региональной политической элиты также стало объектом пристального внимания исследователей, которые в большей степени сосредоточены на изучении представленности женщин в парламентах субъектов РФ [Козлова, Монахова 2019]. Справедливости ради стоит подчеркнуть, что работы о гендерном составе органов региональной исполнительной власти также существуют [Кохановская 2014; Очирова 2011]. Во-вторых, между представленностью женщин в депутатском корпусе федерального и региональных парламентов, с одной стороны и в муниципальных думах с другой наблюдается двукратный разрыв. Согласно статистическим данным, для Госдумы и законодательных (представительных) органов государственной власти субъектов РФ характерна ярко выраженная гендерная асимметрия: доля женщин среди федеральных депутатов составляет 15,9% от общей численности, в то время как в депутатском корпусе региональных парламентов показатель составляет 13% [Женщины и мужчины России 2018]. Одновременно в представительных органах муниципальных образований женщин-депутатов гораздо больше. В частности, доля женщин среди депутатов городских округов составляет 28%, внутригородских районов – 29%, муниципальных районов – 33%, городских поселений – 43%, внутригородских территорий – 49% и, наконец, сельских поселений – 50% [Информационно-аналитические материалы..., 2019]. Данная тенденция вызывает ряд вопросов. От чего зависит доля женщин в городских думах? Почему в депутатском корпусе поселений женщины представлены лучше, чем в городских округах и муниципальных районах? Цель данной работы – получить ответы на поставленные исследовательские вопросы.

В научной литературе можно встретить несколько работ, которые пытаются ответить на них. По мнению В. Левиной, гендерный состав депутатов муниципальных образований зависит от типа образования и его финансовой обеспеченности. Она пришла к выводу, что доля мужчин среди местных депутатов выше в более экономически развитых муниципалитетах с большей численностью населения. Женщины-депутаты чаще встречаются в тех городах, где доля налоговых доходов в бюджетах сравнительно невысока, а резервы для роста доходов за счет налоговых и неналоговых поступлений отсутствуют. Кроме того, территориям, где выше доля женщин-руководителей, сложнее привлекать субсидии для софинансирования различных муниципальных программ. Исследователь подчеркивает, что женщин больше встречается в руководстве городов и среди муниципальных депутатов не крупных, дотационных муниципальных образований со сравнительно низким экономическим потенциалом – в таких условиях меньше конкуренции и предпочтений для руководителя, а также ниже уровень их доходов [Левина 2020]. А. Чирикова также считает, что женщин во власти больше на муниципальном уровне (на уровне малых поселений и городов) в связи с тем, что там легче разрушить «стеклянный потолок» из-за низкой конкуренции, вызванной ограниченными финансовыми ресурсами [Чирикова 2011]. С точки зрения других исследователей [Чуб, Чечере 2020], в крупных поселениях с преобладающим экономическим ресурсом процент женщин в представительной власти ниже, а на отдаленных от областного центра и индустриально неразвитых территориях в руководстве меньше участвуют мужчины. Исторически мужское представительство связано с промышленно-предпринимательской средой, которая формируется в больших городах и округах. Ученые обуславливают данную динамику спецификой современной российской провинции: доход в ней невысок и нестабилен, квалифицированных рабочих мест недостаточно, из-за чего трудоспособные мужчины вынуждены уезжать в крупные города на заработки.

Обзор литературы показывает, что отечественные исследователи связывают гендерное распределение на муниципальном уровне главным образом с социально-экономическими и бюджетно-финансовыми аспектами. По мнению автора, у вышеназванных работ есть одно существенное ограничение – они основаны исключительно на описательной статистике.

Таким образом, в научной литературе вопрос о вариативности представительства женщин в думах муниципальных образованиях рассмотрен мало. В ней не дан полный ответ на предложенный исследовательский вопрос, но содержатся некоторые идеи, которые помогут объяснить расхождения между большим количеством муниципалитетов. Признавая важный вклад, который внесли данные и другие исследования в изучение детерминант представленности женщин в муниципальных думах, в настоящей статье акцент сделан на исследование влияния избирательной системы в целом и величины избирательных округов в частности.

Статья состоит из нескольких разделов. В первой части описаны теоретические рамки исследования и сформулированы рабочие гипотезы. Методы сбора и анализа информации представлены во второй части. Третья часть посвящена результатам эмпирического анализа и их обсуждению. Основные выводы сделаны в заключении.

Теоретические рамки исследования

Огромное разнообразие факторов может затруднять или облегчать доступ женщин в парламент. В литературе встречаются несколько теоретических подходов, которые объясняют различия в гендерной представленности в национальных законодательных органах. Э. Мэннинг выделяет три основные школы: социально-экономическую, культурно-идеологическую и политическую. Первая из них утверждает, что социально-экономические условия государств, включая уровень образования, занятость женщин и валовой внутренний продукт, влияют на участие женщин в работе национальных законодательных органов. Культурно-идеологическая школа предполагает, что на присутствие женщин в управлении воздействуют культура и идеология страны, особенно такие факторы как религия, эгалитаризм, национальное общественное мнение, восприятие гендерных ролей, культурное наследие и различия поколений. Политическая школа включает в себя теории, связанные с наличием внутреннего конфликта, типом избирательной системы, политическими партиями, сменой элит и введением гендерных квот. Данные объяснения наиболее распространены в дискуссии об уровне представительства женщин в национальных парламентах [Manning 2014].

Наиболее часто различия в представленности женщин обуславливают типом избирательной системы. Многочисленные исследования подтверждают, что многомандатные системы пропорционального представительства более благоприятны для женщин, чем мажоритарная система с одномандатными округами [Chiva 2018; Thames 2017]. Большой успех женщин в рамках пропорциональной избирательной системы обычно объясняют тем, что в ней каждая партия представляет коллективный список кандидатов. Благодаря данной особенности у партий есть электоральный стимул максимизировать свою коллективную привлекательность, включив в перечень кандидатов из всех основных групп электората. Исключение представителей какой-либо крупной социальной группы может сигнализировать о дискриминации и, следовательно, привести к электоральному наказанию. Широкий круг кандидатов, который включает в себя женщин и другие меньшинства, партийное руководство рассматривает как полезный и потенциально эффективный способ привлечь разные группы избирателей [Norris 2006]. Иными словами, на выборах, которые проходят по правилам пропорциональной системы, партии выдвигают нескольких кандидатов и выигрывают от обращения к разным группам избирателей. Многомандатные округа теоретически позволяют им балансировать, поскольку будет избрано несколько кандидатов. В данных условиях партийное руководство имеет веские основания для того, чтобы включить женщин в свои списки. Данный ход стоит рассматривать не только как стратегию для того, чтобы получить голоса женщин-избирателей, но и как механизм представительства

ства различных внутрипартийных интересов и, таким образом, усиления партийного единства [Golder at al. 2017].

Преимущества кандидатов-мужчин перед кандидатами-женщинами более четко выражаются в одномандатных округах, где есть только один победитель. Мажоритарные системы отдают предпочтение должностным лицам – они, как правило, мужчины. Партийный менеджмент при мажоритарной системе менее склонен выдвигать кандидатов-женщин. Также мажоритарные системы не одобряют кандидатов-женщин из-за действий партийных элит и их убежденности в том, что избиратели предпочитают голосовать за мужчин [Krook 2018].

Перед женщинами, которые планируют баллотироваться по одномандатным округам, стоит двойная задача: сначала они должны выиграть единственную партийную номинацию в округе, а затем – выборы. В обоих случаях их шансы на победу ниже, чем у мужчин. Женщины должны соревноваться за выдвижение в своей партии и с кандидатами от других партий. Влиятельные мужчины-политики часто препятствуют выдвижению женщин. Более того, партийное руководство может воспринимать женщин как менее способных выиграть соревнование против мужчин-кандидатов из других партий, особенно если для ее участия в выборах надо отказаться от потенциального кандидата мужского пола [Johnson-Myers 2017].

Обсуждая то, как избирательные системы влияют на представленность женщин в парламенте, ученые сосредотачивают внимание на широких «семьях» избирательных систем – на пропорциональном представительстве и мажоритарной системе. Важно подчеркнуть, что даже внутри одной «семьи» избирательные системы существенно различаются по своим особенностям и типам. Учитывая данный факт, весьма ошибочно обсуждать то, как избирательные системы влияют на представленность женщин в парламенте, опираясь только на различия избирательных систем в целом, так как некоторые из них могут относиться к одному типу, но отличаться в важных аспектах. Как представляется автору, решающим фактором может быть величина избирательного округа, т.е. количество депутатов, которые избираются от него, а также то, проводятся ли выборы по мажоритарной системе с одномандатными округами, когда в парламент направляется только один депутат, или с многомандатными округами (избирательный округ, от которого в думу попадают два или более представителя).

Исследования показывают, что такая характеристика системы, как многомандатность избирательного округа, способствует женщинам-кандидатам. Существует несколько объяснений подобной взаимосвязи. Партийные элиты могут проводить «позитивные действия», выдвигая женщин, которые получают больше внимания в качестве кандидатов, когда есть кандидаты-мужчины [Darcy, Welsh, Clark 1985]. Избиратели могут проголосовать за женщину, зная, что их также будут представлять и депутаты мужского пола [Studlar, Welch 1991]. Лица, которые сомневаются в квалификации женщин на политическом посту, могут отдать один свой голос за женщину, а остальные – за кандидатов мужского пола [King 2002].

На основании вышесказанного можно сформулировать следующие гипотезы исследования:

Гипотеза 1. В представительных органах муниципальных образований, выборы в которые проходят по мажоритарной системе с многомандатными округами, женщины будут представлены лучше, чем в местных думах, которые формируются на основе мажоритарной системы с одномандатными округами.

Гипотеза 2. Женщины более представлены в депутатском корпусе поселений в связи с тем, что выборы там проходят по мажоритарной системе с многомандатными округами.

Общая характеристика исследования

Переменные. Объясняющие переменные были разделены на основные и контрольные. В качестве зависимой переменной для проверки первой гипотезы используется процент женщин-депутатов в представительных органах муниципальных образований от общей численности депутатов (переменная «ЖЕНЩИНЫ»). Исходя из теоретических рассуждений и рабочей гипотезы исследования, была подсчитана доля от депутатов, избранных по мажоритарной системе. В данном случае выборы по пропорциональной системе характерны только для половины состава Екатеринбургской гордумы, которая не попала в базу данных. Для тестирования второй гипотезы зависимая переменная («ПОСЕЛЕНИЕ») была операционализирована через тип муниципального образования (если муниципалитет был поселением, то переменная получала значение 1, если нет – 0). В качестве основной независимой переменной выступило количество депутатов, избираемых от округа («ОКРУГ»).

Что касается контрольных переменных, в качестве детерминантов, которые могут влиять на представленность женщин в гордумах, использованы социально-демографические и финансово-экономические факторы. Для их оценки автор использует такие показатели, как численность населения («НАСЕЛЕНИЕ»); экономическая специализация муниципального образования (если муниципалитет считается моногородом, то переменная получает значение 1, если нет, то 0; переменная «МОНОГОРОД»); уровень бюджетной обеспеченности, выраженный в доходах муниципальных бюджетов на душу населения (на 1 человека) в 2020 г. («БЮДЖЕТ»); а также количество депутатов представительного органа («ЧИСЛЕННОСТЬ»). Контрольные переменные были выбраны на основании предыдущих исследований. Показатель «ЧИСЛЕННОСТЬ» был включен для того, чтобы учесть все факторы, повысив тем самым объясняющую силу.

Описательная статистика по переменным представлена в таб. 1.

Таблица 1

Описательная статистика

Table 1

Descriptive Statistics

Переменные	Минимум	Максимум	Среднее значение	Стандартное отклонение
ЖЕНЩИНЫ	7,1	80	37,4	17,04
ОКРУГ	1	11	4,4	0,3
ЧИСЛЕННОСТЬ	8	25	15,5	0,42
ПОСЕЛЕНИЕ	0	1	0,22	0,04
НАСЕЛЕНИЕ	1163	1526384	46584	16553
МОНОГОРОД	0	1	0,15	0,037
БЮДЖЕТ	0,003	0,1	0,04	0,002

Доля женщин-депутатов была определена на основе анализа гендерного состава представительных органов муниципальных образований на территории Свердловской области (94 муниципалитета, среди которых 68 городских округов, 5 муниципальных районов, 5 городских и 16 сельских поселений). Автор выбрал муниципальные образования Среднего Урала в связи с тем, что на официальном сайте Вестника территориальных избирательных комиссий Свердловской области представлен электоральный паспорт на каждый муниципалитет региона, который содержит актуальные данные о муниципальных депутатах и избирательных системах.

Информация о численности населения была получена из базы данных показателей муниципальных образований Росстата. Сведения о доходной части бюджета за 2020 г. приведены с официальных сайтов местных администраций. Перечень монопрофильных муниципальных образований на территории Свердловской области представлен на официальном сайте регионального министерства инвестиций и развития.

В качестве основного исследовательского метода была использована множественная линейная регрессия. Данные анализировались в прикладной статистической программе Gretl.

Результаты исследования

Чтобы выявить, как величина избирательных округов влияет на гендерный состав муниципальных депутатов, были построены регрессионные модели. Подробные результаты построения регрессий представлены в таб. 2.

Таблица 2

Результаты множественной линейной регрессии (зависимая переменная – доля женщин в представительных органах муниципальных образований), $n = 94$

Table 2

Results of Multiple Linear Regression (Share of Women in the Representative Bodies of Municipalities Used as Dependent Variable), $n = 94$

Переменные	Нестандартные коэффициенты		Стандартные коэффициенты	t	Значимость
	B	Стандартная ошибка	Beta		
ОКРУГ	2,142	0,703	0,368	3,048	0,003
ЧИСЛЕННОСТЬ	-1,061	0,491	-0,256	-2,162	0,033
НАСЕЛЕНИЕ	-1,380	0,000	-0,130	-1,490	0,140
МОНОГОРОД	1,488	4,234	0,032	0,351	0,726
БЮДЖЕТ	-13,476	79,579	-0,015	-0,169	0,866
Constant	45,369	10,515		4,315	0,000

R квадрат – 0,374

Согласно представленным в таб. 2 результатам, величина избирательного округа («ОКРУГ») положительно влияет на представленность женщин в местных думах, а также обладает высокой объяснительной силой (значимость менее 0,05). Как показали статистические расчеты, доля женщин-депутатов в городских думах зависит от двух факторов. Во-первых, влияет количество депутатов, избираемых от округа. Из таблицы заметна следующая закономерность: чем больше величина избирательного округа, тем больше женщин проходит в представительный орган муниципалитета. Результаты эмпирического анализа говорят, что увеличение округа на 1 мандат приводит к повышению избрания женщин в два раза. Во-вторых, на представленность женщин влияет количество депутатов в представительном органе («ЧИСЛЕННОСТЬ»): чем меньше численность гордумы, тем больше в ней женщин-депутатов. Согласно данным расчетов, увеличение численности гордумы на одного депутата приводит к тому, что представленность женщин сокращается на одну единицу.

Положительная взаимосвязь между многомандатными округами и представленностью женщин-депутатов обусловлена двумя обстоятельствами: 1) такие избирательные округа по сравнению с одномандатными повышают шансы пройти в парламент большему количеству кандидатов; 2) более высокая вероятность получить статус депутата стимулирует женщин к большей политической активности. В частности, на выборах муниципальных депутатов, которые проходят по мажоритарной системе с одномандатными округами, доля женщин среди кандидатов, например, г. Нижний Тагил составляла 11,8% (2017 г.), г. Екатеринбург – 15,2% (2018 г.). В пятимандатных округах женщины-кандидаты представлены лучше: от 20% (Березовский городской округ) до 26,25% (Алапаевский ГО). Доля женщин среди кандидатов в депутаты думы Староуткинска (10-мандатный округ) – 25,2%, а поселка Уральский (11-мандатный округ) – 45,45%.

Объяснительная сила регрессионных моделей для проверки социально-демографических и финансово-экономических факторов очень низка (значимость более 0,05). Указанная особенность свидетельствует о том, что данные детерминанты в малой степени объясняют уровень участия женщин в представительных органах муниципалитетов.

Для дальнейшего анализа необходимо построить бинарные регрессии, чтобы определить причины более высокой представленности женщин в депутатском корпусе поселений по сравнению с городскими округами и муниципальными районами. Наиболее значимые результаты представлены в таб. 3.

Таблица 3

Результаты бинарной логистической регрессии

Table 3

Results of Binary Logistic Regression

Переменные	B	Стандартная ошибка	Значимость
ОКРУГ	0,430	0,184	0,02
ЧИСЛЕННОСТЬ	-0,487	0,177	0,006
Constant	2,774	2,767	-0,316

R квадрат – 0,481

Построенные в таб. 3 регрессии говорят о том, что на долю женщин-депутатов в поселениях влияют два фактора. Первый связан с тем, что выборы депутатов в представительные органы поселений чаще, чем в городских округах, проходят по многомандатным округам, что повышает шансы кандидатов-женщин. Из таб. 4 видно, что выборы народных избранников в поселениях проходят по восьмимандатным избирательным округам, а в городских округах и муниципальных районах – по трехмандатным округам. Кроме того, более высокую представленность женщин в депутатском корпусе поселений можно связать с численностью депутатов муниципальных дум. Речь идет о том, что в представительных органах поселений депутатов меньше, чем в городских округах. Данные, представленные в таб. 5, показывают, что численность народных избранников в думах поселений составляет 10, тогда как в городских округах и муниципальных районах их 17. На данном этапе может возникнуть вопрос о причинно-следственной связи между количеством депутатов и уровнем присутствия женщин в представительных органах. Влияние происходит опосредованно через величину избирательного округа. Между ней и численностью депутатов существует сильная обратная взаимосвязь – чем больше избирательный округ, тем меньше численность представительного органа муниципального образования. На данную особенность указывает коэффициент корреляции, который равен -0,68, что означает заметную силу (по шкале Чеддока).

Таблица 4

Распределение избирательных округов по количеству мандатов

Table 4

Distribution of Electoral Districts by the Number of Mandates

	11	10	8	5	4	3	2	1	Сред. значение	Медиана
Поселения	1	12	1	7	0	0	0	0	8,2	10
Гор округа	0	2	0	22	12	13	2	22	3,3	3,5

Таблица 5

Численность депутатов представительных органов муниципальных образований

Table 5

Number of Deputies of Representative Bodies of Municipalities

	25	21	20	18	16	15	14	11	10	8	Сред. значение	Медиана
Поселения	0	0	0	0	0	2	0	1	17	1	10,42	10
Гор округа	1	1	31	4	5	24	1	0	6	0	17,05	16

Результаты подтверждают выводы предыдущих исследований, которые выявили взаимосвязь между увеличением численности депутатов округов и повышением уровня представленности женщин [Matland, Brown 1992; McElroy, Marsh 2009]. Заключение перекликается с более ранними работами [Clark, Caro 2013; Engstrom 1987; Welch, Studlar 1990].

Полученные результаты представляют интерес с точки зрения интерпретации. Вывод о положительном и статистически значимом влиянии на гендерный состав представительных органов муниципалитетов величины избирательных округов стал новым результатом для российских исследований по гендерным аспектам политики. Выдвинутые гипотезы нашли свое подтверждение, в связи с чем можно сделать несколько важных выводов. Во-первых, представленность женщин в парламентах зависит не столько от «семьи» избирательной системы, сколько от величины избирательного округа. Данная работа продолжает традицию изучения того, как избирательные системы воздействуют на уровень присутствия женщин в российском парламенте [Голосов 2003; Музер 2003]. Во-вторых, исследование выявило, что выборы на основе многомандатных округов положительно и статистически значимо влияют на долю женщин в депутатском корпусе. Данная статья в какой-то степени ставит под сомнение существующий в научной литературе консенсус о том, что на высокую долю женщин-депутатов воздействуют выборы именно по пропорциональному представительству [Kapoor 2016; Salmond 2006; Salnykova 2012]. В-третьих, для увеличения доли женщин в законодательных и представительных органах можно использовать не только механизм гендерных квот, который сегодня рассматривают как наиболее эффективный способ достижения гендерного баланса в политических институтах, но и переход на выборы различного уровня по мажоритарной системе с многомандатными округами.

Кроме того, в ходе исследования было получено несколько интересных результатов при работе с контрольными переменными. Статистические расчеты показали, что финансовая обеспеченность муниципальных образований не влияет на представленность женщин в гордумах, что контрастирует с выводами более ранних исследований. Указанный вывод был получен с помощью количественных методов анализа данных, в то время как предшествующие работы были основаны на качественных методах.

Заключение

Цель данной работы состояла в том, чтобы объяснить различия в представленности женщин в различных муниципальных образованиях. Исследования по данной теме уже проводились, но они часто были ограничены использованием качественного анализа при изучении нескольких наблюдений. Автор ставил перед собой задачу проверить влияние величины избирательных округов на гендерный состав муниципальных депутатов. По итогам исследования удалось достичь результатов, которые определяют его новизну. Во-первых, впервые рассматривался вопрос о взаимосвязи выборов на основе мажоритарной системы с многомандатными округами и высокого представительства женщин в представительных органах. Во-вторых, ранее практически не изучалось влияние фактора избирательных систем на гендерный состав муниципальных дум. Таким образом, представленное исследование становится важным шагом к пониманию того, как изменения избирательной системы влияют на соотношение мужчин и женщин в депутатском корпусе. Как показывает данная работа, результаты выборов для женщин могут значительно варьироваться в зависимости от численности избранных представителей. При прочих равных условиях женщины лучше выступают на выборах и побеждают в округах с несколькими победителями чаще, чем в одномандатных округах. Также исследование опровергло довод о том, что финансовая обеспеченность муниципалитетов влияет на долю женщин-депутатов в общем составе городских дум. В ходе работы автор дал ответы на все вопросы, сформулированные в начале исследования, а также проверил все гипотезы.

Тем не менее, представленное исследование имеет несколько ограничений. Главное из них заключается в том, что работа основана на анализе гендерного состава представительных органов муниципальных образований, которые расположены в границах Свердловской области. Представляется целесообразным проверить гипотезы на данных муниципальных образований других субъектов РФ, чтобы убедиться, что Средний Урал не является исключением. Вышеназванное ограничение обуславливает возможность дальнейшего исследования по выбранной теме.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Айвазова С.Г. (2008) Российские выборы: гендерное прочтение. М.: Консорциум женских неправительственных объединений; Институт социологии РАН. 177 с.
- Голосов Г.В. (2003) Политические институты и доступ женщин к представительству в законодательных собраниях российских регионов // Гендерная реконструкция политических систем. Под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко и Е.В. Кочкиной. СПб.: Алетейя. С. 677–702.
- Женщины и мужчины России. 2018: Стат.сб. (2018) М.: Росстат. 243 с.
- Информационно-аналитические материалы о состоянии и основных направлениях развития местного самоуправления в Российской Федерации (данные за 2018 г. – начало 2019 г.). Министерство юстиции Российской Федерации. (<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/#section-materials>).
- Кананьянова Р.М. (2007) Женщины во властных структурах // Социологические исследования № 2. С. 68–75.
- Климантова Г.И. (2004) Женщины и парламентаризм. «Женщины России» в Государственной думе. (1993–1995 гг.). М.: Радио и связь. 116 с.
- Козлова Н.Н., Монахова Ю.А. (2019) Женщины-депутаты представительных органов Приволжского федерального округа: анализ политических биографий // Вестник Пермского университета. Сер. Политология. № 2. С. 57–69.
- Коханская Е.А. (2014) Роль гендерного фактора в формировании региональной элиты // Власть. № 10. С. 98–104.

Кочкина Е. В. (2003) Представительство женщин в структурах власти России, 1917–2002 гг. // Гендерная реконструкция политических систем. Под ред. Н.М. Степанова, М.М. Кириченко и Е.В. Кочкина. СПб.: ИСПГ-Алетейя. С. 477–524.

Левина В.В. (2020) Бюджетные аспекты «гендерной пирамиды» в муниципальном управлении // Ученые записки. № 1. С. 125–128.

Музер Р. (2003) Влияние избирательных систем на представительство женщин в пост-коммунистических государствах // Гендерная реконструкция политических систем. Под ред. Н.М. Степановой, М.М. Кириченко и Е.В. Кочкиной. СПб.: Алетейя. С. 725–735.

Очирова В.М. (2011) Женщины в составе региональных политических элит: к проблеме представительства // Власть. № 12. С. 57–60.

Хилобок Ю.В. (2017) Политические аспекты гендерной статистики государственной службы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. № 2. С. 251–256.

Чирикова А.Е. (2011) Женщина-руководитель во власти и бизнесе: социально-психологический портрет // ПОЛИТЭКС. № 1. С. 142–162.

Чуб Н.В., Чечере А.М. (2020) Гендерное соотношение кадров: опыт местного самоуправления в России и за рубежом // Вопросы государственного и муниципального управления. № 1. С. 197–223.

Chiva C. (2018) Reproducing Male Dominance: The Role of Electoral Systems // *Gender, Institutions and Political Representation*. London: Palgrave Macmillan, P. 99–114.

Clark J., Caro V. (2013) Multimember Districts and the Substantive Representation of Women: An Analysis of Legislative Cosponsorship Networks // *Politics & Gender*. Vol. 9. № 1. P. 10–30.

Darcy R., Welsh S., Clark J. (1985) Women candidates in single and multi-member districts: American state legislative races // *Social Science Quarterly*. Vol. 66. № 4. P. 945–953.

Engstrom R.L. (1987) District magnitudes and the election of women to the Irish Dáil // *Electoral Studies*. № 6. P. 123–132.

Golder S.N., Stephenson L.B., Van Der Straeten K., Blais A., Bol D., Harfst P., Laslier J.F. (2017) Votes for Women: Electoral Systems and Support for Female Candidates // *Politics & Gender*. Vol. 13. № 1. P. 107–113.

Johnson-Myers T.A. (2017) The Impact of Electoral Systems on Women's Political Representation // *The Mixed Member Proportional System: Providing Greater Representation for Women?* Ed. T.A. Johnson-Myer. Cham: Springer. P. 9–17.

Kapoor N. (2016) Women in the Duma: Why Post-Soviet Russia Has Low Female Representation? // *Comparative Politics Russia*. № 2. P. 59–72.

King J.D. (2002) Single-Member Districts and the Representation of Women in American State Legislatures: The Effects of Electoral System Change // *State Politics & Policy Quarterly*. Vol. 2. № 2. P. 161–175.

Krook M.L. (2018) Electoral Systems and Women's Representation // *The Oxford Handbook of Electoral Systems*. Eds. E.S. Herron, R. Pekkanen, M.S. Shugart. O.: Oxford University Press. P. 175–192.

Manning A. (2014) The Effects of Electoral Systems and Gender Quotas on Female Representation in National Legislatures // *Clocks and Clouds*. Vol. 4. № 2. P. 73–90. (<http://www.inquiriesjournal.com/articles/1595/the-effects-of-electoral-systems-and-gender-quotas-on-female-representation-in-national-legislatures>).

Matland R., Brown D. (1992) District Magnitude's Effect on Female Representation in U.S. State Legislatures // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 17. № 4. P. 462–492.

McElroy G., Marsh M. (2009) Candidate Gender and Voter Choice Analysis from a Multimember Preferential Voting System // *Political Research Quarterly*. Vol. 62. № 3. P. 822–833.

Norris P. (2006) The Impact of Electoral Reform on Women's Representation // *Acta Politica*. Vol. 41. № 2. P. 197–213.

Salmond R. (2006) Proportional Representation and Female Parliamentarians // *Legislative Studies Quarterly*. Vol. 31. № 2. P. 175–204.

Salnykova A. (2012) Electoral Reforms and Women's Representation in Ukraine // *Gender, Politics and Society in Ukraine*. Eds. O. Hankivsky, A. Salnykova. Toronto: University of Toronto Press, P. 75–97.

Studlar D., Welch S. (1991) Does District Magnitude Matter? Women Candidates in London Local Elections // *The Western Political Quarterly*. Vol. 44. № 2. P. 457–466.

Thames F. (2017) Understanding the Impact of Electoral Systems on Women's Representation // *Politics & Gender*. Vol. 13. № 3. P. 379–404.

Welch S., Studlar D. (1990) Multi-Member Districts and the Representation of Women: Evidence from Britain and the United States // *The Journal of Politics*. Vol. 52. № 2. P. 391–412.

REFERENCES

Aivazova, S.G. (2008) *Rossiiskie vybory: gendernoe prochtenie* [Russian Elections: a Gender Reading]. Moscow: Consortium of Women's Non-Governmental Organizations; Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences.

Chirikova A.E. (2011) Zhenshchina-rukovoditel' vo vlasti i biznese: sotsial'no-psikhologicheskii portret [A Female Executive in Government and Business: a Socio-Psychological Portrait]. *POLITEKS*. no. 1, pp. 142–162.

Chiva C. (2018) Reproducing Male Dominance: The Role of Electoral Systems. *Gender, Institutions and Political Representation*. London: Palgrave Macmillan. pp. 99–114.

Chub N.V., Chechere A.M. (2020) Gendernoe sootnoshenie kadrov: opyt mestnogo samoupravleniya v Rossii i za rubezhom [Gender Ratio of Personnel: Experience of Local Self-Government in Russia and Abroad]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya*. no. 1, pp. 197–223.

Clark J., Caro V. (2013) Multimember Districts and the Substantive Representation of Women: An Analysis of Legislative Cosponsorship Networks. *Politics & Gender*. Vol. 9, no. 1, pp. 10–30.

Darcy R., Welch S., Clark J. (1985) Women Candidates in Single and Multi-Member Districts: American State Legislative Races. *Social Science Quarterly*. Vol. 66, no. 4, pp. 945–953.

Engstrom R.L. (1987) District Magnitudes and the Election of Women to the Irish Dáil. *Electoral Studies*. no. 6, pp. 123–132.

Golder S.N., Stephenson L.B., Van Der Straeten K., Blais A., Bol D., Harfst P., Laslier J.F. (2017) Votes for Women: Electoral Systems and Support for Female Candidates. *Politics and Gender*. Vol. 13, no. 1, pp. 107–113.

Golosov, G.V. (2003) Politicheskie instituty i dostup zhenshchin k predstavitel'stvu v zakonodatel'nykh sobraniyakh rossiiskikh regionov [Political Institutions and Women's Access to Representation in Legislative Assemblies of Russian Regions]. *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems]. Saint-Petersburg: Aleteiya. pp. 677–702.

Informatsionno-analiticheskie materialy o sostoyanii i osnovnykh napravleniyakh razvitiya mestnogo samoupravleniya v Rossiiskoi Federatsii (dannye za 2018 g. – nachalo 2019 g.) [Information and analytical materials on the situation and main directions of development of local self-government in the Russian Federation (data for 2018 – early 2019)]. The Ministry of Justice of the Russian Federation. (<https://minjust.gov.ru/ru/activity/directions/977/#section-materials>).

Johnson-Myers T.A. (2017) The Impact of Electoral Systems on Women's Political Representation. *The Mixed Member Proportional System: Providing Greater Representation for Women?* Cham: Springer. pp. 9–17.

Kanap'ianova R.M. (2007) Zhenshchiny vo vlastnykh strukturakh [Women in Power Structures], *Sotsiologicheskie issledovaniia*. no. 2, pp. 68–75.

Kapoor N. (2016) Women in the Duma: Why Post-Soviet Russia Has Low Female Representation? *Comparative Politics Russia*. no. 2, pp. 59–72.

Khilobok Yu.V. (2017) Politicheskie aspekty gendernoi statistiki gosudarstvennoi sluzhby [Political Aspects of Gender Statistics in the Civil Service]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. no. 2, pp. 251–256.

King J.D. (2002) Single-Member Districts and the Representation of Women in American State Legislatures: The Effects of Electoral System Change. *State Politics & Policy Quarterly*. vol. 2, no. 2, pp. 161–175.

Klimantova, G.I. (2004) *Zhenshchiny i parlamentarizm. «Zhenshchiny Rossii» v Gosudarstvennoi dume. (1993–1995 gg.)* [Women and Parliamentarism. «Women of Russia» in the State Duma (1993–1995)]. Moscow: Radio and communications.

Kochkina E.V. (2003) Predstavitel'stvo zhenshchin v strukturakh vlasti Rossii, 1917–2002 gg. [Women's Representation in Russian Government Structures, 1917–2002]. *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender reconstruction of political systems]. Saint-Petersburg: Aleteya. pp. 477–524.

Kokhanskaya E.A. (2014) Rol' gendernogo faktora v formirovanií regional'noi elity [The Role of the Gender Factor in the Formation of the Regional Elite]. *Vlast'*. no. 10, pp. 98–104.

Kozlova, N.N., Monakhova, Yu.A. (2019) Zhenshchiny-deputaty predstavitel'nykh organov Privolzhskogo federal'nogo okruga: analiz politicheskikh biografii [Women Deputies of Representative Bodies of the Volga Federal District: Analysis of Political Biographies]. *Vestnik Permskogo universiteta. Ser. Politologiya*. no. 2, pp. 57–69.

Krook M.L. (2018) Electoral Systems and Women's Representation. *The Oxford Handbook of Electoral Systems*. Oxford: Oxford University Press. pp. 175–192.

Levina V.V. (2020) Byudzhetnye aspekty «gendernoi piramidy» v munitsipal'nom upravlenii [Budgetary Aspects of the «Gender Pyramid» in Municipal Administration]. *Uchenye zapiski*. no 1, pp. 125–128.

Manning A. (2014) The Effects of Electoral Systems and Gender Quotas on Female Representation in National Legislatures. *Clocks and Clouds*. vol. 4, no. 2, pp. 73–90. (<http://www.inquiriesjournal.com/articles/1595/the-effects-of-electoral-systems-and-gender-quotas-on-female-representation-in-national-legislatures>).

Matland R., Brown D. (1992) District Magnitude's Effect on Female Representation in U.S. State Legislatures. *Legislative Studies Quarterly*. vol. 17, no. 4, pp. 462–492.

McElroy G., Marsh M. (2009) Candidate Gender and Voter Choice Analysis from a Multimember Preferential Voting System. *Political Research Quarterly*. vol. 62, no. 3, pp. 822–833.

Muzer R. (2003) Vliyaniye izbiratel'nykh sistem na predstavitel'stvo zhenshchin v postkommunisticheskikh gosudarstvakh [The Impact of Electoral Systems on Women's Representation in Post-Communist States]. *Gendernaya rekonstruktsiya politicheskikh sistem* [Gender Reconstruction of Political Systems]. Saint-Petersburg: Aleteya. pp. 725–735.

Norris P. (2006) The Impact of Electoral Reform on Women's Representation. *Acta Politica*. vol. 41, no. 2, pp. 197–213.

Ochirova V.M. (2011) Zhenshchiny v sostave regional'nykh politicheskikh elit: k probleme predstavitel'stva [Women in Regional Political Elites: the Problem of Representation]. *Vlast'*. no. 12, pp. 57–60.

Salmond R. (2006) Proportional Representation and Female Parliamentarians. *Legislative Studies Quarterly*. vol. 31, no. 2, pp. 175–204.

Salnykova A. (2012) Electoral Reforms and Women's Representation in Ukraine. *Gender, Politics and Society in Ukraine*. Toronto: University of Toronto Press. pp. 75–97.

Studlar D., Welch S. (1991) Does District Magnitude Matter? Women Candidates in London Local Elections. *The Western Political Quarterly*. vol. 44, no. 2, pp. 457–466.

Thames F. (2017) Understanding the Impact of Electoral Systems on Women's Representation. *Politics & Gender*. vol. 13, no. 3, pp. 379–404.

Welch S., Studlar D. (1990) Multi-Member Districts and the Representation of Women: Evidence from Britain and the United States. *The Journal of Politics*. vol. 52, no. 2, pp. 391–412.

Zhenshchiny i muzhchiny Rossii. 2018: Stat. sb. [Women and Men of Russia. 2018: Collection of Articles]. Moscow: Rosstat.

Информация об авторе

Мухаметов Руслан Салихович, кандидат политических наук, доцент кафедры политических наук УГИ УрФУ. Адрес: 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

About the author

Ruslan S. Mukhametov, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor of the Department of Political Sciences, Ural Humanitarian Institute, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Address: 620083, Ekaterinburg, Lenina Street, 51-419. E-mail: muhametov.ru@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 20.05.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 30.08.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 07.09.2021

DOI: 10.31857/S086904990014798-9

Оригинальная статья / Original Article

Транснациональные практики мигрантов из постсоветских государств в России

© А.А. ЭНДРЮШКО

Эндрюшко Анна Александровна, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), anna.endryushko@mail.ru

Автор статьи на основе количественных опросных данных впервые анализирует распространённость основных транснациональных практик мигрантов из государств постсоветского пространства в Московском регионе. Эмпирическую базу исследования составили социологические опросы мигрантов, проведенные в 2017 и 2020 гг. Центром этнополитических и региональных исследований для НИУ ВШЭ и коллективом Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН. Автор делает вывод о том, что мигранты тесно связаны со странами исхода, и транснациональные практики широко распространены среди них. Основу связей составляют частые выезды в страну исхода, наличие там большого количества родственников, регулярное общение с ними, а также постоянные денежные трансферты мигрантов на родину, которые составляют значительную долю экономики домохозяйств в странах-донорах миграции. Взаимосвязь транснациональных практик (в т.ч. денежных переводов) с долгосрочностью миграционных стратегий респондентов позволяет предположить, что переориентация миграции с краткосрочной на долгосрочную будет уменьшать и масштабы транснационализма.

Ключевые слова: миграция, транснационализм, транснациональные практики, транснациональные социальные пространства, денежные переводы мигрантов, постсоветское пространство

Цитирование: Эндрюшко А.А. (2021) Транснациональные практики мигрантов из постсоветских государств в России // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 56–71. DOI: 10.31857/S086904990014798-9

Transnational Practices of Migrants from Post-Soviet States in Russia

© A. ENDRYUSHKO

Anna A. Endryushko, Institute of Sociology FCTAS RAS of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), anna.endryushko@mail.ru

Abstract. For the first time, using quantitative survey data, the author analyzes prevalence of the main transnational practices of migrants from the post-Soviet states in the Moscow region. The empirical basis of the study consists of the sociological surveys of migrants conducted in 2017 and 2020 by the Center for Ethnopolitical and Regional Studies for the Higher School of Economics and the team of the Center for the Study of Interethnic Relations of the IS FCTAS RAS. The author concludes that close relationships exist between migrants and their countries of origin, as well as the widespread prevalence of transnational practices. The basis of ties consists of frequent trips to the country of origin, the presence of a large number of relatives in the country of origin, regular communication with them, as well as regular cash transfers from migrants to their homeland, which form the basis of the household economy in these countries. The correlation of some transnational practices (including remittances) with the long-term migration strategies of the respondents suggests that the reorientation of migration from short-term to long-term will also reduce the scale of transnationalism.

Keywords: migration, transnationalism, transnational practices, transnational social spaces, remittances of migrants, post-Soviet space

Citation: Endryushko A. (2021) Transnational Practices of Migrants from Post-Soviet States in Russia. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 56–71. DOI: 10.31857/S086904990014798-9 (In Russ.)

Миграционные процессы в мире за последние десятилетия стали масштабнее, и Россия, которая ежегодно принимает значительные потоки трудовых мигрантов¹, в полной мере включена в данный процесс. В разных регионах мира миграция населения имеет свои особенности. В России уникальность ситуации выражается в притоке иммигрантов из стран, которые в недавнем прошлом составляли с ней единое государственное пространство. В настоящее время с большинством из таких государств Российская Федерация сотрудничает в разных сферах экономики и политики, создает союзы (например, Евразийский экономический союз²).

В свою очередь массовые перемещения людей меняют социальные портреты современных независимых государств. Исследования миграции на постсоветском пространстве сегодня представляют интерес для разнообразных научных дисциплин – демографии, экономики, социологии, антропологии. Большинство исследований ученые проводят в рамках концепции интеграции [Абашиш 2018, 205-206], рассматривая инкорпорирование мигрантов в разные сферы принимающего общества. Вместе с тем миграционные перемещения людей внутри СНГ, где центром притяжения стала Россия, требуют научного осмысления не только с позиции интеграции мигрантов в стране приема, но и с учетом формирования связей между принимающим и посылающими обществами. Данные связи мигранты создают и поддерживают через национальные границы. Их анализ может быть осуществлен в рамках концепции транснационализма.

¹ Около 90% от общего количества пребывающих иностранных граждан составляют выходцы из постсоветских государств.

² Договор о Евразийском экономическом союзе (ЕАЭС) подписан в Астане 29.05.2014.

Теоретическая рамка и эмпирическая база исследования

Зародившаяся около века назад среди классиков Чикагской школы социологическая традиция изучения миграции трактовала ассимиляцию как единственно возможный способ включения новых членов в принимающее общество. Сегодня, когда и социальная реальность в целом, и миграционные процессы в частности значительно изменились, а «оседлость больше не рассматривается как норма» [Бредникова 2020, 5], популярной концепцией в исследованиях миграции стал транснационализм.

Транснационализм зародился в Европе в 1990-е гг. в исследовательском коллективе под руководством Н. Глик Шиллер и ее соавторов. Они ввели в обиход понятие транснационализма (transnationalism) как процесса, с помощью которого мигранты создают социальные поля, которые связывают воедино страну их происхождения и страну проживания [Glick Schiller et al. 1992]. Мигранты, которые развивают и поддерживают множественные социальные и экономические связи в двух и более обществах, становятся трансмигрантами (transmigrants).

Речь идет не о постоянном физическом перемещении между двумя странами, а о ситуации, когда человек физически находится в одной стране, но регулярно общается с оставшимися дома родственниками и друзьями, переводит деньги на родину, получает информацию о происходящих там событиях и по-прежнему вовлечен в отдающее сообщество. В современных условиях осуществлять такие действия легко благодаря развитию технологий и интернета, расширению возможностей перемещения людей [Foner 2000]. Теперь мигранты создают социальные поля, которые пересекают не только географические, но и политические, культурные и другие границы [Vertovec 2003].

Подходы к феномену транснационализма развиваются и сейчас. Данную концепцию скорее можно назвать совокупностью теорий с разным терминологическим аппаратом. Так, А. Портес, продолжая идеи транснационализма, развивал понятие транснациональных социальных полей. Их формируют мигранты, которые говорят на двух языках, имеют в разных странах социальные (например, семейные) и экономические (например, жилье или бизнес) связи [Portes et al. 1999]. Он отказался от термина «трансмигрант», утверждая, что не всех современных мигрантов можно назвать транснациональными. Подход Т. Файста и Л. Приса основан на идее транснациональных социальных пространств (transnational social spaces), под которыми авторы понимали совокупность социальных связей, сетей, институтов, символических полей, которые существуют в двух и более географических местах [Pries 1999; Faist 1998]. Одновременно транснациональные социальные пространства часто не совпадают с пространствами физическими и символическими [Pries 2001, 2-33]. Они могут объединять несколько регионов или стран, предполагая циркуляцию не только материальных объектов, но и значимых для мигранта ценностей и смыслов [Faist 2013].

Концепция транснационализма подробно описана и в других российских работах [Кайзер, Бредникова 2004; Степанов 2018 и др.]. Исследователи эмпирически применяли ее для исследования повседневного конструирования транснациональности мигрантами из Средней Азии в Санкт-Петербурге [Бредникова 2020; Резаев, Степанов, Лисицын 2020 и др.], изучения постсоветских эмигрантов в США [Степанов 2017], роли различных вещей и смыслов в транснациональных практиках мигрантов из Средней Азии [Пешкова 2018], а также для исследования интернет-пространств и так называемого «транснационализма онлайн» [Стариков, Иванова, Ни 2018; Трегубова 2019].

Несмотря на возрастающее количество работ по изучению внешней миграции, концепция транснационализма пока мало востребована в российских исследованиях. Упомянутые выше труды, во-первых, выполнены в качественной социологической парадигме. Автору статьи не удалось обнаружить исследования транснациональных практик мигрантов в России, выполненных на основе количественных опросных данных.

Во-вторых, практически все они сосредоточены на мигрантах из Средней Азии и игнорируют опыт выходцев из других государств. В данной статье указанные пробелы будут в некоторой мере восполнены.

Транснационализм при изучении миграции рассматривают и как исследовательскую оптику, которая позволяет выйти за рамки национального государства как единицы анализа, и как эмпирически фиксируемый феномен, который можно измерить. В рамках данной статьи мы обратимся ко второму пониманию, на основе подхода А. Портеса. Он определял транснационализм как деятельность, которая требует регулярных и устойчивых социальных контактов в течение длительного времени через национальные границы [Portes 2001, 182]. В качестве индикаторов измерения транснационализма мы определяем практики, которые позволяют поддерживать и укреплять связи между посылающим и принимающим сообществами: поездки в страну исхода; частота общения с близкими, которые проживают на родине; денежные переводы³.

Цель данной статьи состоит в определении объема и масштабов транснациональных практик мигрантов из стран постсоветского пространства в России в разные годы. Также автор намерен изучить, как на отдельные транснациональные практики влияет стаж миграции, миграционные стратегии (долгосрочные и краткосрочные) и страна исхода.

Эмпирическую основу исследования составили данные социологических опросов трудовых мигрантов из постсоветских государств в Московском регионе (Москве и Московской области), проведенные весной 2017 г. Центром этнополитических и региональных исследований (рук. В. И. Мукомель) по заказу НИУ «Высшая школа экономики» и осенью 2020 г. коллективом Центра исследования межнациональных отношений ИС ФНИСЦ РАН (рук. В. И. Мукомель). В 2017 г. опрошен 4271 респондент, в 2020 г. – 700. В исследованиях использован блок вопросов, посвященных транснациональным практикам мигрантов. Сравнение данных 2017 и 2020 гг. позволит рассмотреть транснациональные практики мигрантов в два социально значимых периода – допандемийный и во время пандемии COVID-19. Предполагается, что введение карантинных ограничений и закрытие государственных границ повлияли на изучаемые практики.

Учитывая, что транснационализм подразумевает одновременное включение мигрантов в социальные поля как минимум двух национальных государств, стоит отметить, что большая часть респондентов как минимум адаптирована в России. Свыше 90% работают или учатся в стране (2017 и 2020 гг.), а в социальные контакты мигрантов включены представители принимающего населения: 45% опрошенных работают в смешанных коллективах с местными жителями, еще 6% работают в коллективах, куда входят только местные (москвичи), а 4% трудятся с россиянами из других регионов России⁴ (2017 г.). Наконец, оба опроса проводили на русском языке, то есть респонденты владеют им на том или ином уровне. 73,4% опрошенных сказали, что используют русский язык на работе, 21% – говорят там на двух языках: русском и другом (2020 г.).

Поездки в страну исхода

Несмотря на то, что концепция транснационализма акцентирует внимание не на физических перемещениях индивидов, а на их жизни «одновременно в двух обществах», регулярные визиты на родину можно назвать одной из основных транснациональных практик. Ввиду различных подходов к определению долгосрочности миграции в разных странах вопрос о том, что именно считать регулярными поездками, остается открытым.

³ Объяснение выбора данных практик в качестве «рабочих» индикаторов транснационализма см.: [Stanek, Hosnedlová 2012].

⁴ Менее 30% сказали, что работают в мигрантских коллективах с выходцами из своей или других стран.

Как аналитическая категория данная практика в 2020 г. оказалась в «заложенниках» у пандемии. В ситуации закрытых межгосударственных границ мигранты не могли физически перемещаться на работу в Россию и обратно в страну исхода. В данный период их пребывание в РФ не было привязано к документам о пребывании и трудовой деятельности, срок действия которых был продлен российскими властями⁵. На момент исследования в 2020 г. пандемия длилась более полугода, в связи с чем вопрос о последнем визите на родину респондентам не задавали. Данные интернет-опроса, который летом 2020 г. провели НИУ ВШЭ и ИС ФНИСЦ РАН, показывают, что, несмотря на сложную обстановку на российском рынке труда, более 75% мигрантов, находившихся в России, не собирались выезжать на родину в ближайшие месяцы, чтобы «переждать там трудности», а 57% опрошенных в странах исхода собирались приехать в Россию на 3 месяца и более [Денисенко, Мукомель 2020, 96-100].

В «допандемийную эпоху» (2017 г.) 52,3% трудовых мигрантов относились к числу «циркулярных», т.е. проводящих в России не более года, 33,2% – к долгосрочным (не выезжающим год и более), а 14,5% опрошенных впервые прибыли в страну⁶. Последнюю категорию анализировать не имеет смысла, так как более 90% таких поездок совершаются на срок до полугода (по данным опроса 2017 г.). В дальнейшем мы исключили из анализа новоприбывших мигрантов.

Среди имеющих миграционный опыт 39% являются долгосрочными мигрантами, а 61% – циркулярными, т.е. совершают регулярные поездки на родину. От длительности миграционного опыта эта практика не зависит, т.е. отсутствию значимые различия между имеющими 5-, 10- и более чем 10-летний бэкграунд (рис. 1).

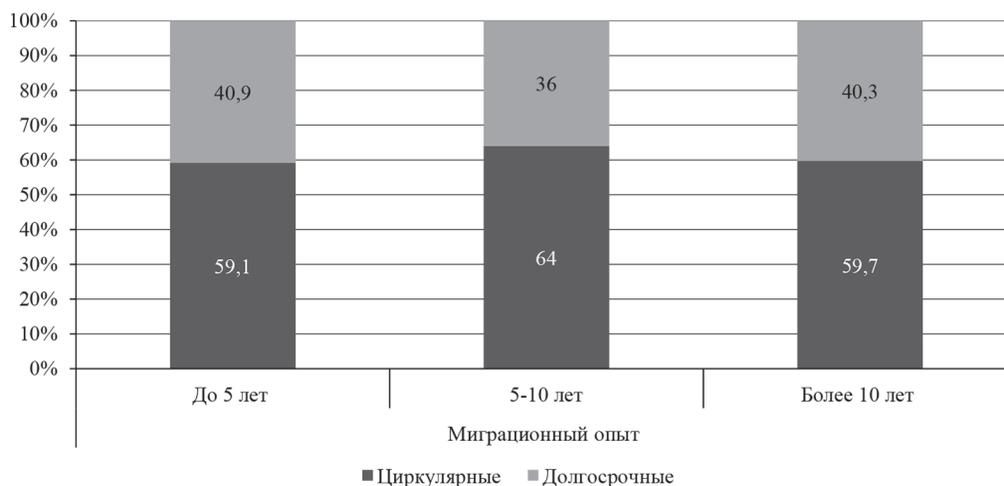

Рисунок 1. Миграционные стратегии в зависимости от длительности миграционного опыта, 2017 г., в %

Figure 1. Migration strategies depending on the duration of migration experience, 2017, %

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 18.04.2020 N274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». Официальный сайт Президента России. (<http://www.kremlin.ru/acts/bank/45441>).

⁶ Мигранты из данной категории приехали в Россию в первый раз не позднее, чем за 14 месяцев до опроса (опрос проводился весной 2017 г., т.е. к ним мы отнесли приехавших первый раз с 2016 г.). Категории долгосрочности миграции выделил В. И. Мукомель.

Тот факт, что длительность миграционного опыта не влияет на миграционные стратегии мигрантов, можно объяснить связью последних с изначальными ориентациями мигрантов на проживание в РФ. Больше всего долгосрочных мигрантов среди ориентированных на жизнь в России (45,1%), а меньше – среди ориентированных только на временные поездки для заработка (19,4%). Мигранты, которые планируют прожить в России год-другой и вернуться, а также те, кто намерен постоянно ездить между ней и страной исхода или вскоре переехать в другую страну, примерно в равных долях делятся на долгосрочных и циркулярных (рис. 2).

Рисунок 2. Миграционные стратегии в зависимости от ориентаций мигрантов на проживание в России, 2017 г., в %

Figure 2. Migration strategies depending on migrants orientation towards residence in Russia, 2017, %

Наблюдаются и межстрановые различия. Больше всего долгосрочных мигрантов (не покидающих РФ год и более) в Московском регионе среди граждан Армении и Украины – 44,5% и 44,7% соответственно (2017 г.). Чуть меньше их – среди выходцев из Таджикистана (36,6%), Азербайджана (35%), Узбекистана (34%). Чаще других выезжают на родину мигранты из Кыргызстана, Беларуси и Молдовы – только 28%, 27,3% и 29,3% из них соответственно можно назвать долгосрочными. Мигранты из Кыргызстана также выделяются по доле впервые прибывших – 23%. У мигрантов из остальных перечисленных стран доля таких мигрантов не превышает 12%, меньше всего новоприбывших из Молдовы (5,9%) и Азербайджана (6,6%).

Стоит отметить, что по полученным данным мы не можем оценить поездки, которые мигранты расценивают условно как «гостевые» или «отпускные», т.к. они отвечали на вопрос о количестве месяцев проживания в России. Они могут не рассматривать краткосрочные или вынужденные выезды на родину (например, на семейные праздники) как прерывание своего проживания, в то время как в рамках концепции транснационализма такие визиты входят в практику поездок на родину и выстраивания взаимоотношений через национальные границы.

Оставшиеся на родине близкие и общение с ними

В рамках концепции транснационализма родственники, друзья и знакомые мигрантов, проживающие на родине, входят в транснациональные социальные поля (по терминологии А. Портеса) вне зависимости от наличия у них миграционного опыта.

Данные опросов показывают, что на постсоветском пространстве транснациональные социальные поля тесно переплетены: более 90% респондентов в обеих выборках сказали, что у них остался кто-либо из родственников в стране исхода. Чаще всего к ним относятся родители, братья и сестры, у значительной части респондентов на родине проживают супруги (28-32%) и дети (46-54%). Не более 4% заявили о том, что «никого из членов семьи не осталось» (таб. 1).

Таблица 1

Наличие у мигрантов родственников в стране исхода, в %*

Table 1

Share of migrants who have relatives in the country of origin, %

Кто из членов Вашей семьи живет в стране, откуда Вы приехали?	2017 г.	2020 г.
Жена/муж	31,9	28,3
Ребенок/дети	46,4	54,3
Родители (один из родителей)	77,3	75,4
Брат (братья), сестра (сестры)	64,4	72
Другие члены семьи	37,6	45
Никого из членов семьи не осталось	3,7	4
Нет ответа, з/о	0,1	0,1

* Множественный вопрос, возможно более одного варианта ответа.

В 2020 г. (по сравнению с опросом 2017 г.) большее количество респондентов ответили, что их дети проживают на родине. С введением карантинных мер и дистанционного обучения некоторые мигранты могли успеть вывезти детей на родину до закрытия границ.

Наличие определенных категорий родственников в стране исхода различается у мигрантов с разными миграционными стратегиями. Так, проживают на родине супруги у 37,8% циркулярных мигрантов, и только у 23,8% долгосрочных; дети – у 53,3% циркулярных и 39,2% долгосрочных; братья и сестры – у 68,6% циркулярных и 55,8% долгосрочных (2017 г.).

Такая же связь наблюдается и с миграционными ориентациями мигрантов. Только у 14,9% респондентов, которые планируют остаться в России навсегда, супруги проживают на родине. Однако среди тех, кто намерен поработать год-другой и вернуться в страну исхода или постоянно ездить между двумя странами, таких 37,8% и 41,7% соответственно. Такая же динамика наблюдается и в данных по мигрантам, чьи дети остались в стране исхода.

Чаще остальных имеют трансграничные семьи мигранты из Таджикистана и Узбекистана – у 43-45% есть супруги на родине, 51-55% оставили там детей. Также сообщили о наличии детей на родине 48,6% опрошенных граждан Беларуси, 46,5% мигрантов из Кыргызстана и около 38% – из Азербайджана и Украины. Только 17,9%, 19% и 21% опрошенных выходцев из Армении, Украины и Молдовы соответственно сказали, что их супруги проживают в стране исхода.

Современные цифровые технологии позволяют всегда оставаться на связи. Трансграничные мигранты активно пользуются такими возможностями, общаясь с близкими в большинстве случаев каждый день и несколько раз в неделю – более 70% в 2017 г. и более 90% в 2020 г. (рис. 3). Лишь около 6% респондентов общаются с живущими в стране исхода несколько раз в год или вовсе не общаются с ними.

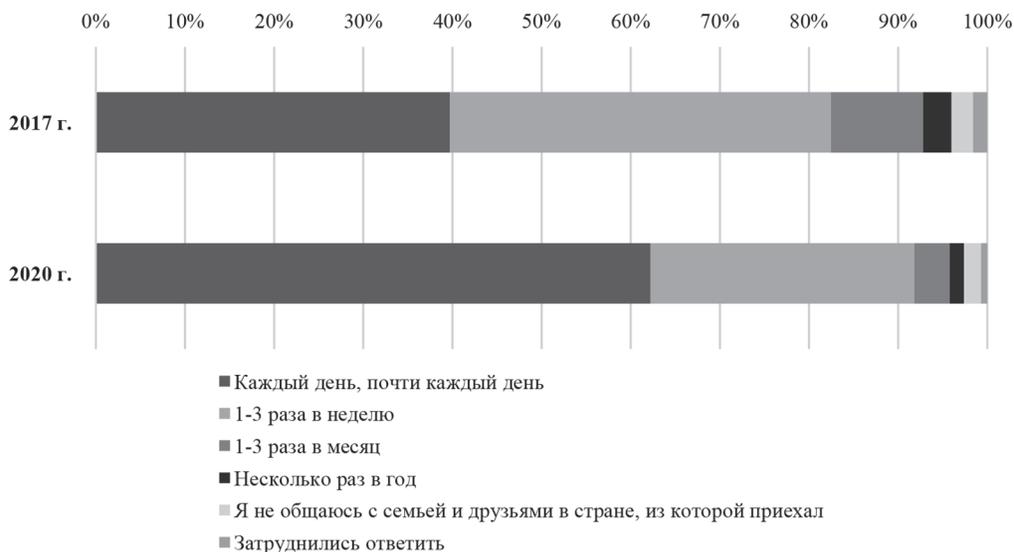

Рисунок 3. Частота общения мигрантов с близкими, живущими на родине, в %

Figure 3. Frequency of communication between migrants and their relatives living in home countries, %

Пандемия коронавируса внесла свои коррективы, сделав ежедневное общение еще более распространенным, что логично в ситуации закрытых границ, беспокойства за здоровье близких и общего уровня стресса мигрантов из-за возможных жизненных трудностей (потеря работы, проблемы с жильем).

Регулярность общения с близкими на родине фактически не зависит ни от миграционных ориентаций мигрантов (остаться в России навсегда или поработав год-другой вернуться), ни от длительности их миграционных стратегий (циркулярные или долгосрочные). Значимые межстрановые различия также отсутствуют.

Транснациональные социальные поля мигрантов могут включать не только родственников и знакомых, но и формальные организации, которые ориентированы на «укрепление национальной идентичности за рубежом или коллективное проведение культурных мероприятий» [Portes 1999, 221]. К ним можно отнести диаспорные организации: национально-культурные автономии, объединения, центры. Концепт диаспоры появился гораздо раньше концепции транснационализма, но оба они связаны с расселением людей одной национальной/этнической принадлежности в разных странах, что и определяет взаимопроникновение этих феноменов в исследованиях [Georgiou 2006; Sökefeld 2006].

Диаспорные организации, которые сформировали выходцы из республик бывшего СССР в России, неоднородны по своему составу: они включают в себя как переехавших в рамках единого государственного пространства (до 1991 г.) и давно интегрированных в российское общество, так и недавно прибывших мигрантов. Однако зачастую подобные организации не ориентированы на помощь трудовым мигрантам [Эндрюшко 2019], контакты с ними крайне ограничены, а деятельность направлена скорее на российских граждан

соответствующего происхождения (например, азербайджанского, киргизского, молдавского и т.д.) [Мукомель 2018].

Данную тенденцию подтверждают опросные данные. Только четверть респондентов (26,6% в 2017 г.) знают о «своих» национально-культурных центрах, ассоциациях, объединениях и т.п. в России, 71,1% утверждают, что такие организации им неизвестны. Данные не меняются в зависимости от длительности миграционной стратегии мигрантов. Чаще всего о диаспорных организациях знают граждане Азербайджана, Армении (45-48% опрошенных), реже – мигранты из Кыргызстана (34%), Узбекистана (25%), Таджикистана (27%) и Украины (20%), почти не знают – выходцы из Беларуси (13,5%) и Молдовы (15,5%). Скорее всего данная динамика связана с наличием и активностью самих организаций, а также давностью миграционных потоков из соответствующих стран.

В исследовании 2020 г. данный вопрос не задавался. Ситуация могла измениться в период пандемии, когда мигранты получали помощь от различных организаций, в том числе и диаспорных⁷. Тем не менее, данные организации в России едва ли можно назвать частью транснациональных социальных полей большей части мигрантов.

Денежные трансферты на родину

Денежные переводы мигрантов имеют большое значение не только для бюджета их семей на родине, но и для экономики самих посылающих государств. Так, в 2017 г. они составили 35,4% от ВВП Таджикистана, 28,7% – Кыргызстана, 20,5% – Молдовы, 15,5% – Армении⁸. Общий объем денежных переводов из России в страны СНГ был равен 12,9 млрд долл. США в 2017 г., в 2018 – 13,3, в 2019 – 12,9. В 2020 г. на фоне пандемии COVID-19, экономического кризиса, а также из-за ограничения трудовой миграции в связи с закрытием границ переводы снизились до 11 млрд долл. Таджикистан, Кыргызстан и Молдова наиболее зависимы от денежных переводов мигрантов, а Беларусь, Украина и Азербайджан – наименее.

По данным Центрального банка РФ, средняя сумма одного перевода варьируется между странами назначения. Наибольшие значения в 2019 г. приходились на Узбекистан, Азербайджан, Армению, Украину, наименьшие – на Таджикистан (таб. 2). В 2020 г. средний размер перевода уменьшился по странам Средней Азии на 11-25%, по остальным странам не изменился или увеличился.

Наблюдать за переводами мигрантов может быть сложно из-за проблем, связанных с выделением потоков в денежной и неденежной формах, с учетом неформальных каналов передачи денег. В связи с данной особенностью принято использовать несколько источников – международные системы учета и отчеты операторов денежных переводов, а также данные обследований и косвенные оценки [Денисенко, Козлов, Фаттахова 2015, 5-7]. Поэтому обратимся к результатам опросов мигрантов.

Возможность улучшить материальное положение служит основным стимулом миграции из постсоветских стран в Россию – 52,8% опрошенных планировали «найти работу с хорошим заработком», еще 34,6% намеревались найти «хоть какую-то работу» (2020 г.).

Три четверти опрошенных мигрантов посылают (отвозят) деньги на родину: в 2017 г. таких было 74%, в 2020 – 77,9%. Чаще посылают (отвозят) деньги циркулярные мигран-

⁷ См., например: Таджикские диаспоры в России обсудили поддержку соотечественников в пандемию. (<https://muhojir.info/news/1052>).

⁸ Расчеты автора на основе данных Центрального банка РФ и Всемирного банка: Трансграничные переводы физических лиц по основным странам-контрагентам. Центральный банк России. Официальный сайт. (<https://cbr.ru/statistics/?CF.Search=трансграничные&CF.TagId=&CF.Date.Time=Any&CF.Date.DateFrom=&CF.Date.DateTo>). Данные Всемирного банка. (<https://data.worldbank.org/country>).

ты – 78,8% против 69,5% у долгосрочных. Частота трансферов зависит и от длительности миграционного опыта – чем меньше у респондента миграционный опыт, тем чаще он посылает деньги на родину (рис. 4).

Таблица 2

Денежные переводы физических лиц-нерезидентов в страны СНГ, в долларах США

Table 2

Money transfers by non-resident individuals to the CIS countries, in US dollars

Страна назначения	Средний размер одного перевода			
	2017 г.	2019 г.	2020 г.	2020 г. в % к 2019 г.
Узбекистан	398	442	393	89
Таджикистан	197	197	159	81
Кыргызстан	351	269	203	75
Азербайджан	311	335	353	105
Армения	354	325	344	106
Украина	281	325	362	111
Молдова	310	313	337	108
Беларусь	324	270	269	100

Источник: Центральный банк РФ.

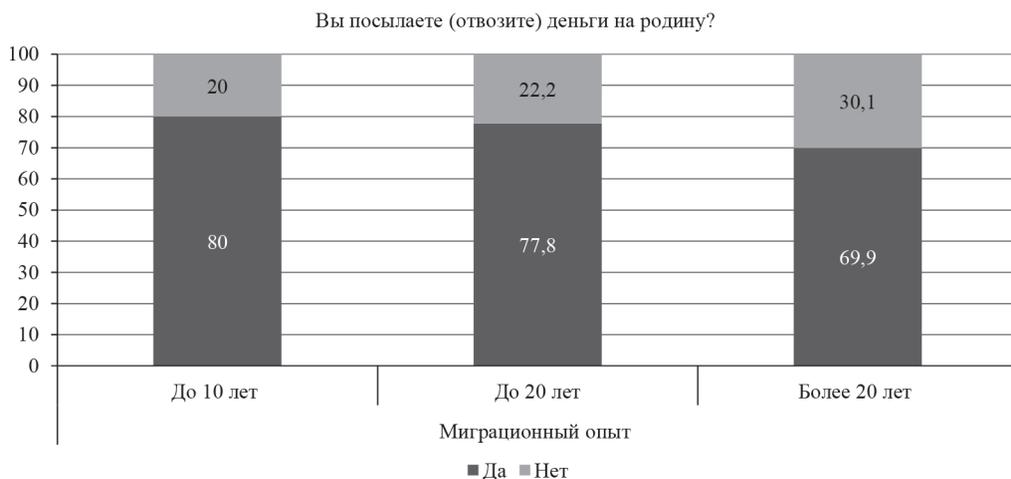

Рисунок 4. Доля респондентов, осуществляющих денежные переводы на родину в зависимости от миграционного опыта респондентов, 2020 г., в %

Figure 4. Share of respondents making remittances to their home countries, depending on the migration experience of respondents, 2020, %

Средняя сумма переводов чувствительна к экономическим изменениям, курсу доллара и среднему уровню заработной платы мигрантов в РФ. В 2017 г. показатель составлял 14 147 рублей, в 2020 г. – 23 914 рублей. Среднемесячный доход мигрантов, по данным опросов в Московском регионе, составил 32 411 рублей в 2017 г., в 2020 г. – 45 439 рублей. Соответственно, они отправляют в страны исхода в среднем до 50% их личного дохода в России (рис. 5).

Рисунок 5. Средний размер ежемесячных денежных переводов мигрантов на родину и их доходов в России, в рублях

Figure 5. Average monthly remittances of migrants to their home countries and their income in Russia, in rubles

Средняя сумма ежемесячных переводов незначительно различается между респондентами с разными миграционными стратегиями (2017 г.)⁹.

В межстрановых сравнениях выделяются граждане государств Средней Азии, которые чаще других посылают деньги на родину (более 80% опрошенных), а также представители Беларуси, чьи переводы выше, чем у других мигрантов. Данная особенность, вероятно, обусловлена их более высокими доходами (таб. 3).

Таблица 3

Денежные переводы мигрантов на родину в зависимости от страны исхода, 2017 г.

Table 3

Remittances of migrants to their home countries depending on the country of origin, 2017

Страна исхода	Посылают/отвозят деньги на родину, в % к опрошенным	Средняя сумма перевода в месяц за последний год, руб.
Азербайджан	62,8	13 495
Армения	52,6	13 265
Беларусь	67,8	16 859
Украина	55,4	12 637
Молдова	68,4	13 614
Кыргызстан	80,5	13 757
Таджикистан	83,9	13 835
Узбекистан	84,4	14 941
Значимость различий по χ^2 Пирсона $p \leq 0,001$.		

⁹ Анализ проводился методом однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA).

В 2020 г. тенденция сохранилась. Мигранты из Средней Азии посылали деньги на родину чаще, чем приезжие из других стран – 87,7% против 50,5% в среднем у остальных. По ежемесячной сумме переводов в 2020 г. граждане Беларуси (22545 рублей) «уступили» мигрантам из Узбекистана (25849 рублей) и Кыргызстана (25513 рублей).

Выводы

Проведенный анализ показал широкое распространение транснациональных практик мигрантов в России и их тесную взаимосвязь со странами исхода. Более 60% респондентов с миграционным опытом (из числа тех, кто не в первый раз приехал в Россию на момент опроса) регулярно, не реже раза в год выезжают на родину, то есть их жизнь неразрывно связана со страной исхода. Более 90% опрошенных мигрантов включены в социальные поля как минимум двух государств, поскольку имеют родственников на родине. Процесс включенности в социальные поля принимающего и посылающего обществ мигрантов, у которых на родине проживают супруги и дети (30% и 50% респондентов соответственно) можно назвать «разорванным» [Степанов 2019,110]. Одна из сторон жизни мигрантов – в данной случае семейная – реализуется в границах государства, отличного от того, где он работает или учится. Интенсивность общения с родными, которые проживают на родине, высока для всех мигрантов, независимо от стажа миграции, ее долгосрочности и страны исхода. Более 80% опрошенных коммуницируют с родственниками ежедневно или несколько раз в неделю, а в период коронавирусных ограничений данный показатель превысил 90%. Одновременно институциональные образования, такие как диаспорные организации, не включены в транснациональные социальные поля мигрантов: о них знают не более четверти опрошенных, а участвует в их деятельности, вероятно, еще меньше. Подавляющее большинство (три четверти) мигрантов переводят средства на родину, а размер переводов достигает 50% их доходов в России (2020 г.).

Масштаб транснациональных практик различается в зависимости от страны исхода. На общем фоне выделяются граждане государств Средней Азии – они чаще других имеют трансграничные семьи (супругов и детей, проживающих в стране исхода), а также значительно чаще совершают денежные переводы на родину (87,7% опрошенных против 50,5% в среднем по другим странам, 2020 г.).

Изучаемые транснациональные практики также связаны с долгосрочностью миграционных стратегий респондентов и стажем миграции. Регулярность визитов на родину не зависит от стажа миграции, но она связана с миграционными намерениями респондентов. Мигранты, которые намерены остаться в России навсегда, реже выезжают в страну исхода, чем те, кто приехал поработать год-другой. Наличие родственников в посылающей стране связано с долгосрочностью миграционных стратегий – циркулярные мигранты (выезжающие из России как минимум раз в год) чаще оставляют там супругов и детей, чем долгосрочные мигранты (практически постоянно живущие в России). Также данный показатель связан с миграционными намерениями: те, кто планирует остаться в России, перевозят в страну свои семьи, в то время как почти у половины циркулярных мигрантов супруги и дети живут на родине. Денежные переводы зависят и от миграционных стратегий, и от стажа миграции – долгосрочные мигранты и те, кто имеет длительный миграционный стаж (более 10 лет), реже посылают деньги на родину. Таким образом, вполне справедливо будет предположить, что гибкость миграционных стратегий (например, когда циркулярная миграция переходит в долгосрочную, а ориентация поработать год-другой превращается в намерение остаться жить в России) будет влиять и на масштабы транснационализма или его отдельных практик.

Результаты, изложенные в данной статье, согласуются с постулатом используемого теоретического подхода о том, что чем ближе страна происхождения мигранта

к стране пребывания, тем более плотный набор транснациональных практик будет у мигрантов [Portes 1999, 224]. В нашем случае высокая интенсивность практик обусловлена также структурной взаимосвязью государств постсоветского пространства: упрощенным (безвизовым) миграционно-правовым режимом, тесными связями между людьми ввиду исторического прошлого. В данном контексте транснациональная перспектива не может быть ограничена изучением основных практик. Следует сосредоточиться на «комбинации символических полей» [Faist 2013, 450] – структуре идентичностей мигрантов (русской и страны исхода), анализе сфер применения родного и русского языков и т.д. Именно символические поля и принадлежности, наложенные на практики, могут дать понимание ориентаций мигрантов на интеграцию в России и реинтеграцию в стране исхода. Необходимо продолжать исследования, которые смогут детализировать выстраивание транснациональности мигрантами на постсоветском пространстве.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абашин С. Н. (2017) Интеграция vs транснационализм: миграционные стратегии жителей Центральной Азии // Пути России. Война и мир. Том XXII. М. Г. Пугачева, В. П. Жаркова (ред.). СПб: Нестор-История. С. 203–220.

Бредникова О. Е. (2020) Интеграция трудовых мигрантов из Средней Азии в российское общество: автореферат дис. ... кандидата социологических наук: 22.00.04 / [Место защиты: НИУ Высшая школа экономики]. Москва. 19 С.

Денисенко М. Б., Козлов В. А., Фаттахова А. А. (2015) Современные тенденции денежных переводов мигрантов в России и в мире // Демографическое обозрение. Т.2. №3. С. 5–29.

Денисенко М. Б., Мукмель В. И. (2020) Трудовая миграция в России в период коронавирусной пандемии // Демографическое обозрение. Т. 7. № 3. С. 84–107.

Кайзер М., Бредникова О. (2004) Транснационализм и транслокальность (комментарии к терминологии) // Миграция и национальное государство: сб.ст. Под ред. Т. Бараулиной и О. Карпенко. СПб.: ЦНСИ. С. 133–146.

Мукмель В. И. (2018) Молдавские мигранты в России: отношение к диаспорным институциям в контексте структуры идентичностей // Диаспоры в современном мире: региональный контекст и потенциал для устойчивого развития страны происхождения. Материалы международной научной конференции. Кишинэу. 21 декабря 2017 года. Международная организация по миграции, миссия в Молдове. С. 269–277.

Пешкова В. М. (2018) Материальный мир мигрантов в контексте транснациональной миграции в России // Власть. Том. 26. № 9. С. 167–172.

Резаев А., Степанов А., Лисицын П. (2020) Транснациональные мигранты в пространстве современного города // Социологическое обозрение. Т. 19, № 2, с. 254–275.

Стариков В. С., Иванова А. А., Ни М. Л. (2018) Транснационализм в режиме Online: Как исследовать миграционные процессы на больших массивах данных? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 5. С. 213–232.

Степанов А. М. (2017) Анализ транснациональных практик эмигрантов из стран бывшего СССР в Нью-Йорке и Лос-Анджелесе: русские в Америке или американцы из России? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. № 1. С. 196–208.

Степанов А. М. (2018) Транснациональные практики: к вопросу об определении понятия // Петербургская социология сегодня. № 10. С. 38–49.

Степанов А. М. (2019) Транснациональные практики и проблема интеграции трудовых мигрантов из республик Средней Азии в России // Мир политики и социологии. №5. С. 106–112.

Трегубова Н. Д. (2019) Можно ли стать мигрантом в интернете? Как онлайн-культура меняет транснациональную миграцию в XXI веке // Молодежь XXI века: образ будущего. Материалы научной конференции XIII Ковалевские чтения 14–16 ноября 2019 года. Отв. редакторы: Н.Г. Скворцов, Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт. С. 494–495.

Эндрышко А. А. (2019) Роль азербайджанских национально-культурных объединений в поддержании межэтнического согласия (на примере ФНКА АзерРос) // *Этносоциум и межнациональная культура*. № 11(137). С. 79–93.

Faist T. (1998) Transnational social spaces out of international migration: evolution, significance and future prospects // *Archives Européennes de Sociologie*. Vol. 39 (2). P. 213–247.

Faist T. (2013) Transnationalism. *Routledge International Handbook of Migration Studies*. Ed. by Gold S. J., Nawin S. J. P. 449–459.

Foner N. (2000) Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture // *The International Migration Review*. Vol. 34. N 1. P. 255–262.

Georgiou M. (2006). *Diaspora, Identity and the Media: Diasporic Transnationalism and Mediated Spatialities*. Hampton Press.

Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration // *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. Nina Glick Schiller, Linda Basch and Cristina Blanc-Szanton (ed.). New York: New York Academy of Sciences. P. 1–24.

Portes A., Guarnizo L., Landolt P. (1999) The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of Emergent Research. *Ethnic and Racial Studies*, Vol. 22. No. 2. P. 217–37.

Portes A. (2001) The Debates and Significance of Immigrant Transnationalism. *Global Networks*. Vol. 1. No. 3. P. 181–193.

Pries L. (1999) *Migration and Transnational Social Spaces*. Aldershot: Ashgate. 219 p.

Pries L. (2001) *New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early 21st Century*. London: Routledge. 224 P.

Sökefeld M. (2006). Mobilizing in Transnational Space: a Social Movement Approach to the Formation of Diaspora. *Global networks*, 6(3). P. 265–284.

Stanek M., Hosnedlová R. (2012) Exploring Transnational Practices of Ukrainian Migrants in Spain. *Economics and Sociology*. Vol. 5. No 1. 2012, P. 62–73.

Vertovec S. (2003). Migration and Other Modes of Transnationalism: Towards Conceptual Cross-Fertilization. *International migration review*, 37(3), P. 641–665.

REFERENCES

Abashin S. N. (2017) Integraciya vs transnacionalizm: migracionnye strategii zhitelej Central'noj Azii [Integration vs Transnationalism: Migration Strategies of Central Asian People]. *Puti Rossii. Vojna i mir*. Vol. XXII. M. G. Pugacheva, V. P. ZHarkova (ed.). Saint-Petersburg: Nestor-Istoriya. pp. 203–220.

Brednikova O. E. (2020) *Integraciya trudovyh migrantov iz Srednej Azii v rossijskoe obshchestvo: avtoreferat dis. ... kandidata sociologicheskikh nauk: 22.00.04* [Integration of Labor Migrants from Central Asia into Russian society: Abstract of Thesis ... Candidate of Sociological Sciences: 22.00.04]. Moscow: NIU Vysshaya shkola ekonomiki. 19 p.

Denisenko M. B., Kozlov V. A., Fattahova A. A. (2015) Sovremennye tendencii denezhnyh perevodov migrantov v Rossii i v mire [Recent Trends in Remittances: Russia and the World]. *Demograficheskoe obozrenie*. vol. 2, no.3, pp. 5–29.

Denisenko M. B., Mukomel' V. I. (2020) Trudovaya migraciya v Rossii v period koronavirusnoj pandemii [Labor Migration in Russia during the Coronavirus Pandemic]. *Demograficheskoe obozrenie*. vol. 7, no. 3, pp. 84–107.

Endryushko A. A. (2019) Rol' azerbajdzhanskih nacional'no-kul'turnyh ob'edinenij v podderzhanii mezhetnicheskogo soglasiya (na primere FNKA AzerRos) [The Role of Azerbaijani National-Cultural Associations in Maintaining Interethnic Harmony (on the Example of FNKA AzerRos)]. *Etnosocium i mezhnacional'naya kul'tura*. no. 11(137), pp. 79–93.

Faist T. (1998) Transnational Social Spaces out of International Migration: Evolution, Significance and Future Prospects. *Archives Européennes de Sociologie*. vol. 39 (2), pp. 213–247.

Faist T. (2013) Transnationalism. In: *Routledge International Handbook of Migration Studies*. Ed. by Gold S. J., Nawin S. J. 2013. pp. 449–459.

Foner, N. (2000) Beyond the Melting Pot Three Decades Later: Recent Immigrants and New York's New Ethnic Mixture. *The International Migration Review*. vol. 34, no. 1, pp. 255–262.

Georgiou, M. (2006). *Diaspora, Identity and the Media: Diasporic Transnationalism and Mediated Spatialities*. Hampton Press.

Glick Schiller N.G., Basch L., Blanc-Szanton C. (1992) Transnationalism: A New Analytic Framework for Understanding Migration. *Towards a transnational perspective on migration: Race, class, ethnicity, and nationalism reconsidered*. Ed. Nina Glick Schiller, Linda Basch and Cristina Blanc-Szanton. New York: New York Academy of Sciences. P. 1–24.

Kajzer M., Brednikova O. (2004) Transnacionalizm i translokal'nost' (kommentarii k terminologii) [Transnationalism and Translocality (Comments on Terminology)]. *Migraciya i nacional'noe gosudarstvo*. Ed. T. Baraulina i O. Karpenko. Saint-Petersburg.: CNSI. pp. 133–146.

Mukomel' V. I. (2018) Moldavskie migranty v Rossii: otnoshenie k diaspornym instituciyam v kontekste struktury identichnostej [Moldovan Migrants in Russia: Attitude to Diaspora Institutions in the Context of the Structure of Identities]. *Diaspory v sovremennom mire: regional'nyj kontekst i potencial dlya ustojchivogo razvitiya strany proiskhozhdeniya. Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii*. Kishineu. pp. 269–277.

Peshkova V. M. (2018) Material'nyj mir migrantov v kontekste transnacional'noj migracii v Rossii [The Material World of Migrants in the Context of Transnational Migration in Russia]. *Vlast'*. vol. 26. no. 9. pp. 167–172.

Portes A., Guarnizo L., Landolt P. (1999) The Study of Transnationalism: Pitfalls and Promise of Emergent Research. *Ethnic and Racial Studies*. vol. 22. no. 2, pp. 217–37.

Portes A. (2001) The Debates and Significance of Immigrant Transnationalism. *Global Networks*. vol. 1. no. 3. pp. 181–193.

Pries L. (1999). *Migration and transnational social spaces*. Aldershot: Ashgate. 219 p.

Pries, L. (2001) *New Transnational Social Spaces: International Migration and Transnational Companies in the Early 21st Century*. London: Routledge. 224 p.

Rezaev A., Stepanov A., Lisicyn P. (2020) Transnacional'nye migranty v prostranstve sovremennogo goroda [Transnational Migrants in the Urban Space of a Modern City]. *Sociologicheskoe obozrenie*. vol. 19. no. 2. pp. 254–275.

Sökefeld M. (2006). Mobilizing in Transnational Space: a Social Movement Approach to the Formation of Diaspora. *Global networks*. no. 6(3), pp. 265–284.

Stanek M., Hosnedlová R. (2012) Exploring Transnational Practices of Ukrainian Migrants in Spain. *Economics and Sociology*. vol. 5. no 1, pp. 62–73.

Starikov V. S., Ivanova A. A., Ni M. L. (2018) Transnacionalizm v rezhime Online: Kak issledovat' migracionnye processy na bol'shikh massivah dannyh? [Transnationalism Online: Exploring Migration Processes with Large Data Sets]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. no. 5, pp. 213–232.

Stepanov A. M. (2019) Transnacional'nye praktiki i problema integracii trudovyh migrantov iz respublik Srednej Azii v Rossii [Transnational Practices and the Problem of Integration of Labor Migrants from the Republics of Central Asia in Russia]. *Mir politiki i sociologii*. no. 5, pp.106–112.

Stepanov A. M. (2017) Analiz transnacional'nyh praktik emigrantov iz stran byvshego SSSR v N'yu-Jorke i Los-Andzhelese: russkie v Amerike ili amerikancy iz Rossii? [Analysis of Transnational Practices of the Former USSR Emigrants in New York and Los Angeles: Russians in America or Americans from Russia?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i social'nye peremeny*. no. 1, pp. 196–208.

Stepanov A. M. (2018) Transnacional'nye praktiki: k voprosu ob opredelenii ponyatiya [Transnational Practices: on the Definition of the Concept]. *Peterburgskaya sociologiya segodnya*. no. 10, pp. 38–49.

Tregubova N. D. (2019) Mozhno li stat' migrantom v internete? Kak onlajn-kul'tura menyaet transnacional'nyu migraciyu v XXI veke [Is it Possible to Become a Migrant on the Internet? How Online Culture is Changing Transnational Migration in the XXI Century]. *Molodezh' XXI veka: obraz budushchego. Materialy nauchnoj konferencii XIII Kovalevskie chteniya*. N. G. Skvorcov, YU. V. Asochakov (ed.). Saint-Petersburg: Skifiya-print. pp. 494–495.

Vertovec S. (2003). Migration and Other Modes of Transnationalism: Towards Conceptual Cross-Fertilization. *International migration review*. no. 37(3), pp. 641–665.

Информация об авторе

Эндрюшко Анна Александровна, младший научный сотрудник Отдела этнической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН Российской академии наук. Адрес: Большая Андроньевская ул., д. 5, стр. 1, Москва, 109544. E-mail: anna.endryushko@mail.ru

About the author

Anna A. Endryushko, Junior Research Fellow at the Department of Interethnic Relations Studies, Institute of Sociology FCTAS of the Russian Academy of Sciences (IS FCTAS RAS). Address: 109544, Moscow, Bol'shaja Andron'evskaja Street, 5-1. E-mail: anna.endryushko@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 28.04.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 07.09.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 14.09.2021

DOI: 10.31857/S086904990017286-6

ЕВРОПЕЙСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ EUROPEAN STUDIES

Оригинальная статья / Original Article

Сравнительный анализ подходов Германии и Франции к отношениям с Россией¹

© П.П. ТИМОФЕЕВ, М.В. ХОРОЛЬСКАЯ

Тимофеев Павел Петрович, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), p.timofeyev@gmail.com

Хорольская Мария Витальевна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), khorolskaja.marya@yandex.ru

В статье проводится сравнительный анализ подходов ключевых стран ЕС – Германии и Франции – к отношениям с РФ. Рассмотрено место России в официальном нарративе и программных документах ФРГ и Франции. Изучены позиции двух стран по практическим механизмам для развития диалога с Россией, а также по ключевым политическим (украинский кризис) и политико-экономическим проблемам («Северный поток-2», переговоры о вакцине «Спутник V») в отношениях Россия-ЕС. Авторы делают вывод о том, что концептуальная солидарность и согласие в политических вопросах не мешают Германии и Франции расходиться в экономически чувствительных вопросах взаимодействия с Россией.

Ключевые слова: Германия, Франция, франко-германский тандем, Россия, ЕС, украинский кризис, Северный поток-2, COVID-19, вакцина, Спутник V

Цитирование: Тимофеев П.П., Хорольская М.В. (2021) Сравнительный анализ подходов Германии и Франции к отношениям с Россией // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 72–86. DOI: 10.31857/S086904990017286-6

¹ Статья опубликована в рамках проекта «Посткризисное мироустройство: вызовы и технологии, конкуренция и сотрудничество» по гранту Министерства науки и высшего образования РФ на проведение крупных научных проектов по приоритетным направлениям научно-технологического развития (Соглашение № 075-15-2020-783). Acknowledgements. The article was prepared within the project “Post-crisis world order: challenges and technologies, competition and cooperation” supported by the grant from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation program for research projects in priority areas of scientific and technological development (Agreement № 075-15-2020-783).

Approaches of Germany and France to Relations with Russia: a Comparative Analysis

© P. TIMOFEEV, M. KHOROLSKAYA

Pavel P. Timofeev, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), p.timofeyev@gmail.com

Maria V. Khorolskaya, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), khorolskaja.marya@yandex.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of Germany and France's approaches towards Russia. The authors compared the place of Russia in the official narrative and program documents of Germany and France as well as their positions on the useful practical mechanisms for developing a dialogue with Russia, on main political (Ukrainian crisis) and political-economic issues (Nord Stream-2, negotiations on the Sputnik V vaccine) in Russia-EU relations. The authors conclude that conceptual solidarity and agreement on political issues do not prevent Germany and France from disagreeing on some economically sensitive issues of relationships with Russia.

Keywords: Germany, France, Franco-German tandem, Russia, EU, Ukrainian crisis, Nord Stream-2, COVID-19, Sputnik V, vaccine

Citation: Timofeev P.P., Khorolskaya M.V. (2021) Approaches of Germany and France to Relations with Russia: a Comparative Analysis. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. XXX, pp. 72–86. DOI: 10.31857/S086904990017286-6 (In Russ.)

Франко-германский тандем в научных работах и в публицистике справедливо рассматривают как мотор европейской интеграции. Несмотря на некоторые расхождения в представлениях о путях ее развития, тандем, как правило, демонстрирует устойчивость и способность находить компромиссные решения в кризисных ситуациях. Последним подтверждением данной особенности стал одобренный в 2020 г. проект Фонда восстановления ЕС. На указанном фоне в условиях сохраняющегося кризиса между Россией и ЕС актуальность приобретает анализ внешнеполитической повестки тандема, и особенно – сравнение подходов Берлина и Парижа к отношениям с Москвой, от которых во многом зависит судьба европейской безопасности.

В данной статье представлен анализ современной немецкой и французской политики на российском направлении. В первой части авторы сопоставляют концептуальные установки Берлина и Парижа и сложившиеся механизмы взаимодействия с Россией. Во второй части анализируются сходства и различия в подходах Германии и Франции по трем актуальным кейсам, которые влияют на отношения РФ-ЕС: украинский кризис, строительство газопровода «Северный поток-2» и переговоры о закупке российской вакцины «Спутник V».

В современной литературе вопросы взаимодействия в треугольнике Франция-Германия-Россия в 2010–2020-х гг. поднимали специалисты ИМЭМО РАН [Франция... 2018; Меняющаяся роль... 2018; Васильев 2019; Германия... 2021], ИЕ РАН [Белов 2020; Германия 2020; Рубинский, Федоров, Сунян 2015], МГИМО [Обичкина 2018; Павлов 2019], ИНИОН РАН [Сидоров 2019; Трунов 2021]. Во Франции данные проблемы активно изучают эксперты IFRI [Martens 2017; Масрон... 2018; Le tandem... 2021]. К указанной теме также обращались эксперты центра «Обсерво» [Дюбьен 2021], Института Томаса Мора [Mongrenier 2021] и др. В Германии изучением данных проблем занимаются аналитические центры SWP [Fischer 2019; Westphal 2021], DGAP [Meister 2020] и др. В целом, несмотря на обра-

щение к различным аспектам деятельности франко-германского тандема и отношений Франции и Германии с Россией, комплексное исследование заявленной в настоящей статье проблемы на основе сравнения ряда актуальных кейсов еще не проводили.

Подходы к отношениям с Россией в стратегических документах Германии и Франции

С объединения Германии Берлин стремился укрепить взаимодействие с Россией. Данную динамику можно объяснить и симпатиями, связанными с ролью СССР в воссоединении ФРГ и ГДР, и экономическими интересами, и стремлением стать связующим звеном между РФ и «старой» Европой. В 2000-х гг. Берлин использовал в отношении взаимодействия с Россией формулу «стратегического партнерства», которую позже сменило «партнерство для модернизации».

Проблемы в российско-германских отношениях нарастали (охлаждение отношений после возвращения нового канцлера А. Меркель к традиционному «трансатлантизму», вооруженный конфликт в Южной Осетии, принятие Третьего энергетического пакета, протесты в России после возвращения В. Путина на президентский пост). Однако формула «партнерство для модернизации» сохранялась в немецких документах до 2013 г. (Коалиционный договор ХДС, ХСС и СДПГ 2013 г.) [Басов 2019]. Рубежом стал 2014 г.: после начала украинского кризиса все упоминания о партнерстве исчезают из официальных документов ФРГ. В Белой книге бундесвера 2016 г. сказано, что Россия отказывается от тесного партнерства с Западом и стремится к стратегическому соперничеству. По мнению Германии, без серьезного изменения российского курса Москва может стать вызовом безопасности на континенте [Weissbuch 2016]. Одновременно отмечалось, что Европа и Россия имеют общие интересы, а безопасность Европы не может быть гарантирована без надежного сотрудничества с Россией.

Данные особенности обуславливают немецкую формулу взаимодействия с Москвой: «сочетание коллективной обороны и укрепления устойчивости с одной стороны, и стремление к коллективной безопасности и сотрудничеству в отдельных отраслях с другой» [Weissbuch 2016]. Принятая тогда формула нашла отражение в последующих выступлениях официальных лиц ФРГ. Основной посыл в речах А. Меркель можно описать как «сохранение критического диалога с Россией». В частности, в серии ответов на вопросы в Бундестаге 13 мая 2020 г. Меркель обвинила Москву в кибератаках и ведении гибридной войны, но подчеркнула, что стремится к улучшению российско-германских отношений, что, однако, представляет собой сложную задачу². На совместной пресс-конференции с В. Путиным в январе 2020 г. Меркель также отметила, что между Россией и Германией существуют разногласия и Германия сохраняет санкции, связанные с украинским кризисом, но обе страны ведут интенсивное экономическое взаимодействие, будут развивать сотрудничество в области науки и высшего образования³.

Российско-французские отношения, которые также оказались в тупике после 2014 г., получили шанс на улучшение в 2017 г. в связи с избранием на пост президента Франции Э. Макрона. В рамках предвыборной кампании 2017 г. он делал противоречивые заявления по России, отмечая что, с одной стороны, у Парижа и Москвы есть общий интерес к диалогу по ряду международных проблем, а с другой – Россия якобы проводит «опасную внешнюю политику» и не разделяет ценности ЕС. Данную позицию во многом можно

² Regierungsbefragung im Deutschen Bundestag mit Bundeskanzlerin Merkel (2020). Die Bundeskanzlerin (<https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/regierungsbefragung-kanzlerin-1752666>)

³ Pressekonferenz von Bundeskanzlerin Merkel und dem Präsidenten von Russland, Wladimir Putin (2020). Bundeskanzlerin (<https://www.bundeskanzlerin.de/bkin-de/aktuelles/pressekonferenz-von-bundeskanzlerin-merkel-und-dem-praesidenten-von-russland-wladimir-putin-1711802>).

объяснить тем, что любой президент Франции в диалоге с Россией вынужден обсуждать не только точки соприкосновения (борьба с терроризмом, деловое, научное и культурное сотрудничество, нераспространение ОМУ, урегулирование конфликтов), но и причины напряженности (фактор НАТО в Европе, разногласия по Сирии и Украине, проблематика прав человека и пр.).

Другим важным фактором, который определяет позицию Парижа, стали политические и экономические трения в отношениях ЕС и США при Д. Трампе. Указанный фактор дополнительно стимулировал сближение Франции и ФРГ в экономической и военно-политической области. В данном контексте в речах Макрона, в т.ч. перед дипкорпусом в 2019 г., прозвучали новые акценты. Он признал, что «западноцентричный» миропорядок, унаследованный после 1991 г., уступает место новой биполярности США-Китай, и поэтому европейцам следует взять курс на «сильный мультилатерализм», на «миропорядок, основанный на правилах», и выстраивать «Европу обороны». Макрон призвал «извлечь уроки из окончания холодной войны» и пересмотреть европейскую архитектуру обороны и безопасности – в т.ч. через привязку России к Европе. По его мнению, в противном случае Европа превратится в поле битвы между США и Россией, а Россия уйдет в изоляцию или сблизится с Китаем. Ключевым элементом к примирению между ЕС и РФ Макрон назвал мирное урегулирование кризиса на Донбассе⁴.

В то же время во французском Стратегическом обзоре по обороне и безопасности-2017 Министерства вооружений Россия представлена державой реваншистского типа, которая работает на слом миропорядка и бросает вызов Западу. В связи с данной характеристикой подчеркивалось, что Париж намерен сохранять военное присутствие в Прибалтике, оказывая помощь восточноевропейским союзникам по ЕС и НАТО: «На Балтике провокационное поведение Москвы выражается в повторяющейся демонстрации военной силы. Это вынудило НАТО принять... ряд мер, призванных подтвердить свою сплоченность и ответить уравновешенным, устрашающим и предсказуемым поведением: созданием сил быстрого реагирования и размещением сил на передовой»⁵. Наглядным выражением тенденции стало регулярное присутствие с 2017 г. в Эстонии и Литве подразделений французской армии. В апреле 2021 г. во Франции опубликовали Дополнение к стратегическому обзору (ДСО-2021), в котором говорится, что гипотезу прямого столкновения между великими державами больше нельзя игнорировать, а текущие трения и возможные разрывы вынуждают Францию готовиться к сценариям «вовлечения в крупный конфликт», в том числе – в «открытый конфликт высокой интенсивности»⁶.

В итоге в отношении РФ предлагается курс, который комбинирует «твердость» и «диалог» (особенно «по вопросам, вызывающим общий интерес») во имя «определения правил для конструктивных отношений между ЕС и Россией»⁷. В Париже считают, что Россия, как и США с Китаем, дестабилизируют международную безопасность. Тем не менее французы подчеркивают: Россия стала незаменимой в урегулировании региональных кризисов, поэтому «Франция сделала выбор в пользу уравновешенного ответа, сочетая твердость и взаимодействие, что позволило оживить осознанный диалог с Россией»⁸.

Таким образом, эволюция французского курса в отношении России связана с изменением конфигурации миропорядка в сторону новой биполярности и стремлением Э. Макрона превратить ЕС в субъектного игрока и сбалансировать российско-китайское сотрудни-

⁴ Discours du Président de la République à la conférence des ambassadeurs (27.08.2019). Présidence de la République française. (<https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2019/08/27/discours-du-president-de-la-republique-a-la-conference-des-ambassadeurs-1>).

⁵ Revue stratégique de défense et de sécurité nationale-2017. P 23-24.

⁶ Actualisation stratégique-2021. P. 45.

⁷ Revue stratégique de défense et de sécurité nationale-2017. P. 42.

⁸ Actualisation stratégique 2021. P. 21.

чество сближением России с ЕС. Здесь, с одной стороны, стоит отметить прагматизм французского лидера, который публично заявил о том, что важно пересмотреть основы евробезопасности с участием России. С другой стороны, за 2017–2021 гг. Франции не удалось существенно сдвинуть диалог ЕС с Россией в намеченную сторону. Намеки Парижа на то, что Москве, чтобы уходить от зависимости от Пекина, следует дрейфовать в сторону ЕС, можно при желании рассматривать и как попытки вбить клин в отношения России-КНР, что противоречит текущему курсу Москвы. Пока что, помимо риторики, Франция не готова идти на какие-либо конкретные шаги в вопросах урегулирования украинского кризиса, отмены санкций и восстановления диалога Россия-ЕС.

В целом в немецких и французских подходах к России есть много общего. В документах обеих стран Москва представлена потенциальным вызовом европейской безопасности. И Берлин, и Париж опираются на двойственную формулу: готовность проявить твердость с опорой на силу, одновременно сохраняя диалог и сотрудничество. Лидеры обеих стран подчеркивают, что не готовы поддерживать такое сотрудничество любой ценой. Для немецкой и французской риторики характерны тезисы о том, что без России невозможно создать устойчивую систему безопасности (в Европе, на Ближнем Востоке, в сфере кибербезопасности и др.), но сотрудничество в данных вопросах пока присутствует лишь в форме пожеланий без реального наполнения. Более конкретные меры пока упоминаются лишь в гуманитарной и экономической области.

Одновременно в подходах двух стран есть и примечательное различие. Берлин намного более осторожен в своих высказываниях и избегает говорить об отношениях с Россией как об основе нового полицентричного мира или как-то противопоставлять взаимодействие с Москвой отношениям с США. Высказывания Э. Макрона, который увидел в углублении отношений с РФ возможность противодействовать формированию новой биполярности США-Китай, говорят о том, что Франция намерена сохранить свои глобальные амбиции, задействуя ресурсы ЕС.

Механизмы для диалога с Россией: подходы Германии и Франции

В своей внешней политике Германия придерживается принципа мультилатерализма, подчеркивая приоритетность отношений РФ-ЕС и необходимость учитывать интересы других стран-членов Евросоюза, особенно своих восточных соседей. Одновременно Германия понимает эффективность и предпочтительность для России двустороннего взаимодействия, которое налажено на различных уровнях. Во-первых, на высшем уровне существуют контакты между лидерами государств, хотя их плотность недостаточно высока. Становится меньше взаимодействия и в Нормандском формате. В начале кризиса встречи проводили интенсивно (в 2014 г. – 2 встречи на высшем уровне, в 2015 г. – 13 встреч, в т.ч. 2 на высшем уровне), однако в последние годы количество саммитов серьезно сократилось, и главы государств встретились лишь в 2019 г. Тем не менее ФРГ продолжает подчеркивать безальтернативность существующего формата.

Межгосударственные консультации по линии Германия-Россия заморозили с началом украинского кризиса. Сохраняются контакты руководителей министерств, в частности министров иностранных дел и экономики⁹. Продолжают работу также парламентские институты взаимодействия, в частности, Германо-российская парламентская группа с участием депутатов Государственной Думы РФ и Бундестага ФРГ. Тот факт, что с немецкой стороны группу возглавляет депутат от правопопулистской «Альтернативы для Германии» (АдГ), дискредитирует ее деятельность в глазах части немецкой общественности. К пар-

⁹ В 2020 г. руководители МИДов 9 раз контактировали в различных форматах и провели 7 телефонных разговоров.

ламентским институтам относится и Группа дружбы Совета Федерации РФ и Бундесрата ФРГ, способствующая обмену опытом в законодательной сфере. С немецкой стороны группу возглавляет г-жа М. Швезиг (СДПГ), премьер-министр земли Мекленбург-Передняя Померания и активный лоббист улучшения российско-германских отношений.

С 1990-х гг. развиваются разнообразные экономические и гражданские форумы. Наиболее известны из них Германо-российский форум и Петербургский диалог. Отметим также многочисленные инициативы по развитию академического сотрудничества, молодежных обменов и т.п.

Крупнейшие сторонники укрепления экономических отношений – Восточный комитет германской экономики и Российско-германская внешнеторговая палата (ВТП), которая занимается поддержкой интересов немецких компаний в РФ и российских компаний в ФРГ. При поддержке последней работают Российско-германская стратегическая рабочая группа по сотрудничеству в области экономики и финансов, а также основанный в 2020 г. Российско-германский экономический совет.

Налажено взаимодействие между регионами России и Германии. 14 из 16 федеральных земель Германии (кроме Саара и Бремена) поддерживают прямые связи с регионами РФ. В России отношения с немецкими субъектами имеют лишь 65 регионов, а заключенные соглашения – около трети. Плотность отношений не одинакова, оно сокращается при продвижении с Запада на Восток. Экономическому взаимодействию регионального бизнеса способствует ВТП, у которой есть 7 региональных отделений в РФ. Существует также длительная традиция городов-побратимов. На регулярной основе проводятся тематические Перекрестные годы, организации которых не помешало ухудшение отношений после 2014 г.

Что касается Парижа, то раздвоение дипломатических механизмов по развитию отношений с Россией на два уровня (Россия-ЕС и Россия-Франция) таит в себе известное противоречие. С одной стороны, Франция как одна из стран-основательниц ЕС, которая претендует на лидерство в союзе, не может не поддерживать инициативы Брюсселя по России. С 2014 г. Париж одобрил приостановку ежегодных саммитов Россия-ЕС, ряд санкционных мер Брюсселя в адрес РФ и программные документы ЕС по отношениям с Россией: «Глобальная стратегия ЕС», «Пять принципов» Ф. Могерини 2016 г. и «Пять принципов» Европарламента 2021 г. Одновременно рост влияния Германии в Европе и присутствие в ЕС целого ряда стран, которые исторически имеют сложные отношения с Россией, вынуждает Францию отчасти подстраиваться под их позиции и сокращает возможности Парижа на российском направлении. Так, заявления Макрона о «новой архитектуре безопасности» в Европе положили в долгий ящик после инцидента с А. Навальным. «Франция находится внутри системы [Евросоюза], и мы можем работать над ее эволюцией лишь очень постепенно», – отмечает экс-посол Франции в РФ Ж. де Глиниасти [Petite Histoire... 2021].

Французские эксперты признают, что возврата к отношениям периода до 2014 г. ожидать не стоит, в то же время подчеркивая, что каналы по линии Россия-ЕС должны оставаться открытыми. Конкретные пути взаимодействия с Москвой в Париже видят по-разному: одни специалисты выступают за определение единой стратегии ЕС по России, политический и экономический диалог, признание ЕАЭС партнером ЕС в вопросах экономики, примирение в странах «общего соседства» и создание форума ЕС-Россия-соседи, умножение обменов и либерализацию виз [Bret, Parmentier 2016]. Другие, наоборот, ратуют за сохранение санкций, включение «европейских ценностей» в список приоритетов ЕС, усиление военного потенциала и информационного влияния ЕС, уменьшение энергозависимости стран ЕС от России [Marangé 2015]. В целом французские эксперты предлагают опираться на формулу «уважение и твердость»¹⁰ в отношении Москвы.

¹⁰ Assemblée nationale. Commission des affaires étrangères. 20.09.2017 (https://www.assemblee-nationale.fr/dyn/15/comptes-rendus/cion_afetr/115cion_afetr1617007_compte-rendu).

На уровне президентов российско-французский диалог с 2017 г. регулярно поддерживается в виде телефонных звонков и личных встреч. За 2017–2019 гг. Э. Макрон и В. Путин встречались не менее 10 раз, из них – 4 раза во Франции и 2 раза в России.

С 2019 г. возобновились совместные встречи министров иностранных дел и обороны в формате 2+2. Министерства иностранных дел поддерживают контакт по вопросам СБ ООН, ПАСЕ, Ближнему Востоку, другим региональным проблемам. В 2018 г. в Москве прошли консультации по вопросу киберугроз Секретаря СБ РФ Н. Патрушева с Генеральным секретарем по вопросам обороны и нацбезопасности Франции К. Ландэ. В рамках межпарламентского диалога на основе консультаций сенаторов в 2016 и 2020 гг. подготовлены доклады о проблемных вопросах двустороннего сотрудничества. С 2016 г. свою работу возобновил двусторонний Экономический, финансовый, промышленный и торговый совет, продолжает работу Франко-российская торгово-промышленная палата. В 2017 г. был организован Трианонский диалог с целью укрепить культурные контакты и сблизить гражданские общества двух стран. В 2010 г. прошел всеобъемлющий «Перекрестный год России и Франции», подобные годы проводились в 2012–2019 гг. регулярно. В 2021 г. проходит Российско-французский год межрегионального сотрудничества, которое действует на уровнях городов-побратимов (около 30 российских городов) и регионов (около 50 субъектов РФ) – в основном из европейской части России [Четверикова, Баронина 2018].

И Германия, и Франция постулируют приоритет мультилатеральной, европейской политики, но на практике стороны зачастую опираются на широкую систему двусторонних институтов и площадок для диалога, которая создается с 1990-х гг. В настоящий момент в связи с ухудшением отношений данные площадки не работают с должной эффективностью, но сам факт их сохранения после 2014 г. можно назвать наиболее позитивным моментом. Они позволяют проводить экстренные переговоры в случае резкого обострения ситуации, не допускать полного вакуума отношений, быстрее налаживать взаимодействие при условии преодоления кризиса по формуле «твердость/критика и диалог». На уровне отношений Россия-ЕС такой сети институтов и площадок нет.

Общее и различное в позициях Германии и Франции по ключевым проблемам отношений с Россией

Украинский кризис

Фундаментальной проблемой, тормозящей отношения России с Германией, Францией и ЕС в целом, с 2014 г. остается украинский кризис. Особенно серьезное значение он имеет для ФРГ: боевые действия на юго-востоке Украины дестабилизируют ситуацию на восточных границах ЕС, а страны Центральной и Восточной Европы – важные экономические партнеры Берлина и входят в сферу его политических интересов. В 2013–2014 гг. Германия и Франция поддерживали протестующих в Киеве в их стремлении к интеграции Украины с ЕС и вместе с Польшей выступили гарантами соглашения, подписанного между президентом В. Януковичем и оппозицией 21 февраля 2014 г. Однако уже через день, когда протестующие захватили государственные органы силовым путем, франко-германский тандем признал легитимность новой власти.

Политическая элита Германии и Франции неофициально делит «украинскую проблему» на две части – Крым и конфликт в Донбассе. Ни Берлин, ни Париж не признали присоединение Крыма к России 18 марта 2014 г. Визиты представителей несистемной оппозиции Франции и ФРГ в Крым не изменили официальную позицию двух стран. Одновременно Берлин и Париж по умолчанию поддерживают выведение «крымского вопроса» за скобки переговоров о Донбассе. Какая-либо форма признания принадлежности Крыма российским регионом или отмена «крымского пакета» санкций со стороны ФРГ

и Франции в обозримом будущем вряд ли возможна, скорее можно ожидать неофициального соглашения со статус-кво.

В результате присоединения Крыма к России и поддержки ДНР и ЛНР со стороны РФ в 2014 г. Евросоюз ввел санкционные меры против страны, которые официальные Берлин и Париж активно поддержали. Тем не менее, в государствах есть акторы, которые призывают к отмене санкций. Во-первых, к ним можно отнести политические силы: ультраправые АдГ в Германии и Национальное объединение во Франции, их антиподы – немецкие «Левые» и французская «Непокоренная Франция», а также представители французской правой партии «Республиканцы». К отмене санкций призывают и отдельные восточно-германские земли, особенно Саксония. Во-вторых, данную позицию поддерживают бизнес-структуры: в Германии – Восточный комитет немецкой экономики, во Франции – свыше 500 предприятий, которые работают на российском рынке¹¹.

Основную работу с Россией по украинскому кризису франко-германский тандем ведет через Нормандский формат переговоров, который в 2014 г. предложил президент Франции Ф. Олланд. Париж и Берлин ставят перед собой задачу стимулировать Москву и Киев к выполнению «Комплекса мер по выполнению Минских соглашений» («Минск-2»)¹². Часть немецких политических сил даже призвала к поэтапной отмене санкций по мере имплементации «Минска-2». Париж также попытался продвинуть эту идею, предложив в 2017 г. т.н. «формулу Макрона» (предложение об отводе сторонами конфликта войск и вооружений, допуске международных наблюдателей в «горячие точки» и освобождении заложников) и подключение ОБСЕ к дискуссиям между Россией и Украиной.

Избрание в 2019 г. президентом Украины В. Зеленского восприняли в ФРГ и во Франции как «окно возможностей» для имплементации «Минска-2». Берлин использовал свой политический авторитет, чтобы стимулировать Киев подписать «формулу Штайнмайера», по которой после развода войск в ЛНР и ДНР должны пройти выборы под наблюдением миссии ОБСЕ, а затем на временной основе вступит в силу закон «Об особом порядке местного самоуправления». 9 декабря в Париже под председательством Макрона прошли прямые переговоры руководителей стран «нормандской четверки». Вместе с тем ФРГ и Франция выступают против вовлечения США в переговорный процесс. Подписание «формулы Штайнмайера» не привело к существенному прорыву, поскольку она не вносила ясность в вопросы о том, когда Украина получит контроль над государственной границей – до или после выборов, и означает ли «особый статус» ДНР и ЛНР федерализацию страны [Стратегическая автономия ЕС 2020]. Поддержка В. Зеленским предложения В. Штайнмайера вызвала протесты на Украине, что также осложнило переговорный процесс, а пандемия окончательно законсервировала ситуацию. Сегодня в ФРГ и во Франции образовался концептуальный вакуум по вопросам преодоления кризиса.

Северный поток-2

Меморандум о строительстве по дну Балтийского моря газопровода «Северный поток-2» (СП-2) компании из России и ЕС подписали в 2015 г. в разгар украинского кризиса. Как отмечали немецкие аналитики, для проекта были объективные основания: он объединяет газовые рынки Европы с новыми месторождениями на Ямале, он короче газопровода через Украину (что позволяет Германии сократить затраты на транзит через третьи страны), соответствует немецкой политике диверсификации энергопоставок в условиях сокращения добычи газа в Великобритании, Дании, Нидерландах [Westphal 2021] и способен сделать ФРГ ведущим европейским транзитером топлива (через газопровод *EUGAL* в Чехию и Австрию, а затем в Италию). Проект критиковали как попытку России лишить

¹¹ Торгово-экономические связи. Посольство Российской Федерации во Франции (<https://france.mid.ru/ru/russiefrance/relations/economica/>).

¹² Россия не является стороной конфликта [Прим. авт.].

Украину дохода от транзита газа и усилить свое влияние на ЕС. Высказывались сомнения, что потребность Европы в газе сохранится на прежнем уровне.

Основными критиками СП-2 выступили США, которые стремятся продавать свой СПГ в Европу, а также ряд стран ЦВЕ, которым выгоден транзит газа через Украину. К ним присоединился и Киев. Одновременно в строительстве газопровода участвуют ряд компаний из европейских стран: французская *Engie*, англо-голландская *Shell* и австрийская *OMV*, которые наряду с немецкими *Wintershall Dea GmbH* и *Uniper* обязались финансировать проект на сумму 950 млн евро каждая¹³.

В самой Германии проект критикуют партия Союз 90/Зеленые, некоторые представители других партий, экологи и правозащитные организации. Однако СП-2 поддерживает значительная часть политической элиты и лидеры восточных земель – особенно земля Мекленбург-Передняя Померания, где находится конечная точка нового газопровода и начальная точка отвода от СП-2 газопровода *EUGAL*. Проект лоббируют значительная часть немецкого бизнеса, Российско-Германская ВТП и Восточный комитет немецкой экономики, а также компании *Wintershall Dea GmbH* и *Uniper*. По состоянию на конец 2019 г. общий объем инвестиций в оборудование и затрат на оплату услуг, связанных со строительством СП-2 и осуществленных через Германию, составил почти 3,9 млрд евро. В данном плане ФРГ значительно опередила другие государства-участники проекта¹⁴.

Отношение Франции к СП-2 менее однозначное. На первый взгляд, Парижу выгодно поддерживать позицию *Engie*, которой преимущественно владеет французское государство. Тем не менее, как отмечают наблюдатели, позиция Парижа в отношении СП-2 никогда не была конкретной¹⁵. До 2019 г. французские власти отмалчивались по данному вопросу (хотя тет-а-тет давали понять немецким партнерам о своем негативном отношении к проекту), а 7 февраля 2019 г. МИД Франции впервые заявил, что поддерживает принятие в ЕС «газовой директивы», которая ослабит проект. Несмотря на то, что 16 июля 2020 г. Сенат Франции, где руководят «Республиканцы», принял резолюцию с осуждением санкций США против СП-2, Э. Макрон поддержал противников проекта, заявив 28 августа 2020 г., что не желает увеличивать энергозависимость ЕС от России. В третий раз предложение отказаться от СП-2 прозвучало 2 февраля 2021 г. из уст замглавы МИД Франции К. Бона. Позже глава МИД Франции Ж.-И. Ле Дриан заметил, что Францию заботит судьба энергобезопасности ЕС.

Главный аргумент Парижа состоит в том, что СП-2 лишь усилит газовую зависимость Евросоюза от России, что противоречит курсу Франции на максимальную диверсификацию источников энергии для ЕС. Между тем у самой Франции поставки газа в большей мере диверсифицированы, чем у ФРГ¹⁶, и Париж имеет возможность вести более гибкую, по сравнению с Берлином, политику энергоимпорта, что и объясняет отчасти более критичную позицию Парижа в отношении СП-2.

¹³ Signature d'un accord de financement pour Nord Stream 2 (24.04.2017). *Engie* (<https://www.engie.com/journalistes/communiqués-de-presse/accord-nord-stream-2>).

¹⁴ Investitionen in Waren und Dienstleistungen der Offshore-Pipeline Nord Stream 2 nach Ländern (2019). Statista (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/1154235/umfrage/nord-stream-2-investitionen/>).

¹⁵ De Warren, G. Nord stream 2 : le piège stratégique de l'Europe ? EGE. 30.04.2021. (<https://www.egf.fr/infoguerre/nord-stream-2-le-piege-strategique-de-leurope>).

¹⁶ Во Франции в 2019 г. 83% импортируемого газа приходилось на Норвегию (36%), Россию (20%), Нидерланды (8%), Нигерию (8%), Алжир (7%) и Катар (4%). Idée reçue: «Le gaz consommé en France vient principalement de Russie» (19.12.2020). *Connaissance des énergies*. (<https://www.connaissancedesenergies.org/le-gaz-consomme-en-france-vient-principalement-de-russie-120222>). В Германии в 2020 г. львиная доля газа поступала из России (55%), затем шли Норвегия (31%) и Нидерланды (13%). *Erdgasversorgung von Deutschland über Pipelines - Verteilung der Lieferländer 2020*. Statista. (<https://de.statista.com/statistik/daten/studie/151871/umfrage/erdgasbezug-deutschlands-aus-verschiedenen-laendern>).

Кроме того, подспудно Францию беспокоит перспектива превращения Германии в центральный энергохаб ЕС, что еще сильнее укрепит экономические и политические позиции Берлина. Как отмечает профессор Т. Бро (Сьянс-По), удвоение мощности проекта СП «ставит именно Германию в центр европейской газовой сети»¹⁷. Наконец, важно учесть и экологический фактор, который все сильнее влияет на политическую борьбу во Франции. 71% электроэнергии Франция получает со своих АЭС и лишь 7% – через потребление газа¹⁸. Продвигая себя как борца против изменений климата, Франция ратует за снижение потребления газа в ЕС, а СП-2 никак не соответствует данным целям. Впрочем, в контексте полемики между Россией, Германией и США по СП-2 Франция старалась сгладить противоречия с ФРГ, дав понять, что данный вопрос надлежит решать прежде всего Берлину.

Важной вехой при завершении строительства СП-2 стало неожиданное решение президента США Дж. Байдена не вводить санкции против компании-оператора СП-2 Nord Stream AG и ее гендиректора М. Варнига [Westphal 2021]. После данного решения лидеры Германии и США выступили 21 июля 2021 г. с совместным заявлением, в котором ФРГ гарантировала, что постарается не позволить России использовать газопровод как оружие, подтвердила, что СП-2 должен попадать под юрисдикцию Третьего энергопакета ЕС и пообещала приложить усилия для сохранения транзита газа через Украину после 2024 г. Чтобы компенсировать Киеву потери, вызванные снижением российского экспорта, Берлин пообещал вложить 175 млн долл. США в развитие зеленой энергетики Украины¹⁹ и поддержать проекты по укреплению энергобезопасности страны²⁰. Во Франции данный компромисс восприняли как уступку Вашингтона Берлину в обмен на поддержку борьбы с Китаем. Эксперт П. Морис (IFRI) полагает, что Дж. Байден нуждается в Берлине как в союзнике и не желает создавать новые трения в Европе²¹.

Переговоры о вакцине «Спутник V»

Третьим кейсом, которым можно проиллюстрировать двойственность политики Германии и Франции в отношении России, стали прошедшие в апреле 2021 г. переговоры между представителями немецкого правительства и Российским фондом прямых инвестиций о закупках Германией российской вакцины от коронавируса «Спутник V». Активно лоббировали закупки лидеры земель Бавария и Мекленбург-Передняя Померания, которые начали переговоры с РФ раньше, чем официальный Берлин²². Покупку российской вакцины одобрил и министр здравоохранения ФРГ Й. Шпан²³. Стороны уже назвали места возможного производства «Спутника V» – немецкий завод дочерней московской фармацевтической компании *R-Pharm Germany GmbH* в баварском г. Иллертисене и фармацевтическая компания *IDT Biologika* в г. Дессау (Саксония-Анхальт). Решение закупить «Спутник V» было обусловлено недовольством немцев медленными темпами вакцинации из-за недостаточных закупок препаратов Еврокомиссией. Правительства Баварии и Саксонии-Анхальт, в свою очередь, выступали за производство вакцины в своих землях.

¹⁷ Richir C. Nord Stream 2, un gazoduc stratégique pour l'Allemagne. La Croix. 23.07.2021 (<https://www.la-croix.com/Economie/Nord-Stream-2-gazoduc-strategique-lAllemagne-2021-07-23-1201167531>).

¹⁸ Vu d'Allemagne...

¹⁹ Дабы помочь Украине восполнить потери от ввода в эксплуатацию СП-2, Германия предложила Киеву наладить производство зеленого водорода и его транзит в ЕС.

²⁰ Joint Statement of the US and Germany on Support for Ukraine, European Energy Security, and our Climate Goals. Auswärtiges Amt. (<https://www.auswaertiges-amt.de/en/newsroom/news/joint-statement-usa-and-germany/2472084>).

²¹ Le projet Nord Stream 2 continue de diviser. Capital. 15.06.2021. (<https://www.capital.fr/economie-politique/le-projet-nord-stream-2-continue-de-diviser-1406431>).

²² РФПИ сообщил о переговорах с ФРГ по закупке «Спутника V». DW (<https://www.dw.com/ru/rfpi-soobshhilo-peregovorah-s-frg-po-zakupke-sputnika-v-a-57139552/a-57139552>)

²³ Выступление главы МИД ФРГ Х. Массе против закупки «Спутника V» скорее объяснялось стремлением Берлина избежать резкой критики со стороны соседних стран.

Позиция Германии вызвала резкое недовольство Литвы и Польши. В ответ Берлин подчеркнул, что договор на закупку «Спутника V» будет заключен лишь при одобрении вакцины Европейским медицинским агентством (ЕМА). Однако переговоры затянулись: ЕМА обвинила Россию в недостатке документации для одобрения вакцины. Критики закупки вакцины в самой Германии заявили, что к тому времени, как станет возможной поставка «Спутника V», немецкий рынок уже получит достаточно одобренных ранее вакцин, в том числе и BioNTech-Pfizer. Россия уверяла, что может поставить «Спутник V» в ФРГ уже в июне 2021 г. Говоря об изготовлении препарата в самой Германии, руководитель IDT Biologika отметил, что компании нужно 4–5 месяцев, чтобы наладить производство новой вакцины²⁴. Баварская R-Pharm не дала ответ, в какие сроки и в каких объемах она может производить «Спутник V». О том, что заключение сделки маловероятно, свидетельствует контракт Еврокомиссии на поставку в ЕС 1,8 млрд доз вакцины BioNTech-Pfizer от мая 2021 г. Тем самым Германия согласовала свою позицию с общей линией ЕС, но лишь после того, как добилась европейских уступок.

В отличие от ФРГ, власти Франции осторожнее отнеслись к идее закупки «Спутника V». До публикации результатов испытаний вакцины в конце 2020 г. идею прививаться ею от Covid-19 во Франции не рассматривали всерьез. После того, как 20 января 2021 г. Россия направила запрос на регистрацию вакцины в ЕС, а Венгрия закупила партию «Спутника V», не дожидаясь его одобрения ЕМА, Париж заявил, что он не против закупки и использования российской вакцины, но ждет официального разрешения от ЕМА и французского Верховного совета по делам здравоохранения. Французские СМИ критиковали «Спутник V», видя в нем инструмент «мягкой силы» РФ. В марте 2021 г. еврокомиссар по вопросам внутреннего рынка ЕС Т. Бретон объявил, что европейцы «совершенно не нуждаются в “Спутнике V”»²⁵. Отмечалось, что Париж в принципе может сотрудничать с Москвой, но пока что промышленные мощности Франции заняты производством уже разрешенных вакцин и «Спутнику V» следует подождать.

В феврале 2021 г. выяснилось, что 52% французов не против прививаться российской вакциной²⁶. В условиях молчания ЕМА по «Спутнику V» французская оппозиция обрушилась с критикой на власть, полагая, что Елисейский дворец готов приносить здоровье французов в жертву идеологии. Первыми к закупке «Спутника V» призвали лидеры крайних сил (Ж.-Л. Меланшон и М. Ле Пен) и видные представители партии «Республиканцев» (К. Эстрози, Э. Сьотти и Р. Мюзелье). С правовой точки зрения, руководители регионов Франции в принципе имеют право закупать вакцину, но не могут ее применять без разрешения ЕМА. Макрон по-прежнему подчеркивает, что в плане закупки вакцины «нет иного решения, кроме европейского»²⁷.

Анализ таких кейсов, как ситуации с «Северным потоком-2» и «Спутником V», подтверждает, что для Германии фактор экономического взаимодействия с Россией по-прежнему гораздо более значим, чем для Франции. Когда вопрос в отношениях России и ЕС касается национальных экономических интересов, Германия настроена лоббировать свою позицию перед лицом ЕС, не стесняясь идти против «общеевропейской линии». Позицию

²⁴ Haseloff bestätigt Anfrage: Stellt IDT Biologika in Dessau bald den russischen Impfstoff Sputnik V her? (2021) Mitteldeutsche Zeitung. (<https://www.mz.de/lokal/dessau-rosslau/haseloff-bestatigt-anfrage-stellt-idt-biologika-in-dessau-bald-den-russischen-impfstoff-sputnik-v-her-1756228>).

²⁵ Covid-19: Vladimir Poutine dénonce les critiques européennes contre le vaccin russe Spoutnik V. Le Parisien. 22.03.2021. (<https://www.leparisien.fr/international/covid-19-vladimir-poutine-denonce-les-critiques-europeennes-contre-le-vaccin-russe-spoutnik-v-22-03-2021-SK2DODGJOBWFPXGUBE36EP4R4.php>).

²⁶ Odoxa. Les Français ne font pas confiance au gouvernement pour gérer la crise sanitaire et parient sur un prochain reconfinement (04.02.2021). Odoxa (<http://www.odoxa.fr/sondage/francais-ne-confiance-gouvernement-gerer-crise-sanitaire-parient-prochain-reconfinement/>).

²⁷ Carcenac P. Covid-19: Christian Estrosi peut-il acheter des vaccins russes pour Nice?. Le Figaro. 31.03.2021 (<https://www.lefigaro.fr/sciences/covid-19-christian-estrosi-peut-il-acheter-des-vaccins-russes-pour-nice-20210331>).

Франции в большей степени определяют иные соображения: стремление обеспечить политическую автономию ЕС по отношению к России и США, а также опасения чрезмерного экономического и следовательно, политического усиления Германии в ЕС. Поэтому Париж не во всем готов равняться на ФРГ, а в случае разногласий готов апеллировать к «европейской дисциплине».

* * *

Анализ подходов Германии и Франции к отношениям с Россией показывает, что в глубоко политических вопросах (украинский кризис) общее в позициях Берлина и Парижа преобладает над различным, тогда как в политико-экономических (СП-2, «Спутник V») моментах существуют нюансы. На уровне дискурса формулы взаимодействия Германии и Франции с Россией очень близки и включают в себя два компонента: твердость и готовность к диалогу. Стабилизирующим фактором для отношений обеих стран с Россией можно считать созданную еще до 2014 г. систему институтов и площадок для диалога с Москвой, а двусторонние встречи по ряду тем способны трансформироваться в трехстороннее взаимодействие (Нормандский формат). Берлин и Париж при принятии решений, связанных с Россией, учитывают позицию ЕС, но тандем понимает, что при донесении позиции Брюсселя до Москвы эффективнее использовать билатеральные инструменты.

Общность установок тандема способствует тому, что Германия и Франция имеют солидарную позицию в отношении к украинскому кризису, хотя в последнее время в данной теме возник концептуальный вакуум. Тем не менее по вопросам экономического сотрудничества, которые более существенны для Германии, чем для Франции (СП-2, «Спутник V»), между странами есть расхождения.

Отношения России с Германией и Францией в 2021–2022 гг. ждет новый этап: смена элит в Берлине и, возможно, в Париже. Изменение состава правительства ФРГ после выборов в Бундестаг осенью 2021 г. вряд ли приведет к серьезным переменам в отношениях Берлина с Москвой – для Германии характерна преемственность во внешней политике. К тому же в предвыборных программах ведущих партий нет существенных расхождений относительно важности союза с Францией и необходимости сочетать в отношениях с РФ сдерживание и диалог²⁸. Во Франции по итогам выборов весной 2022 г. либо будет переизбран Э. Макрон, либо выбран новый президент. В данном случае многое будет зависеть от его политических взглядов. Однако и здесь не ожидается ни серьезных улучшений, ни внезапной деградации отношений с Россией. Скорее речь пойдет о корректировке текущего диалога на основе потенциала, накопленного за 2017–2021 гг. и исходя из задач Франции на 2022 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Басов Ф.А. (2019) Концептуальный вакуум: российское направление внешней политики четвертого кабинета А. Меркель // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. № 1. С. 59–69.

Белов В.Б. (2020) Новые водородные стратегии ФРГ и ЕС: перспективы кооперации с Россией // Современная Европа. №6. С. 65–76. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520206576>.

Васильев В.И. Российско-германские отношения: сдержанный оптимизм (2019) // Экономика и политика Германии: через год после выборов. Отв. ред.: Е.В. Тимошенко / Серия книг «Доклады Института Европы РАН». № 360. С. 96–106.

Германия в евроинтеграционных и трансатлантических процессах (2021). Под ред. В.И. Васильева, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО. 127 с.

²⁸ Исключением является партия «Союз 90/Зеленые», в программе которой отсутствуют призывы к диалогу с Москвой. Однако данная позиция может быть смягчена партнерами по коалиции.

Германия. 2019 (2020). М. : Ин-т Европы РАН. 144 с. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12020_368.
Дюббен А., Лапина Н.Ю. Франко-российские отношения: Что нас ждет впереди? // Актуальные проблемы Европы. 2021. № 3 (111). С. 275–287.

Меняющая роль Германии в евроинтеграционных и трансатлантических процессах. Аналитический доклад [Сетевое издание] (2018). под ред. В.И. Васильева, А.М. Кокеева. М.: ИМЭМО РАН. 59 с. (https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_16.pdf).

Обичкина Е.О. Франция – Германия: проблемы европейского тандема (2018) // РСМД. 19.03.2018. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-germaniya-problemy-evropeyskogo-tandema/>).

Павлов Н.В. Германия-Россия-ЕС: треугольник сотрудничества или противоречий? (2019) // Мировая экономика и международные отношения. №5. С. 67–75.

Рубинский Ю.И., Федоров С.М., Супян Н.В. Франко-германский тандем в контексте украинского кризиса (2015) // Аналитическая записка №16. ИЕ РАН. URL: (<http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/anazap16.pdf>).

Сидоров А.С. Франко-германское военно-политическое сотрудничество: «окно возможностей» или движение по инерции? (2019) // Актуальные проблемы Европы. №4. С. 172–186.

Стратегическая автономия ЕС и перспективы сотрудничества с Россией (2020). под ред. Н.К. Арбатовой, А.М. Кокеева; ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь Мир». 2020. 368 с.

Трунов Ф.О. Германо-французские отношения в политико-военной области на современном этапе (2021) // Актуальные проблемы Европы. №3. С. 288–313.

Франция при президенте Эммануэле Макроне: в начале пути (2018). Отв. ред.: М.В. Клинова, А.К. Кудрявцев, Ю.И. Рубинский, П.П. Тимофеев. М.: ИМЭМО РАН. 206 с.

Четверикова А.С., Баронина Ю.А. Взаимодействие России и Франции: территориальный уровень (2018) // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. №11(1). С. 139–154. (<https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/274/274>).

Bret C., Parmentier F. (2016) UE – Russie: dépasser les rivalités? // Institut Jacques Delors. №170. (<https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2020/08/uerussie-bretparmentier-ijd-juillet16-1.pdf>).

Fischer S. Der Donbas-Konflikt. Widerstreitende Narrative und Interessen, schwieriger Friedensprozess (2019) // SWP. (<https://www.swp-berlin.org/publikation/donbas-konflikt-schwieriger-friedensprozess>).

Le tandem franco-allemand est-il un mythe? (2021) // La France, une puissance contrariée. L'état du monde 2022, Bertrand Badie et Dominique Vidal (dir.), La Découverte, Coll. Etat du Monde (<https://www.ifri.org/fr/publications/publications-ifri/chapitres-douvrages-ifri/tandem-franco-allemand-un-mythe>).

Macron, An I. Quelle politique étrangère? (2018) // Sous la dir. de Th. Gomart et M. Hecker. IFRI. (https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/gomart_hecker_macron_an_i_2018.pdf).

Marangé C. Les sanctions contre la Russie: ont-elles un effet dissuasif? (2015) // Études de L'IRSEM. №37. P. 42 (https://www.irsem.fr/data/files/irsem/documents/document/file/1136/Etude_37-2015.pdf).

Martens S. L'Allemagne et la sécurité de l'Est européen sous l'angle du facteur russe (2017) // L'Allemagne sur la scène internationale. En quête de stabilité dans un monde qui change. Sous la direction de Barbara Kunz, Stephan Martens et Hans Stark. Editions Septentrion, Septembre 2017. (<https://www.ifri.org/fr/publications/publications-ifri/ouvrages-ifri/lallemagne-scene-internationale-quete-de-stabilite-un>).

Meister S. The end of German Ostpolitik. What a Change in Germany's Russia Strategy Might Look Like (2020) // DGAP Policy Brief. № 22. 8 S.

Mongrenier J-S. Les ambiguïtés de la politique étrangère allemande et les angles morts du tandem Paris-Berlin (2021) // Institut Thomas More. Points Clés 25. Mars 2021. 20 P (<https://institut-thomas-more.org/wp-content/uploads/2021/03/ITM-PointsCles25-202103-3.pdf>).

«Petite Histoire des relations franco-russes» – 3 questions à Jean de Gliniasty (19.03.2021) // IRIS (<https://www.iris-france.org/155527-petite-histoire-des-relations-franco-russes-3-questions-a-jean-de-gliniasty/>).

Weissbuch. Zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr (2016) (<https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/736102/64781348c12e4a80948ab1bdf25cf057/weissbuch-zur-sicherheitspolitik-2016-download-data.pdf>).

Westphal K. Nord Stream 2 – Deutschlands Dilemma (2021) // SWP-Aktuell. (<https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021A33v02/>).

REFERENCES

- Basov F.A. (2019) Kontseptual'nyi vakuum: rossiiskoe napravlenie vneshnei politiki chetvertogo kabineta A. Merkel' [Conceptual Vacuum: Russian Direction in the Foreign Policy of A.Merkel's Forth Cabinet]. *Analiz i prognoz, Zhurnal IMEMO RAN*. no. 1, pp. 59–69.
- Belov V.B. (2020) Novye vodorodnye strategii FRG i ES: perspektivy kooperacii s Rossiej [New Hydrogen Strategies of Germany and the EU and Prospects for Cooperation with Russia]. *Sovremennaja Evropa*, no. 6. pp. 65–76. (DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope520206576>).
- Bret C., Parmentier F. (2016) UE – Russie: dépasser les rivalités? *Institut Jacques Delors*. no. 170. (<https://institutdelors.eu/wp-content/uploads/2020/08/uerussie-bretparmentier-ijd-juillet16-1.pdf>).
- Chetverikova A.S., Baronina Yu.A. Vzaimodeistvie Rossii i Frantsii: territorial'nyi uroven' [Interaction between Russia and France: Territorial Level. The Contours of Global Transformations: Politics, Economics, Law] (2018). *Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo*. no. 11(1), pp. 139–154. (<https://www.ogt-journal.com/jour/article/view/274/274>).
- Germanija v evrointegracionnykh i transatlanticheskikh processakh* [Germany in the Integration and Transatlantic Processes] (2021). Ed(s). V.I. Vasil'eva, A.M. Kokeeva. Moscow: IMEMO. 127 p.
- Germanija. 2019* [Germany. 2019] (2020). Moscow : In-t Evropy RAN. 144 p. DOI: http://dx.doi.org/10.15211/report12020_368.
- Djub'en A., Lapina N.Ju. Franko-rossijskie otnoshenija: Chto nas zhdet vperedi? [Franco-Russian Relations: What Lies Ahead?] (2021). *Aktual'nye problemy Evropy [Current problems of Europe]*. no. 3 (111), pp. 275–287.
- Fischer S. Der Donbas-Konflikt. Widerstreitende Narrative und Interessen, schwieriger Friedensprozess (2019). *SWP*. (<https://www.swp-berlin.org/publikation/donbas-konflikt-schwieriger-friedensprozess>).
- Frantsiya pri prezidente Emmanuele Makrone: v nachale puti* [France under president Emmanuel Macron: at the starting point] (2018). Ed(s). M.V. Klinova, A.K. Kudryavtsev, Yu.I. Rubinskii, P.P. Timofeev. Moscow: IMEMO RAN. 206 p.
- Macron, An I. *Quelle politique étrangère?* (2018). Sous la dir. de Th. Gomart et M. Hecker. IFRI. (https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/gomart_hecker_macron_an_i_2018.pdf).
- Marangé C. Les sanctions contre la Russie: ont-elles un effet dissuasif? (2015). *Études de L'IRSEM*. no. 37, p. 42 (https://www.irsem.fr/data/files/irsem/documents/document/file/1136/Etude_37-2015.pdf).
- Martens S. L'Allemagne et la sécurité de l'Est européen sous l'angle du facteur russe (2017). *L'Allemagne sur la scène internationale. En quête de stabilité dans un monde qui change*. Sous la direction de Barbara Kunz, Stephan Martens et Hans Stark. Editions Septentrion, Septembre 2017. (<https://www.ifri.org/fr/publications/publications-ifri/ouvrages-ifri/lallemagne-scene-internationale-quete-de-stabilite-un>).
- Meister S. The end of German Ostpolitik. What a Change in Germany's Russia Strategy Might Look Like (2020). *DGAP Policy Brief*. no 22, 8 p.
- Menyayushchaya rol' Germanii v evrointegratsionnykh i transatlanticheskikh protsessakh. Analiticheskii doklad* [Germany's Changing Role in European Integration and Transatlantic Processes] (2018). Ed(s). V.I. Vasil'eva, A.M. Kokeeva. Moscow: IMEMO RAN. 59 p. (https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_16.pdf).
- Mongrenier J-S. Les ambiguïtés de la politique étrangère allemande et les angles morts du tandem Paris-Berlin (2021). *Institut Thomas More*. Points Clés 25. Mars 2021. 20 p. (<https://institut-thomas-more.org/wp-content/uploads/2021/03/ITM-PointsCles25-202103-3.pdf>).
- Obichkina E.O. Francija – Germanija: problemy evropejskogo tandema [France – Germany: Problems of the European Tandem] (2018). *RSMD*. 19.03.2018. (<https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/frantsiya-germaniya-problemy-evropejskogo-tandema/>).
- Pavlov N.V. Germanija-Rossija-ES: treugol'nik sotrudnichestva ili protivorechij? [Germany-Russia-EU: Triangle of Cooperation or Contradictions?] (2019). *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. no. 5, pp. 67–75.
- «Petite Histoire des relations franco-russes» – 3 questions à Jean de Gliniasty (19.03.2021). *IRIS* (<https://www.iris-france.org/155527-petite-histoire-des-relations-franco-russes-3-questions-a-jean-de-gliniasty/>).
- Rubinskij Ju.I., Fedorov S.M., Supjan N.V. Franko-germanskij tandem v kontekste ukrainskogo krizisa [Franco-German Tandem in the Context of the Ukrainian Crisis] (2015). *Analiticheskaja zapiska №16*. IE RAN. (<http://instituteofeurope.ru/images/uploads/analitika/anazap16.pdf>).
- Sidorov A.S. Franko-germanskoe voenno-politicheskoe sotrudnichestvo: «okno vozmozhnostej»

ili dvizhenie po inercii? [Franco-German Political-Military Cooperation: “Window of Opportunity” or Movement by Inertia?] (2019). *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 4, pp. 172-186.

Strategicheskaja avtonomija ES i perspektivy sotrudnichestva s Rossiej [Strategic Autonomy of the EU and Prospects for Cooperation with Russia] (2020). Ed(s). N.K. Arbatovoj, A.M. Kokeeva. IMJeMO RAN. Moscow: Izd-vo «Ves' Mir». 368 p.

Trunov F.O. Germano-francuzskie otnosheniya v politiko-voennoj oblasti na sovremennom jetape [German-French relations in the political and military field at the present stage] (2021). *Aktual'nye problemy Evropy*. no. 3, pp. 288-313.

Vasil'ev V.I. Rossiisko-germanskie otnosheniya: sderzhannyi optimizm [Russian-German Relations: Restrained Optimism] (2019). *Ekonomika i politika Germanii: cherez god posle vyborov*. Ed. E.V. Timoshenkova. Seriya knig «Doklady Instituta Evropy RAN». no 360, pp. 96–106.

Weissbuch. Zur Sicherheitspolitik und zur Zukunft der Bundeswehr (2016) (<https://www.bundesregierung.de/resource/blob/975292/736102/64781348c12e4a80948ab1bdf25cf057/weissbuch-zur-sicherheitspolitik-2016-download-data.pdf>).

Westphal K. Nord Stream 2 – Deutschlands Dilemma (2021). *SWP-Aktuell* (<https://www.swp-berlin.org/10.18449/2021A33v02/>).

Информация об авторах

Тимофеев Павел Петрович, кандидат политических наук, зав. сектором Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: p.timofeyev@gmail.com

Хорольская Мария Витальевна, кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела европейских политических исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН. Адрес: Профсоюзная ул., д. 23, Москва, 117997. E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

About the authors

Pavel P. Timofeev, Candidate of Sciences (Politics), Head of Sector for Regional Issues and Conflicts, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS. Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: p.timofeyev@gmail.com

Maria V. Khorolskaya, Candidate of Sciences (Politics), Research Associate, Department for European Political Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), RAS. Address: 23, Profsoyuznaya Str., Moscow, Russian Federation, 117997. E-mail: khorolskaja.marya@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 18.06.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 08.09.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 15.09.2021

DOI: 10.31857/S086904990017285-5

Оригинальная статья / Original Article

Левый поворот в экономике Британии: фактор Джонсона

© И.А. ПОДКОЛЗИНА

Подколзина Инна Александровна, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е. М. Примакова Российской академии наук (Москва, Россия), inna.a.podkolzina@gmail.com

В работе выявлены ключевые параметры и специфика экономической стратегии консервативного правительства Бориса Джонсона. Рекордный за послевоенный период рост дефицита государственного бюджета рассматривается как основной фактор риска при выполнении стратегии. Сделан вывод о том, что либерально-рыночная модель капитализма постепенно трансформируется, двигаясь в направлении социально-ориентированной рыночной экономики. Концептуально данный сдвиг выражается в отходе от экономического неолиберализма и возвращении к идее «консерватизма одной нации», адаптированной к современным условиям. На практике происходит усиление перераспределительной и регулирующей функций государства, а также переход от потребительской к экспортной модели экономического роста.

Ключевые слова: экономическая стратегия, Британия, Борис Джонсон, Консервативная партия, региональная политика, климатически нейтральная экономика, Глобальная Британия, неолиберализм, консерватизм одной нации, Уинстон Черчилль

Цитирование: Подколзина И.А. (2021) Левый поворот в британской экономике: фактор Джонсона // *Общественные науки и современность*. № 5. С. 87–102. DOI: 10.31857/S086904990017285-5

Left-Turn Ahead in the UK Economy: the Johnson Factor

© I. PODKOLZINA

Inna A. Podkolzina, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), inna.a.podkolzina@gmail.com

Abstract. The paper identifies the key features and specific nature of the economic strategy adopted by Boris Johnson's conservative government. The record growth of the public sector net borrowing in

the post-war era is viewed as the main risk factor to the strategy implementation. The author concludes that liberal market economy in the UK has been gradually morphing into a coordinated market economy. The paradigm shift expresses itself in deviation from economic neoliberalism to the idea of ‘one-nation conservatism’ adapted to modern trends. In practice, this means reinforcement of the redistributive and regulatory functions of the state, as well as transition from the consumption-led to export-led growth model.

Keywords: UK, economic strategy, Boris Johnson, Conservative Party, Levelling up, Net Zero economy, Global Britain, neoliberalism, one-nation conservatism, Winston Churchill

Citation: Podkolzina I. (2021) Left-Turn Ahead in the UK Economy: The Johnson Factor. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 87–102. DOI: 10.31857/S086904990017285-5 (In Russ.)

Политический кризис, который разразился в Британии после референдума 2016 г., закончился убедительной победой консерваторов на внеочередных выборах в декабре 2019 г. Страна официально вышла из ЕС 31 января 2020 г., а 1 января 2021 г., после окончания переходного периода, начался новый этап британской экономической истории. Перед правительством Бориса Джонсона встала задача актуализировать основные направления внутренней и внешней экономической политики. По стечению обстоятельств, начало нового этапа пришлось на период существенного падения деловой активности под влиянием пандемии Covid-19, на фоне чего распространилась идея использовать восстановительный процесс как трамплин для перехода на качественно новый уровень экономического развития.

Британская экономика в 2020 – первом полугодии 2021 г.

В марте 2020 г. правительство, получив чрезвычайные полномочия, ввело карантинные ограничения и программы финансовой поддержки населения и бизнеса. В 2020/21 финансовом году расходы на данные программы, а также дополнительные ассигнования на медицину и тестирование населения составили около 17% ВВП – один из самых высоких показателей среди развитых стран. Банк Англии понизил процентную ставку до 0,1% и расширил программу количественного смягчения, в два раза увеличив объем активов на балансе. В декабре 2020 г. – быстрее, чем в других европейских странах – была развернута широкомасштабная программа вакцинации населения, которая позитивно отразилась на экономических прогнозах и отношении к брекзиту.

К середине 2021 г. Британия пережила три локдауна, основной удар от которых пришелся на малый бизнес в сфере услуг. По итогам 2020 г. британский ВВП потерял 9,8%, что стало наибольшим падением за последние 300 лет и худшим показателем среди стран Группы семи¹. После начала вакцинации деловая активность возросла, но к середине 2021 г. экономика не восстановилась до предпандемийного уровня: в июне 2021 г. ВВП был на 2,2% ниже, чем в феврале 2020 г. [ONS 2021^a]

¹ С точки зрения международных сравнений, столь катастрофический результат в значительной степени обусловлен различиями в методах учета нерыночных услуг: в то время как британское статистическое ведомство с 1998 г. ориентируется на объем фактически оказанных нерыночных государственных услуг, ведомства других стран ведут учет по расходам. В условиях пандемии в Британии сложилась нетипичная ситуация, при которой значительно возросли государственные расходы на новые виды услуг (тестирование населения, закупка средств индивидуальной защиты и т. п.), однако фактически стандартные медицинские и образовательные услуги стали предоставлять меньше. Это, в свою очередь, обусловило некорректность международных сравнений. Согласно официальной статистике, по итогам трех кварталов 2020 г. падение ВВП, рассчитанного по специфической британской методике, составило 8,6% – больше, чем в других странах «семерки», тогда как номинальный ВВП, рассчитанный по общепринятым стандартам, сократился на 3,4% – меньше, чем в Канаде, Италии и Германии. Подробнее см. [ONS 2021c].

Особенностью британской антикризисной политики стал акцент на сохранении рабочих мест [HM Treasury 2020^c]. Программа Казначейства предусматривала компенсацию работодателям значительной части расходов на заработную плату в случае, если сотрудники находятся в вынужденном отпуске из-за карантинных ограничений. Программа действовала с марта 2020 г. до конца сентября 2021 г. и стоила около 70 млрд ф. ст. С начала пандемии до середины 2021 г. она охватила в общей сложности 11,6 млн рабочих мест (рис. 1), или приблизительно треть от численности занятых [HMRC 2021].

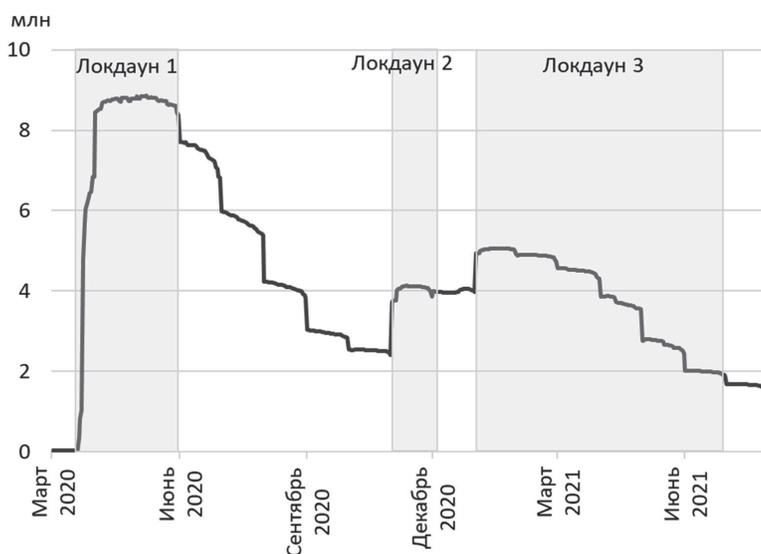

Рисунок 1. Количество человек в вынужденном отпуске, субсидируемом правительством
Figure 1. Number of employments on furlough

Источник: [HMRC 2021].

Source: [HMRC 2021].

Принятые меры позволили удержать безработицу в периоды локдаунов на относительно низком уровне (максимальный показатель в 5,2% пришелся на IV квартал 2020 г.), однако по мере снятия ограничений и роста деловой активности они усилили дефицит предложения на рынке труда. Брекзит и пандемия ограничили приток рабочей силы на низкооплачиваемые места, которые ранее заполняли мигранты из восточноевропейских стран. В августе 2021 г. был зафиксирован 1 млн незакрытых вакансий: с проблемой поиска сотрудников столкнулись компании розничной торговли, ресторанный, гостиничный, строительный и другие бизнесы. Недостаток водителей привел к нарушениям логистических процессов, задержкам в поставках товаров, дефициту сырья и комплектующих. В сложившихся условиях резко возросла заработная плата «синих воротничков», что сказалось на общем показателе (рис. 2).

В условиях локдаунов цены на потребительские товары сдерживал низкий уровень потребительских расходов. В то же время финансовые выплаты населению, льготная ипотека и временная отмена гербового сбора привели к росту стоимости активов, в первую очередь, на рынке недвижимости, что вызвало ассоциации с ситуацией накануне кризиса 2007–2009 гг. На фоне товарного дефицита и скачка заработной платы нача-

ли расти инфляционные ожидания, а затем и цены. В августе индекс потребительских цен – индикатор, на который ориентируется Банк Англии при проведении монетарной политики – подскочил до 3,2%.

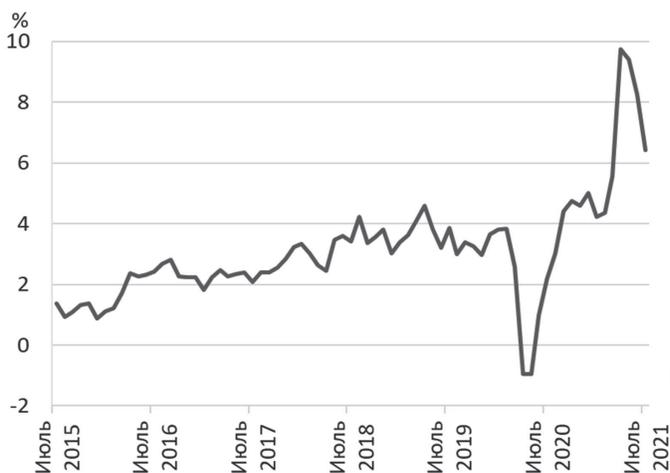

Рисунок 2. Годовой прирост медианной заработной платы
Figure 2. Median pay growth

Источник: [ONS 2021^b].

Source: [ONS 2021^b].

Нехарактерную для кризисной ситуации динамику продемонстрировала производительность труда: несмотря на 10%-ное падение ВВП, средний объем выпуска за отработанный час в 2020 г. возрос на 0,4%. В 2007–2009 гг. из-за значительного сокращения высокооплачиваемых рабочих мест в финансовом секторе снизилась производительность труда. Напротив, в период коронакризиса были уволены или отправлены в вынужденный отпуск в основном низкоквалифицированные и низкооплачиваемые категории занятых, тогда как представители высокооплачиваемых специальностей перешли на удаленный режим работы.

Антикризисная политика британского правительства позволила избежать значительного роста безработицы в периоды жестких локдаунов, но усилила дисбалансы на рынке труда, вызвала рост инфляционных ожиданий и создала ситуацию, которая может угрожать финансовой стабильности.

Основные направления экономической стратегии

Пересечение факторов брекзита и пандемии отразилось на развитии британской экономики и стимулировало разработку новой экономической стратегии. В мае 2020 г. на фоне завершения первой волны эпидемии Б. Джонсон выступил с инициативой «Построим лучше, чем было» (Build Back Better)², которая задала тон последующим правительственным документам и легла в основу одноименной экономической программы, представленной в марте 2021 г. [HM Treasury 2021^a]

Ее идея заключается в том, чтобы в посткризисный период стимулировать серию процессов, которые изменят количественные и качественные характеристики экономиче-

² Выражение появилось после разрушительного цунами в ЮВА в 2004 г.

ского роста. Среди количественных показателей в первую очередь выделяют повышение производительности труда (центральную проблему последнего десятилетия) и увеличение занятости – данную идею активно продвигает правительство Джонсона. Для решения указанных проблем предлагается значительно увеличить государственные инвестиции в модернизацию инфраструктуры, развивать систему профессионального и непрерывного образования, а также распространять инновации – развивать три основные составляющих долгосрочного роста, которые стали важными элементами экономических программ нескольких последовательных британских правительств.

В качественном отношении на первый план выходит проблема региональных дисбалансов. В последние годы усилились сепаратистские тенденции в кельтских регионах, из-за чего проблема усложняется потребностью укрепить территориальное единство страны. Другие вызовы, на которые предстоит ответить – переход к углеродно-нейтральной экономике в контексте общемировой климатической повестки и выстраивание внешнеторговых отношений в рамках концепции «Глобальная Британия».

План развития инфраструктуры первоначально Джонсон обозначил в июне 2020 г. как британский «Новый курс» [PM's Office 2020], а позднее на его основе разработали соответствующую национальную стратегию. Внимание фокусируется на инфраструктурных проектах из-за их способности эффективно передавать исходный импульс в экономику, усиливать межотраслевые взаимодействия и стимулировать производительность труда.

Заявленная в стратегии «инфраструктурная революция» предполагает повышение качества существующих и строительство новых объектов инфраструктуры, что должно выровнять условия регионального развития, укрепить связи между различными частями страны и поспособствовать достижению климатической нейтральности к 2050 г. На данные цели из бюджета на 2021/22 финансовый год выделили 100 млрд ф. ст. (на 30 млрд больше, чем в благополучный 2019/20 г.), а на следующие пять лет закладываются расходы в размере 600 млрд ф. ст. Значительные инвестиции направляются на модернизацию железнодорожного транспорта, расширение сети зарядных станций для электромобилей, развитие городского общественного транспорта, расширение зоны покрытия 4G на сельскохозяйственные регионы Уэльса, Шотландии и Северной Ирландии, реализацию пилотных программ 5G, строительство систем защиты от наводнений и эрозии почвы [HM Treasury 2020^b]. Самый дорогой и спорный инфраструктурный проект – строительство высокоскоростной железнодорожной магистрали HS2 – ранее заморозили из-за сомнительной экономической эффективности.

Дефицит квалифицированных кадров с высшим техническим и средним профессиональным образованием, который сформировался из-за сокращения спроса на таких специалистов в процессе деиндустриализации, сдерживает экономическое и региональное развитие. По сравнению со странами ОЭСР, где среднее специальное образование имеет в среднем 27% взрослого населения, в Британии данный показатель составляет 18% [HM Treasury 2021^a, 24]. Правительство признает, что система образования в Британии хуже справляется с адаптацией учебных программ к требованиям цифровой экономики и энергетического перехода, чем в США, Германии, Швейцарии и ряде других стран [BEIS 2021].

Дефицит высококвалифицированных кадров сейчас компенсируется привлечением иностранных специалистов, чему способствует переход к балльной иммиграционной системе. Продолжаются программы по повышению качества преподавания математических и технических дисциплин в средней школе и университетах, которые принял еще кабинет Т. Мэй. На повестке дня стоит реформирование системы профессионального, технического и непрерывного образования в Англии.

С точки зрения инновационного развития сложившиеся условия (доступность инвестиций и наличие университетов мирового уровня) благоприятны. Это подтверждается тем,

что Британия занимает четвертое место в мировом рейтинге Global Innovation Index 2021. На нее приходится наибольший среди европейских стран объем венчурных инвестиций и почти треть крупнейших европейских технологических стартапов – 319 из 1000, что в два с лишним раза больше, чем в Германии и Франции. Для страны характерна крупная доля лиц с высшим образованием: в возрастной группе 25–34 лет она составляет 52%, тогда как средний показатель по странам ОЭСР равен 45% [HM Treasury 2021^a, 44].

Учитывая прочные позиции Британии в области высшего образования, науки и инноваций, страна ставит цель создать к 2030 г. мировой научно-технологический центр, или, по выражению Джонсона, «научную супердержаву» [Johnson 2021]. Сдерживающим фактором выступает отставание от других стран по объемам финансирования НИОКР: в 2019 г. в Британии они составили 1,7% ВВП, тогда как в Германии – 3,2%, США – 3,1%, а в среднем по ОЭСР – 2,5% ВВП. Правительство Т. Мэй поставило, а кабинет Б. Джонсона сохранил в качестве основного ориентира задачу увеличить инвестиции на исследования и разработки к 2027 г. до 2,4% ВВП – рекордного для Британии уровня. Несмотря на пандемию, в бюджете 2021 г. значительно возросли расходы на НИОКР, а также предусмотрен их дальнейший рост в течение следующих трех лет. К приоритетным направлениям относятся технологии искусственного интеллекта, геномика, робототехника, разработка перспективных материалов, инженерная биология, «зеленые» и квантовые технологии [BEIS 2021].

Проблема диспропорционального развития регионов получила особую значимость после Великой депрессии 1930-х гг., когда старые промышленные районы превратились в «районы упадка» [Кузнецов 2009, 58–70]. С того времени подходы в региональной политике неоднократно менялись, однако заметных результатов достичь не удалось. В настоящее время самые высокие личные доходы, наибольший ВРП на душу населения и наиболее квалифицированная рабочая сила характерны для Лондона и юго-востока Англии, тогда как самые низкие показатели – в Уэльсе, Северной Ирландии и на северо-востоке Англии. Региональные диспропорции в Британии считаются одними из самых высоких среди развитых стран. Более того, в последние 40–50 лет ситуация ухудшилась вследствие деиндустриализации.

В ходе предвыборной кампании 2019 г. консерваторы связывали обещания выйти из ЕС и решить региональные проблемы следующим образом: завершим брекзит (Get Brexit Done) и используем открывшиеся возможности для выравнивания уровней социально-экономического развития британских регионов (Levelling Up). Построенная вокруг этих лозунгов предвыборная кампания оказалась успешной и позволила партии, которая официально именуется «консервативная и юнионистская», не только получить большинство мест в парламенте, но и пробить так называемую «красную стену» на севере Англии: одержать победу в традиционно лейбористских округах.

В основе концепции «выравнивания» лежит формирование благоприятных условий для развития человеческого капитала в разных частях страны. Для выполнения данной цели необходимо создавать высококвалифицированные рабочие места, повышать качество медицинских и образовательных услуг, модернизировать локальную инфраструктуру, расширять жилищное строительство и снижать уровень преступности. Планируется также перевести отдельные правительственные структуры из Лондона в другие города и создать сначала в Англии, а затем и в остальных частях страны «свободные порты» с особым налоговым статусом и льготным режимом налогообложения. Тем не менее, эксперты Института фискальных исследований полагают, что даже при успешном выполнении хорошо продуманной программы потребуются годы, если не десятилетия, прежде чем результаты станут заметными [Davenport, Zaranko 2020].

Переход к климатически нейтральной экономике стал центральным пунктом промышленной политики. Британия претендует на статус лидера климатической гонки,

который будет определять мировую «зеленую» повестку. В 2008 г. она первой из стран законодательно установила цели по снижению выбросов парниковых газов. С 2000 г. процессы декарбонизации в Британии происходят быстрее, чем в любой другой стране Группы двадцати, и сейчас на нее приходится 1% годовой эмиссии диоксида углерода при доле в мировом ВВП в 2,4% [BEIS 2020]. В 2019 г. Т. Мэй поставила задачу обеспечить нулевой баланс выбросов диоксида углерода к 2050 г., а в апреле 2021 г. Б. Джонсон установил жесткий промежуточный ориентир: сократить выбросы к 2035 г. на 78% по сравнению с уровнем 1990 г.

В ноябре 2020 г., в разгар пандемии коронавируса, был опубликован «План зеленой промышленной революции», который Б. Джонсон представил не только как программу модернизации экономики на основе углеродно-нейтральных технологий, но и в качестве составного элемента программы регионального выравнивания. Документ предусматривает возрождение старых промышленных регионов за счет приоритетного развития «зеленых» отраслей и создания в них высококвалифицированных рабочих мест («зеленых воротничков») [HM Government 2020].

Специфику британской «зеленой» повестки определяет сочетание ресурсной базы и технологий. Первым пунктом «зеленой революции» считается офшорная ветроэнергетика – одно из самых дорогих направлений в области ВИЭ, которое требует значительных государственных субсидий. На страну приходится 7 из 10 крупнейших офшорных ветропарков и треть суммарной установленной мощности в мире. По словам Б. Джонсона, укрепление на лидирующих позициях в данной области позволит Британии стать «ветровой Саудовской Аравией» [The Telegraph 2020]. С особенностями географического положения связано развитие другого перспективного направления – водородной энергетики: на шельфе Северного моря есть выработанные нефтяные и газовые пласты, что технически позволяет производить в стране не только «зеленый», но и «голубой» водород [HM Government 2021]. Развитие атомной энергетики происходит под влиянием внешнеполитических процессов. Проблема в том, что действующие станции выработают свой ресурс до конца десятилетия, а строительство новых зависит от участия французских и китайских компаний. На фоне ухудшения отношений между Лондоном и Пекином перспективы строительства больших атомных энергоблоков оказываются под вопросом. В сложившихся условиях приоритеты постепенно смещаются в сторону технологий термоядерного синтеза и атомных станций малой мощности (АСММ).

В настоящее время транспортный сектор – крупнейший эмитент диоксида углерода, и его декарбонизация в перспективе предполагает использование общественного, авиационного и морского транспорта с нулевым уровнем выбросов (электрического или на водородном топливе). В ближайшее десятилетие основным драйвером процесса должен стать переход на электромобили, для чего с 2030 г. вступит в силу запрет на продажи бензиновых и дизельных автомобилей, а с 2035 г. – гибридов [DfT 2021].

Стремление британских политиков опередить другие страны в достижении углеродной нейтральности скептически воспринимает значительная часть консервативного электората, который опасается негативного влияния ускоренной декарбонизации на экономический рост и уровень жизни.

Основные направления внешнеторговой стратегии учитывают фундаментальные сдвиги, происходящие в мировой торговле: быстрое развитие Азиатско-Тихоокеанского региона и становление цифровой торговли как преобладающего формата торговых операций [DfT 2021]. В рамках концепции «Глобальной Британии» внешнеэкономические отношения базируются на принципе свободной торговли [Годованюк 2020]. В 2020 г. Британия подписала соглашение о торговле и сотрудничестве с ЕС, а к середине 2021 г. провела ретрансляцию 68 торговых договоров, заключенных ЕС с третьими странами, и договорилась об условиях соглашения с Австралией.

Группа стран-членов ЕС остается крупнейшим торговым партнером Британии, но тенденция к снижению его роли, которая наблюдается с начала 2000-х гг., усиливается. Учитывая, что с конца 1990-х гг. торговля товарами с ЕС носит дефицитный, а с третьими странами – профицитный характер, снижение зависимости от единого европейского рынка рассматривается в качестве позитивного фактора, который укрепляет торговый баланс. Крупнейшим партнером в страновом разрезе остаются США, с которыми у Британии формируется наибольший торговый профицит. Проблема в том, что активно стартовавшие при республиканцах торговые переговоры замедлились после смены администрации в Белом доме.

Британия рассматривает Индо-Тихоокеанский регион в качестве одного из наиболее перспективных направлений и рассчитывает вступить в ВПТТП (Транстихоокеанское партнерство) при поддержке Австралии.

Определенную трансформацию претерпевают отношения с Китаем. Правительство вынуждено принимать меры по снижению роли китайских компаний в отраслях стратегического значения (в первую очередь телекоммуникационной и энергетической) из-за сомнений в технологической безопасности совместных проектов и давления со стороны военно-политических партнеров. В остальных сферах прагматичный характер британской политики определяет готовность расширять торговые операции и взаимные инвестиции.

В условиях опережающего роста развивающихся экономик роль развитых стран в мировой торговле постепенно снижается. По прогнозам министерства торговли, доля Британии сократится с 3,6% в 2019 г. до 2,5% к середине века [DIT 2021].

«Капитализм с человеческим лицом» на пути к социально-ориентированной рыночной экономике

Специфику экономических преобразований в Британии определяют не только экстраординарные события, такие как брекзит и пандемия, но и неординарная личность премьер-министра. Биография Б. Джонсона свидетельствует о том, что во время работы в ведущих консервативных изданиях *The Daily Telegraph* и *The Spectator* он развил мастерство взаимодействия с широкой аудиторией, а репортажи из Брюсселя помогли политику утвердиться в роли евроскептика [Johnson 2006]. За восемь лет на посту мэра Лондона (2008–2016 гг.) Б. Джонсон получил опыт организации дорогостоящих инфраструктурных и социальных программ. Безграничный восторг и чувство гордости – эмоциональная составляющая, вложенная в описание церемонии открытия Олимпиады-2012 в «Лондоне по Джонсону», – объясняет его приверженность крупномасштабным проектам [Johnson 2011]. И, наконец, следует отметить, что Джонсон открыто восхищается У. Черчиллем – премьер-министром от партии консерваторов, который определил судьбу Британии в годы Второй мировой войны [Johnson 2014].

После длительной работы с архивными документами Джонсон написал книгу о выдающемся соотечественнике и, сознательно или нет, привнес в текст свое отношение к событиям и идеям прошлого. В «Факторе Черчилля» он признает, что политические интересы государственного деятеля могут превалировать над партийными, и политик имеет право менять партию в случае явных с ней расхождений – право в форме «фундаментального презрения к понятию преданности партии». Такой подход позволяет сохранить верность собственной политической позиции, которая «не должна быть левой или правой, а обязана включать лучшие черты обеих сторон и тем самым воплощать волю нации». Позицию Черчилля автор определяет как «левый», или «либеральный консерватизм» (*Leftish Toryism, Whiggish Toryism*), «стоящий на стороне рабочего человека», который требует от правительства социальных реформ, чтобы улучшить условия жизни людей, и приверженности свободной торговле, чтобы обеспечить население товарами по низкой цене, но при этом сохраняет веру в капитализм как «основание цивилизации»,

«в капитализм с человеческим лицом, или сочувствующий консерватизм». У. Черчилль унаследовал свои идеи от отца, лорда Р. Черчилля, который придерживался концепции «консервативной демократии» (Tory Democracy). Она подразумевала «образование коалиции между богатыми классами и трудящимся населением» и опиралась на идею «консерватизма одной нации», высказанную Б. Дизраэли [Джонсон 2015].

Есть некоторое сходство в том, что в 2019 г. Джонсона, подобно Черчиллю в 1940 г., без восторга приняла британская политическая элита, которая считала его беспринципным популистом, однако он оказался единственным кандидатом, способным получить поддержку широкого круга избирателей. В ходе предвыборной кампании симпатии к отмеченным выше идеям проявились в обещании сформировать правительство консерваторов «одной нации». В отличие от классической трактовки, которая понимает под формированием «одной нации» сближение представителей разных социальных слоев и материального достатка, идея Джонсона предполагает выравнять условия и уровень жизни населения в разных частях страны. «Выравнивание» рассматривается в двух измерениях: локальном (графства и города), в котором акцент делается на повышении уровня развития проблемных регионов, и национальном (Англия, Шотландия, Уэльс, Северная Ирландия), где речь идет о сохранении территориального единства. Последнее обстоятельство усиливает интерес к широкомасштабным инфраструктурным проектам, так как медицина, образование, жилищное строительство и пр. сферы находятся в ведении децентрализованных органов власти, объединяющим потенциалом обладают именно проекты национального характера.

В первом публичном выступлении в должности премьер-министра Джонсон пообещал ответить на «мольбы забытых людей и брошенных на произвол судьбы городов», содействовать выравниванию регионов по уровню доходов, жизни и производственным возможностям, стимулировать экономическое развитие «не только Лондона и юго-восточной Англии, но каждого уголка Англии, Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии» [HM Government 2019].

Принимая во внимание причины региональных дисбалансов (депрессия 1930-х гг. и деиндустриализация конца XX – начала XXI вв.), в качестве основного инструмента выравнивания британские власти рассматривают реиндустриализацию в формате «Зеленой промышленной революции». Развитие промышленности в соответствии с требованиями климатической нейтральности в прежних «районах упадка» становится источником новых высококвалифицированных рабочих мест с соответствующей заработной платой. Для того чтобы создавать «зеленые» отрасли, необходимы инновационные технологии, а для перемещения в них рабочей силы из традиционных сфер надо развивать непрерывное образование. В контексте регионального выравнивания свободная торговля, с одной стороны, становится условием развития конкуренции и снижения цен на потребительские товары как одного из факторов повышения уровня жизни в регионах, с другой – механизмом, который открывает зарубежные рынки для экспорта высокотехнологичной продукции, производство которой должно быть налажено в разных частях страны.

Стратегия не акцентирует внимание ни на сфере услуг в целом (на нее приходится 80% британского ВВП), ни на финансовом секторе в частности. Непропорционально большая роль последнего в конце 1990-х – начале 2000-х гг. считается одной из причин британской версии «голландской болезни», которая выражалась в росте курса фунта стерлингов, снижении конкурентоспособности британских товаров на мировом рынке и усилении деиндустриализации внутри страны. Сформировавшаяся на данном фоне потребительская модель экономического роста, по мнению Д. Хоупа и Д. Соскиса, характерна для большинства стран с либеральной рыночной экономикой. [Hope, Soskice 2016] Британская специфика выражалась лишь в том, что она опиралась не только на дешевый импорт, но и на эффект богатства, вызванный постоянным повышением цен на рынке недвижимости. В глобальной системе потребительская модель роста уравнивается

экспортной, которая преимущественно свойственна для стран с социально-ориентированной экономикой. Данный момент объясняет особенности торговых отношений с ЕС, с которым у Британии наблюдается значительный дефицит в торговле товарами [Хесин 2020, 180–183].

Финансовый и экономический кризис 2007–2009 гг., который ударил по Британии сильнее, чем по другим развитым странам, продемонстрировал неустойчивость потребительской модели. Внешнеэкономическая стратегия правительства Джонсона с ориентацией на быстрорастущие рынки указывает на постепенный сдвиг в сторону экспортной модели экономического роста. Для Британии такой переход означает экспорт товаров и услуг с высокой добавленной стоимостью и импорт потребительских товаров массового спроса, в отношении которых ей нет необходимости конкурировать с развивающимися странами.

Претворение в жизнь данной стратегии требует значительных государственных инвестиций, точный объем которых неизвестен, а оценки экспертов могут отличаться от правительственных оценок в несколько раз. Ситуация осложняется увеличением расходов и сокращением налоговых поступлений в период пандемии, что значительно ухудшило состояние государственных финансов. В 2020/21 финансовом году бюджетный дефицит возрос до 298 млрд ф. ст., или 14,2% ВВП – максимального уровня в послевоенной истории (рис. 3). Государственный долг в июле 2021 г. достиг наибольшего значения с начала 1960-х гг.: 98,8% ВВП. Низкая стоимость заимствований и выкуп государственных облигаций Банком Англии существенно упрощает наращивание долга и примиряет со значительным бюджетным дефицитом. Между тем, по мере восстановления мировой экономики и усиления инфляционного давления, возрастает риск повышения процентных ставок. По оценкам, при росте ставок на 1 п.п. (до все еще крайне низкого по историческим меркам уровня) ежегодные процентные платежи по государственным облигациям к 2025/26 г. увеличатся на 21 млрд ф.ст., или на 0,8% ВВП [OBR 2021^a].

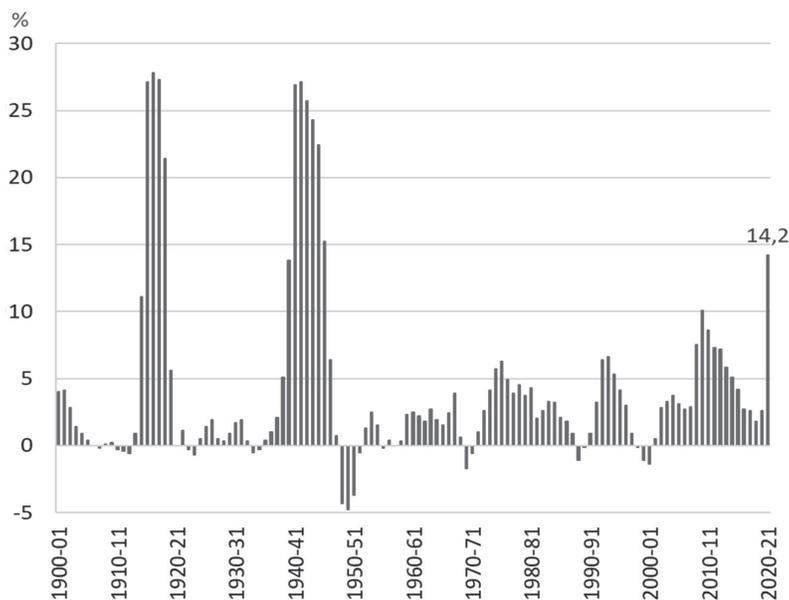

Рисунок 3. Бюджетный дефицит (% от ВВП)

Figure 3. Public sector net borrowing, % of GDP

Источник: [ONS 2021d].

Source: [ONS 2021d].

Возможности финансирования бюджетного дефицита ограничены из-за предвыборных обещаний консерваторов не повышать ставки подоходного налога, взносы в фонд социального страхования и НДС – основные источники доходной части бюджета. Традиционно о мерах налогового характера сообщает канцлер Казначейства в ходе представления очередного бюджета в Палате общин. С марта по сентябрь 2021 г. решение о повышении налогов принимали дважды, причем сентябрьскую меру пришлось озвучивать премьер-министру.

Целью мер, объявленных в марте (заморозка пороговых значений подоходного налога и повышение ставки налога на прибыль корпораций) было сокращение бюджетного дефицита. Первая из них фактически представляла собой введение «скрытого налога», но позволяла избежать нарушений предвыборных обязательств, вторая противоречила политике предыдущих консервативных правительств, но отвечала мировой повестке по гармонизации корпоративного налогообложения и снижению налоговой конкуренции между странами.

Сентябрьское решение принимали с целью обеспечить дополнительное финансирование службы социальной защиты и системы здравоохранения, которые оказались в кризисной ситуации³. Повышение взносов в фонд социального страхования вразрез с предвыборными обещаниями привело к разногласиям между премьер-министром и канцлером Казначейства, недовольству членов консервативной фракции, разочарованию рядовых членов партии и падению доверия среди избирателей. Согласно опросу, проведенному по заказу Telegraph в середине сентября 2021 г., если бы выборы проводились на следующий день, консерваторы получили бы 311 мест из 650. В результате возникла бы ситуация «подвешенного парламента», когда ни одна из партий не может сформировать правительство большинства [Hope, Penna 2021]. Для сравнения: на выборах 2019 г. тори получили 365, а в ходе аналогичного опроса в мае 2021 г. – 386 мест. По аналогии с подушным налогом, который возмутил население и стоил М. Тэтчер поста премьер-министра, повышение взносов на социальное страхование было названо «подушным налогом 2.0» [Malnick 2021]. Имидж консерваторов как приверженцев политики «низких налогов» серьезно пострадал.

В результате налоговых маневров эксперты ожидают роста налогового бремени к 2025/26 г. до 35% ВВП – максимального уровня со времен послевоенных преобразований лейбористов и создания «государства всеобщего благосостояния» [OBR 2021^b]. Между тем, в годы второго правительства У. Черчилля (1951–1955) доля налогов в ВВП значительно снизилась (рис. 4).

Необходимо подчеркнуть, что в течение полутора десятилетий, предшествовавших кризису 2007–2009 гг., основой устойчивого экономического развития считалась ценовая стабильность, а ключевым инструментом макроэкономического регулирования – монетарная политика. Бюджет в данной парадигме выполнял пассивную функцию финансирования государственных программ. В ходе кризиса и последующей рецессии приоритеты сместились от регулирования инфляции к стимулированию спроса, и Банк Англии перешел к политике количественного смягчения, а Казначейство – к ограничению государственных расходов. Экстраординарную монетарную политику рассматривали как временную меру, но кризис стал триггером, который запустил постепенный отход от макроэкономического консенсуса, сложившегося в период «Великой умеренности» в рамках неолиберального подхода.

³ Проведенные в 2016 г. учения Cygnus (Созвездие Лебедя) продемонстрировали неготовность Национальной службы здравоохранения к эпидемии тяжелого гриппа. Для того, чтобы избежать чрезмерной нагрузки и коллапса системы в условиях пандемии Covid-19, в 2020 г. были частично отменены очные приемы у врачей, перенесены консультации и плановые операции. К середине 2021 г. количество пациентов, ожидающих планового лечения, достигло 5 млн.

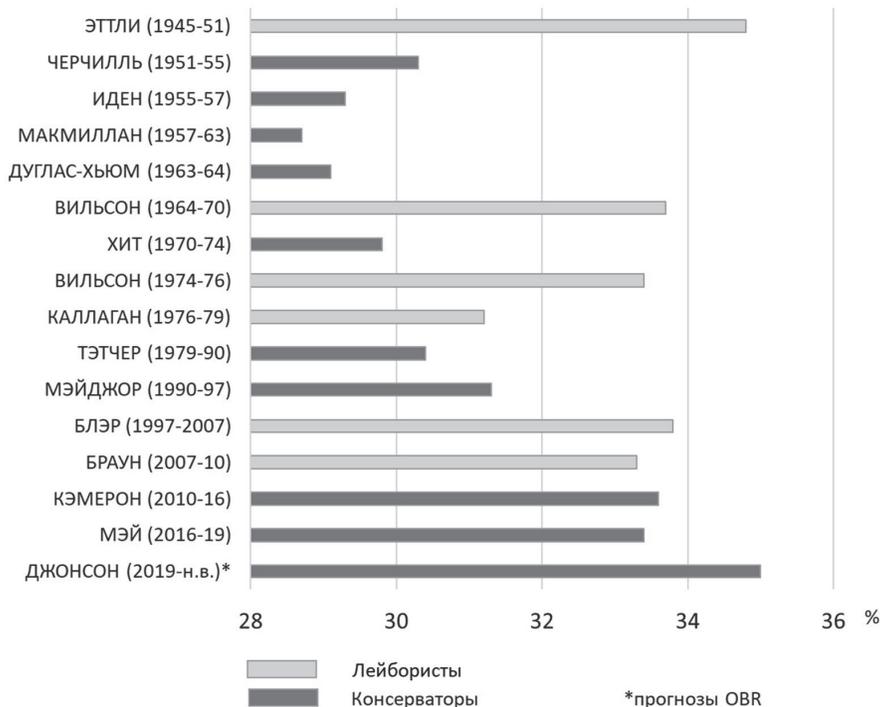

Рисунок 4. Налоговое бремя (доля налоговых поступлений в ВВП, %)

Figure 4. Tax burden, % of GDP

Источник: [TaxPayers' Alliance 2021, OBR 2021^b].

Source: [TaxPayers' Alliance 2021, OBR 2021^b].

После референдума 2016 г. кабинет Т. Мэй сосредоточил внимание в экономической сфере на повышении производительности труда, которому должны были способствовать возросшие инвестиции в инфраструктуру, профессиональное и техническое образование, стимулирование инноваций. Впервые с 1980-х гг. важным элементом экономической стратегии стала промышленная политика. Произошел переход к активному использованию бюджета в качестве инструмента макроэкономического регулирования: Казначейство отказалось от политики бюджетных ограничений, представило дорожную карту по сокращению налога на прибыль корпораций и допустило временный рост бюджетного дефицита и государственного долга.

Отношение к монетарной и бюджетной политике менялось, однако до 2021 г. общим пунктом для всех консервативных правительств была приверженность низким налогам и убеждение в том, что таковы необходимые условия для экономического роста. Пандемия стала своего рода «индугенцией» за растущий государственный бюджет и отход от традиционных экономических принципов консерваторов. Акценты в экономической политике сместились в сторону занятости, что обусловило специфику антикризисных мер. К концу 2020 г. центральной темой экономической стратегии правительства стала «зеленая промышленная революция». Есть некоторая ирония в том, что форсированному продвижению «зеленой» повестки в большей степени привержены лейбористы, нежели консерваторы. Со стороны последних чаще раздаются возражения в том смысле, что революции, какого бы цвета они ни были, не происходят по желанию правительств.

* * *

Показательно, что совпадение неолиберальных экономических программ Консервативной партии в Британии и Республиканской в США ранее считалось логичным и исторически обусловленным. Пандемия Covid-19 скорректировала экономическую политику британского правительства, синхронизировав и меры, и риторику с политикой американских демократов. В июне 2020 г. премьер-министр представил концепцию «Нового курса» (New Deal), которая и по названию, и по содержанию совпадает с программой демократического правительства США 1930-х годов. Данный курс предполагает значительный рост расходов на развитие инфраструктуры. Месяцем ранее Б. Джонсон выступил с инициативой Build Back Better, а чуть позже лозунг подхватил Дж. Байден и активно использовал его в ходе предвыборной кампании. Тот факт, что экономическая стратегия кабинета Джонсона перекликается со стратегией Демократической партии, подтверждает фундаментальный сдвиг в экономическом подходе консерваторов в сторону формирующейся парадигмы «большого государства».

Таким образом, наблюдаемая в настоящее время эволюция экономической платформы консерваторов определяется сочетанием трех факторов, к которым относятся: 1) специфический для Британии фактор брекзита и общемировой фактор пандемии; 2) мировые тренды на расширение климатической повестки и усиление регулирующей и перераспределительной функции государства; 3) личностные характеристики британского премьер-министра. Данную эволюцию сопровождает переход от либерально-рыночной модели и неолиберализма как основы экономической политики к социально-ориентированной экономике, которая базируется на адаптированных к современным условиям принципах «консерватизма одной нации».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Годованюк К. (2020) «Глобальная Британия» в преддверии брекзита. М.: ИЕ РАН. 161 с.
- Джонсон Б. (2015) Фактор Черчилля. Как один человек изменил историю = The Churchill Factor: How One Man Made History (2014). Пер. А. Галактионов. М.: КоЛибри. 448 с.
- Кузнецов А. (ред.) (2009) Региональная политика стран ЕС. М.: ИМЭМО РАН, 2009. 230 с.
- Хесин Е. (ред.) (2020) Европейский союз в мировом хозяйстве: проблемы конкурентоспособности. М.: ИМЭМО РАН. 317 с.
- BEIS (2020) Energy White Paper: Powering our Net Zero Future. December 2020 (<https://www.gov.uk/government/publications/energy-white-paper-powering-our-net-zero-future>).
- BEIS (2021) UK Innovation Strategy: Leading the Future by Creating It. July 2021 (<https://www.gov.uk/government/publications/uk-innovation-strategy-leading-the-future-by-creating-it>).
- Davenport A., Zaranko B. (2020) Levelling Up: Where and How? // IFS Green Budget 2020. IFS, P. 315–371. (<https://ifs.org.uk/uploads/CH7-IFS-Green-Budget-2020-Levelling-up.pdf>).
- DfT (2021) Decarbonising Transport: a Better, Greener Britain (<https://www.gov.uk/government/publications/transport-decarbonisation-plan>).
- DIT (2021) Global Trade Outlook. September 2021 (<https://www.gov.uk/government/publications/global-trade-outlook-september-2021-report>).
- Johnson B. (2021) We are Injecting Funds to Restore Britain's Status as a Scientific Superpower // The Telegraph. 20 June 2021 (<https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/06/20/injecting-funds-restore-britains-status-scientific-superpower/>).
- Johnson B. (2014) The Churchill Factor: How One Man Made History. L: Hodder & Stoughton. 432 P.
- Johnson B. (2006) Have I Got Views For You. NY: HarperPerennial. 320 P.
- Johnson B. (2011) Johnson's Life Of London: The People Who Made The City That Made The World. NY: Riverhead Books. 322 P.
- HM Government (2019) Boris Johnson's first speech as Prime Minister. 24 July 2019 (<https://www.gov.uk/government/speeches/boris-johnsons-first-speech-as-prime-minister-24-july-2019>).

HM Government (2020) The Ten Point Plan for a Green Industrial Revolution. November 2020 (<https://www.gov.uk/government/publications/the-ten-point-plan-for-a-green-industrial-revolution>).

HM Government (2021) UK Hydrogen Strategy (<https://www.gov.uk/government/publications/uk-hydrogen-strategy>).

HM Treasury (2021^a) Build Back Better: Our Plan for Growth. 3 March 2021 (<https://www.gov.uk/government/publications/build-back-better-our-plan-for-growth>).

HM Treasury (2020^b). National Infrastructure Strategy (<https://www.gov.uk/government/publications/national-infrastructure-strategy>).

HM Treasury (2020^c) Plan for Jobs (<https://www.gov.uk/government/topical-events/plan-for-jobs>).

HMRC (2021) Coronavirus Job Retention Scheme Statistics. 9 September 2021 (<https://www.gov.uk/government/statistics/coronavirus-job-retention-scheme-statistics-9-september-2021>).

Hope D., Soskice D. (2016) Growth Models, Varieties of Capitalism and Macroeconomics // *Politics and Society*. № 44 (2). P. 209–226. (<http://eprints.lse.ac.uk/66531/1/Binder1.pdf>).

Hope C., Penna D. (2021) Exclusive Poll: Conservative Red Wall MPs Could be Swept Away by Wave of Tax Rise Anger // *The Telegraph*. 11 September 2021 (<https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/09/10/exclusive-poll-conservative-red-wall-mps-lose-seats-boris-johnsons/>).

Malnick E. (2021) 'Poll Tax 2.0' Will Harm Jobs and Families, Treasury's Ewn Experts Admit // *The Telegraph*. 11 September 2021 (<https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/09/11/poll-tax-20-will-harm-jobs-families-treasurys-experts-admit/>).

OBR (2021^a). Debt Maturity, Quantitative Easing and Interest Rate Sensitivity. March 3rd, 2021 (<https://obr.uk/box/debt-maturity-quantitative-easing-and-interest-rate-sensitivity/>).

OBR (2021^b) Overview of the March 2021 Economic and Fiscal Outlook. March 3rd, 2021 (<https://obr.uk/overview-of-the-march-2021-economic-and-fiscal-outlook/>).

ONS (2021^a) Coronavirus and the Impact on Output in the UK Economy: June 2021. Release date: 13 October 2021 (<https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/coronavirusandtheimpactonoutputintheukeconomy/latest>).

ONS (2021^b) Earnings and employment from Pay As You Earn Real Time Information, UK: August 2021. Release date: 12 October 2021 (<https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/earningsandworkinghours/bulletins/earningsandemploymentfrompayasyouearnrealtimeinformationuk/latest>).

ONS (2021^c) International Comparisons of GDP During the Coronavirus (COVID-19) Pandemic. Release date: 1 February 2021 (<https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/internationalcomparisonsofgdpduringthecoronaviruscovid19pandemic/2021-02-01>).

ONS (2021^d) Public Sector Finances, UK: July 2021. 20 August 2021 (<https://www.ons.gov.uk/economy/governmentpublicsectorandtaxes/publicsectorfinance/bulletins/publicsectorfinances/july2021>).

PM's Office (2020) PM: A New Deal for Britain. Press Release. 30 June 2020 (<https://www.gov.uk/government/news/pm-a-new-deal-for-britain>).

TaxPayers' Alliance (2021) Briefing: Sustained Tax Burden at Highest Level since 1951 (https://www.taxpayersalliance.com/briefing_sustained_tax_burden_at_highest_level_since_1951).

The Telegraph (2020) Boris Johnson Wants UK to be 'Saudi Arabia of Wind Power' // *The Telegraph* channel. 25 September 2020 (<https://www.youtube.com/watch?v=79DDaPM9w0I>).

REFERENCES

BEIS (2020) Energy White Paper: Powering our Net Zero Future. December 2020 (<https://www.gov.uk/government/publications/energy-white-paper-powering-our-net-zero-future>).

BEIS (2021) UK Innovation Strategy: Leading the Future by Creating It. July 2021 (<https://www.gov.uk/government/publications/uk-innovation-strategy-leading-the-future-by-creating-it>).

Davenport A., Zaranko B. (2020) Levelling Up: Where and How? *IFS Green Budget 2020*. IFS. pp. 315-371. (<https://ifs.org.uk/uploads/CH7-IFS-Green-Budget-2020-Levelling-up.pdf>).

DfT (2021) Decarbonising Transport: a Better, Greener Britain (<https://www.gov.uk/government/publications/transport-decarbonisation-plan>).

DIT (2021) Global Trade Outlook. September 2021 (<https://www.gov.uk/government/publications/global-trade-outlook-september-2021-report>).

Godovanyuk K. (2020) 'Globalnaya Britaniya' v preddverii brekzita ['Global Britain' in the Run-up to Brexit]. Moscow: IE RAS. 161 p.

- HM Government (2021) UK Hydrogen Strategy (<https://www.gov.uk/government/publications/uk-hydrogen-strategy>).
- HM Treasury (2021^a) Build Back Better: Our Plan for Growth. 3 March 2021 (<https://www.gov.uk/government/publications/build-back-better-our-plan-for-growth>).
- HM Treasury (2020^b). National Infrastructure Strategy (<https://www.gov.uk/government/publications/national-infrastructure-strategy>).
- HM Treasury (2020^c) Plan for Jobs (<https://www.gov.uk/government/topical-events/plan-for-jobs>).
- HMRC (2021) Coronavirus Job Retention Scheme Statistics. 9 September 2021 (<https://www.gov.uk/government/statistics/coronavirus-job-retention-scheme-statistics-9-september-2021>).
- Hope D., Soskice D. (2016) Growth Models, Varieties of Capitalism and Macroeconomics. *Politics and Society*. no. 44 (2), pp. 209-226. (<http://eprints.lse.ac.uk/66531/1/Binder1.pdf>).
- Hope C., Penna D. (2021) Exclusive Poll: Conservative Red Wall MPs Could Be Swept Away by Wave of Tax Rise Anger. *The Telegraph*. 11 September 2021 (<https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/09/10/exclusive-poll-conservative-red-wall-mps-lose-seats-boris-johnsons/>).
- Johnson B. (2015) *Faktor Cherkillya. Kak jdin chelovek izmenil istoriyu* = The Churchill Factor: How One Man Made History (2014). Per. A.Galaktionov. Moscow: KoLibri. 448 p.
- Johnson B. (2006) *Have I Got Views For You*. New York: HarperPerennial. 320 p.
- Johnson B. (2011) *Johnson's Life Of London: The People Who Made The City That Made The World*. NY: Riverhead Books. 322 p.
- Johnson B. (2021) We are Injecting Funds to Restore Britain's Status as a Scientific Superpower. *The Telegraph*. 20 June 2021 (<https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/06/20/injecting-funds-restore-britains-status-scientific-superpower/>).
- Khesin E. (ed.) (2020) *Evropeiskiy Soyuz v mirovom hozyaystve: problemi konkurentosposobnosti* [The European Union in the World Economy: Competitiveness Issues]. Moscow: IMEMO RAS. 317 p.
- Kuznetsov A. (ed.) (2009) *Regionalnaya politika stran ES* [Regional Policy of EU Countries]. Moscow: IMEMO RAS. 230 p.
- Malnick E. (2021) 'Poll Tax 2.0' Will Harm Jobs and Families, Treasury's Ewn Experts Admit. *The Telegraph*. 11 September 2021 (<https://www.telegraph.co.uk/politics/2021/09/11/poll-tax-20-will-harm-jobs-families-treasurys-experts-admit/>).
- OBR (2021^a). Debt Maturity, Quantitative Easing and Interest Rate Sensitivity. March 3rd, 2021 (<https://obr.uk/box/debt-maturity-quantitative-easing-and-interest-rate-sensitivity/>).
- OBR (2021^b) Overview of the March 2021 Economic and Fiscal Outlook. March 3rd, 2021 (<https://obr.uk/overview-of-the-march-2021-economic-and-fiscal-outlook/>).
- ONS (2021^a) Coronavirus and the Impact on Output in the UK Economy: June 2021. Release date: 13 October 2021 (<https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/coronavirusandtheimpactonoutputintheukeconomy/latest>).
- ONS (2021^b) Earnings and employment from Pay As You Earn Real Time Information, UK: August 2021. Release date: 12 October 2021 (<https://www.ons.gov.uk/employmentandlabourmarket/peopleinwork/earningsandworkinghours/bulletins/earningsandemploymentfrompayasyouearnrealtimetypeinformationuk/latest>).
- ONS (2021^c) International Comparisons of GDP During the Coronavirus (COVID-19) Pandemic. Release date: 1 February 2021 (<https://www.ons.gov.uk/economy/grossdomesticproductgdp/articles/internationalcomparisonsofgdpduringthecoronaviruscovid19pandemic/2021-02-01>).
- ONS (2021^d) Public Sector Finances, UK: July 2021. 20 August 2021 (<https://www.ons.gov.uk/economy/governmentpublicsectorandtaxes/publicsectorfinance/bulletins/publicsectorfinances/july2021>).
- PM's Office (2020) PM: A New Deal for Britain. Press Release. 30 June 2020 (<https://www.gov.uk/government/news/pm-a-new-deal-for-britain>).
- TaxPayers' Alliance (2021) Briefing: Sustained Tax Burden at Highest Level since 1951 (https://www.taxpayersalliance.com/briefing_sustained_tax_burden_at_highest_level_since_1951).
- The Telegraph (2020) Boris Johnson Wants UK to be 'Saudi Arabia of Wind Power'. *The Telegraph channel*. 25 September 2020 (<https://www.youtube.com/watch?v=79DDaPM9w0I>).

Информация об авторе

Подколзина Инна Александровна, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра европейских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова РАН. Адрес: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 23. E-mail: inna.a.podkolzina@gmail.com

About the author

Inna A. Podkolzina, Candidate of Sciences (Economics), Senior Research Fellow, Center for European Studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science (IMEMO RAS). Address: 117997, Moscow, Profsoyuznaya Street, 23. E-mail: inna.a.podkolzina@gmail.com

Статья поступила в редакцию / Received: 22.09.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 18.10.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 21.10.2021

DOI: 10.31857/S086904990016102-4

Оригинальная статья / Original Article

История социальной политики в Великобритании¹

© В.А. ПОДОЛЬСКИЙ

Подольский Вадим Андреевич, Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва, Россия), deomniscibili@yandex.ru

Британия в XVII в. стала первой страной в мире с масштабной системой социальной поддержки, которая регулировалась на общегосударственном уровне. «Законы о бедных» 1601 г. и «Новые законы о бедных» 1834 г. подробно изучены и в зарубежной, и в отечественной науке, однако решения, которые предшествовали им, менее известны. Цель данной статьи – описать становление социальной политики в Великобритании до 1834 г., когда система помощи нуждающимся изменилась в соответствии с либеральной логикой минимального вмешательства государства. Данное исследование, опираясь на сравнительно-исторический подход и анализ правовых документов, показывает эволюцию институтов и практик социальной поддержки в стране. Британская социальная политика выросла из церковной и частной благотворительности, развиваясь на местном уровне по централизованно устанавливаемым правилам. Последовательное изложение истории социальной поддержки в Великобритании имеет ценность для изучения благотворительности, местного самоуправления и социальной политики.

Ключевые слова: социальная политика, законы о бедных, история Великобритании, рабочие дома, Реформация

Цитирование: Подольский В.А. (2021) История социальной политики в Великобритании // Общественные науки и современность. №5. С. 103-115. DOI: 10.31857/S086904990016102-4

History of Social Policy in Great Britain

© V. A. PODOLSKIY

Vadim A. Podolskiy, State Academic University for the Humanities (Moscow, Russia),
deomniscibili@yandex.ru

Abstract. In the XVII century Great Britain became the first country in the world with a full-scale system of social support, which was regulated at the state level. The “Old Poor Law” of 1601 and the “New Poor Law” of 1834 are well-studied in both foreign and Russian science, but the solutions that preceded them are less known. The aim of this study is to describe the development of social policy in Great Britain up to 1834, when the system of assistance to people in need was redesigned according to the liberal logic of minimal interference of the state. The article is based on comparative and historic approach and analysis of legal documents. It demonstrates the evolution of institutions and practices of social support in Great Britain. In this country social policy grew from church and private charity and developed at local level under centrally defined rules. Consistent presentation of social policy history in Great Britain is valuable for studies of charity, local self-government and social policy.

Keywords: social policy, poor laws, history of Great Britain, workhouses, Reformation

Citation: Podolskiy V. (2021) History of Social Policy in Great Britain. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 103–115. DOI: 10.31857/S086904990016102-4 (In Russ.)

Введение

Ранний период формирования британской системы социальной политики заслуживает внимания по трем основным причинам. Во-первых, обилие существующей литературы повышает ценность обобщающих, обзорных, сравнительных исследований. Тема «законов о бедных» хорошо известна и в британской, и в европейской, и в американской, и в российской науке, однако обычно авторы описывают либо только отдельные периоды, либо не затрагивают некоторые значимые нормы, например, введение десятины или создание первых работных домов в XVI в. В данной статье изложена история поддержки нуждающихся от средних веков до 1834 г., когда в стране пересмотрели отношение к социальной политике. Во-вторых, общегосударственные решения в Англии и Шотландии ввели в XVI в. почти одновременно со Священной Римской Империей и Францией и чуть позже, чем в ряде фламандских, немецких и французских городов. Однако именно английские «законы о бедных» 1601 г. стали основой для самого масштабного и системного комплекса поддержки нуждающихся данной эпохи. Британский опыт предопределил характер «государства всеобщего благосостояния», созданного в Европе в XX в., поэтому знакомство с ним представляет интерес при изучении социальной политики государства. В-третьих, в современной исторической и политической науке важно рассматривать ценностный аспект социальной политики. Период действия «старых законов о бедных» – время становления капиталистического формата организации экономики и эпоха существенных изменений социальных отношений, которые связаны с возникновением индивидуализма. Для формирования социальной политики важно согласовать представления об общем благе и идеи личной ответственности и независимости, так как данный вопрос влияет на сферу поддержки нуждающихся.

Отечественная наука обратила внимание на британскую систему поддержки нуждающихся еще в XIX в., о чем пишет О. В. Саламатова из Северного Федерального университета [Саламатова 2011]. В СССР данную тему активно изучали – отчасти благодаря вниманию

К. Маркса, который некоторое время жил в Лондоне, к положению рабочих в Британии. В постсоветский период выходило множество статей и монографий о раннем периоде истории социальной политики в Британии. И. Р. Чикалова из Белорусского государственного педагогического университета изучала социальные и экономические предпосылки возникновения социальной политики [Чикалова 2006]. О. Саламатова в своих работах описывает развитие системы попечения нуждающихся в годы действия «старых законов о бедных» и предпосылки их возникновения. Этические вопросы и восприятие проблемы нужды в Британии рассматривает Ю. Е. Барлова из Ярославского государственного педагогического университета [Барлова 2009; Барлова 2010]. В ее масштабной монографии [Барлова, 2018] также представлены источники по истории социальной политики, в том числе письма просителей. В совместной статье М.А. Гутиева из Горского государственного аграрного университета и Е. К. Склярова из Южного федерального университета [Гутиева, Склярова 2015] последовательно сравнивают меры двух стран. В своей докторской диссертации Склярова изучает влияние урбанизации в Британии на социальную политику [Склярова 2021].

Одним из первых британских исследований по ранней истории социальной политики в Британии считается трехтомное «Состояние бедных» Ф. Идена [Eden 1797], в которой автор впервые использовал массовые статистические данные из отчетов парламента и приходов. Самой крупной и важной работой можно назвать труд одного из реформаторов социального законодательства Дж. Николса [Nichols 1854^a, Nichols 1854^b]. К теме также обращались многие известные публицисты и историки в XIX–XX вв., такие как С. и Б. Вебб, Л. Барбара и Дж. Л. Хаммонд. Наиболее авторитетными современными исследователями считаются историки П. Слэк из Оксфорда [Slack 1990] и С. Кинг из Лейчестера [King 2018].

Принятые в 1834 г. «Новые законы о бедных» пересматривали существовавшие в Британии нормы и ужесточали условия предоставления помощи нуждающимся. Историю социальной политики в Великобритании до появления данного законодательства можно поделить на два неравных этапа. На первом этапе – от средних веков до XVI в. – поддержкой нуждающихся, образованием и здравоохранением, как и в других странах Европы, занималась церковь. На втором этапе (XVI–XIX вв.) основными акторами становятся государство и частные благотворители.

История социальной политики от средних веков до Реформации

Церковь занималась организацией социального служения за счет доходов с земель, пожертвований и десятины. В VIII–X вв. последняя постепенно стала обязательной, постановления об ее отмене в Ирландии и Шотландии выпустили лишь в XIX в., а в Англии – в 1936 г. [Tate 1969, 134-140]. Церкви и монастыри выдавали пищу и деньги бедным у своих ворот. В XI–XII вв. под эгидой церкви появились первые госпитали. Известный приют для душевнобольных «Бедлам», который назвали в честь Вифлеема, был основан в середине XIII в. [Warren 2000, 11-12]. Название «госпиталь» обычно предполагало формат приюта, но существовали и специализированные учреждения или отделения для больных и прокаженных.

Первые школы открылись при церкви в VI в. для подготовки священнослужителей [Curtis 1953, 2]. Ту же самую задачу выполняли созданные в XII–XIII вв. университеты Оксфорд и Кембридж [Curtis 1953, 58-59]. Школы грамоты, в которых детей учили латыни, начали появляться в XII в. [Curtis 1953, 19]. В XV в. были учреждены первые школы с проживанием для подготовки учеников к обучению в университетах. Наибольшую известность из них получил Итон [Curtis 1953, 27]. В 1496 г. в Шотландии принял Акт об образовании, который сделал обязательным обучение старших детей знати [Curtis 1953, 501]. Шотландия с XVI по XVIII вв. была мировым лидером по образованности населения.

В 1462 г. издали Королевскую хартию, которая разрешала деятельность гильдии бродбреев; они занимались также лечением больных и хирургией [Warren 2000, 19]. В 1511 г. появился акт Генриха VIII о терапевтах и хирургах, который разрешал вести медицинскую деятельность только тем, кто сдал экзамен. Экзамены проводили епископы при участии терапевтов и хирургов. Отдельным правом лицензирования обладали университеты Оксфорда и Кембриджа.

В 1515 г. в Манчестере создали первую бесплатную школу грамоты [Warren 2000, 20]. Впоследствии на средства состоятельных жертвователей их учредили по всей Англии [Curtis 1953, 39]. В 1518 г. по хартии Генриха VIII появилась Королевская коллегия терапевтов Лондона, которая стала выдавать лицензии на медицинскую деятельность по этой специальности [Warren 2000, 20].

До XVI в. законодательство в отношении бедных в Британии носило преимущественно репрессивный характер, как и в других странах Европы. После эпидемии чумы в стране наблюдался дефицит рабочих рук, поэтому акт Эдварда III «О рабочих» от 1349 г. запрещал давать подаяние трудоспособным нищим. Формально правило перестало действовать лишь в 1863 г. Также, согласно акту, все граждане моложе 60 лет обязаны были трудиться, была установлена фиксированная зарплата и запрет на завышение цен на продукты питания [Eden 1797, 35]. Законом 1388 г. было введено различие трудоспособных и нетрудоспособных бедных и обязанность «сотен», административных единиц страны, заботиться о своих бедных [Warren 2000, 16].

После того, как Англия была разорена в ходе войны Алой и Белой роз во второй половине XV в., в стране стояла проблема восстановления порядка. Бродяг воспринимали как угрозу, и в 1494 г. парламент принял Акт о бродягах и попрошайках. Мировые судьи, называвшиеся магистратами, получили право отправлять бездомных из других «сотен» в тюрьму, а затем изгонять из города в ту «сотню», к которой они принадлежали. Нетрудоспособным разрешали собирать милостыню в пределах своих сотен [Eden 1797, 80].

Реформация и создание «старых законов о бедных»

После конфликта Генриха VIII с римским престолом имущество католической церкви секуляризировали, а монастыри закрыли в 1536–1540 гг. Государство взяло на себя функцию попечения о бедных, а церковные приходы постепенно стали государственной административной единицей вместо «сотен». Некоторые приходы продолжили выделять средства на больницы, но часть из них содержали за счет казны.

В законе о бедных 1535 г. содержалось требование о том, чтобы все главы графств, городов, поселков, сотен, деревень и приходов выявляли пожилых и немощных нуждающихся, которые проживали на их территории в течение последних трех лет, и обеспечивали их содержание за счет добровольного подаяния, чтобы никто из них не был вынужден заниматься попрошайничеством. Также документ обязывал привлекать трудоспособных бродяг к постоянному труду и предоставлял местным властям полномочия отдавать детей от 5 до 13 лет в подмастерья [Warren 2000, 21]. Магистраты получили право еженедельно собирать средства на нищих с жителей прихода при поддержке церковных старост, а также распределять сборы и искать работу для бедных [Eden 1797, 104]. В Женеве при Ж. Кальвине использовали аналогичные меры, благодаря чему город первым в мире решил проблему крайней нужды [Pattison 2006, 139–140].

Королевский закон 1547 года вводил наказание в 2 года рабства за бродяжничество [Slack 1990, 18]. В 1552 г. приходы обязали регистрировать своих бедных, и содержание малоимущих возложили на приходские советы. Каждая административная единица должна была назначать двух сборщиков подаяний для помощи церковным старостам

и распределения средств среди зарегистрированных бедных. После службы на Троицу сборщики должны были просить прихожан еженедельно подавать на помощь бедным, а пасторы – убеждать прихожан помогать ближним. По королевскому указу 1562 г. те, кто отказывался давать средства на помощь бедным, должны были объясняться перед судьями [Warren 2000, 23-25].

В Англии использовали пример нидерландских работных домов – общежитий, постояльцы которых были обязаны работать. В 1552 г. в Лондоне создали первый работный дом Брайдвелл [Warren 2000, 21], после чего подобные учреждения некоторое время также называли «брайдвеллами».

Закон 1572 г. сделал сборы на бедных обязательными, уточнил ответственность приходов за обеспечение пожилых, немощных и больных неимущих. Бедных начали наказывать за отказ от работы за установленные законом суммы или от занятости, которую предоставлял надзиратель. В документе также был определен статус таких надзирателей, которые получили полномочия оценивать имущество жителей прихода для сбора средств [Warren 2000, 25]. Ими обычно были церковные старосты или землевладельцы, а иногда жители прихода попеременно. Надзиратель был обязан собирать средства и вести учет бедных в приходе для определения необходимой суммы сборов [Slack 1990, 18]. Церковных старост назначал викарий или избирал приход.

В 1576 г. закон о бедных разрешил графствам создавать исправительные дома для бродяг. Магистраты должны были за счет собираемых средств закупать для бедных сырье, чтобы те могли трудиться и отрабатывать получаемую помощь. В 1579 г. парламент Шотландии принял закон о наказании трудоспособных бедных и поддержке немощных [Warren 2000, 25].

В 1588 г. в порту города Четем учредили прообраз пенсионного фонда – «четемский сундук». моряки складывали в него деньги, а в случае, если кто-то из них становился инвалидом, офицеры могли выдать ему средства после проверки здоровья. Сундук во избежание злоупотреблений запирали на сложный замок, для открытия которого требовалось несколько ключей, распределенных среди офицеров. Фонд существовал более 200 лет до появления новых пенсионных схем в начале XIX в. [Hudson 2012, 229]. В 1593 г. Актом об обязательной помощи для солдат и моряков был введен еженедельный сбор на помощь больным, раненым и покалеченным солдатам и морякам с каждого прихода.

В 1597 г. Акт о сооружении больниц или богаделен и работных домов для бедных разрешил учреждать и возводить госпитали за счет благотворительных пожертвований при условии, что средств хватит для последующего финансирования работы госпиталя [Warren 2000, 27].

В «Законе о бедных» 1597 г. было консолидировано и расширено действие предыдущих правил, а также создан первый полный кодекс помощи бедным. Указы 1597 г. переиздали с поправками в 1601 г. под общим названием «Законы о бедных». Данное событие произошло в 43-й год правления королевы Елизаветы, из-за чего свод правил получил название «43-й Елизаветы». С 1601 по 1834 г. приняли несколько десятков королевских законов и актов парламента, которые носили разрешающий характер и не подлежали централизованному контролю.

«Законы о бедных» подтверждали статус прихода как административной единицы для помощи малоимущим, замену добровольного подаяния налогообложением и сборами на бедных, а также систему оценки собственности для определения уровня налога. Помимо прочего, помощь нуждающимся оплачивали за счет десятины и приходских штрафов. Раз в год приходской совет, который состоял из мировых судей, землевладельцев и иных налогоплательщиков прихода, собирался и устанавливал уровень сборов, а также назначал надзирателя для исполнения законов о бедных. Те, в свою очередь, собирали

и распределяли средства. Они были обязаны отдавать детей неимущих в подмастерья и предоставлять работу нуждающимся. Такие служащие отвечали за организацию и функционирование приютов для инвалидов, немощных, старых, слепых и других, кто был беден и не мог работать, не мог жить самостоятельно и о ком не могли заботиться родственники. Надзиратели заключали от имени прихода контракты с врачами о предоставлении медицинских услуг нуждающимся [Slack 1990, 128]. Номинально высшим органом в системе законов о бедных был Тайный Совет, в который судьи должны были отправлять отчеты [Warren 2000, 27], но фактически администрирование до XIX в. осуществляли почти исключительно на местном уровне. На ежеквартальных заседаниях мировые судьи лишь проверяли отчеты по сборам на бедных [Nichols 1854^a, 194-197]. Сборы в Англии и Шотландии существовали более 300 лет, вплоть до 1929 г., когда их заменили налогом местных советов [Brundage 2002, 152].

Социальная политика в XVII веке

То, как законы о бедных применяли на практике, зависело от особенностей прихода. Многие из них не делали ничего, а законы применяли лишь во время кризисов, когда обычных подаяний уже не хватало. Неимущие переходили из прихода в приход в надежде получить более щедрую помощь. Проблема особенно обострилась из-за разорения страны после гражданской войны 1640-х гг. [Барлова 2009, 301]. В 1662 г. был издан акт парламента об оседлости, который постановил прикреплять жителей к приходам либо по месту рождения, либо по месту, где они проживали последний год. Оседлость с 1662 г. определяли по факту аренды жилья стоимостью не менее 10 фунтов ежегодно, присутствия в течение 40 дней в приходе без жалоб, для женщин – по приходу, к которому принадлежал их супруг [Nichols 1854^a, 294-296]. Акт об оседлости 1662 г. дал церковным старостам и надзирателям право с одобрения мировых судей выдворять бедных из других приходов, которые обращались за вспомоществованием [Warren 2000, 31]. Бродяг наказывали и высылали, в том числе в Америку. В 1672 г. шотландский парламент возложил на судей ответственность за содержание исправительных домов для попрошайек, бродяг и праздных лиц [Warren 2000, 31].

В 1691 г. парламент Англии принял закон, согласно которому для организации помощи нуждающимся должны были составлять список получателей. Их утверждало собрание налогоплательщиков. Без одобрения старост или мировых судей помощь не предоставляли. Расходы на бедных фиксировали в отчетах надзирателей, церковных старост, приходских советов [Nichols 1854^a, 343].

Уже в актах XVII в. появилось разделение на «помощь в работном доме» и «помощь вне работного дома». Обычно средства неимущим выдавали за пределами данного учреждения, особенно в периоды сезонной безработицы и для детей и немощных. Суммы были минимальными – от 5% до 15% от средней зарплаты [Lindert 1998, 114] – поскольку предполагалось, что бедных могли поддерживать родственники. Просители, которых считали «заслуживающими», получали дополнительную помощь – одежду, топливо, табак [Brundage 2002, 14].

В XVII в. в Англии за счет денег разбогатевших торговцев и промышленников, а также средств, оставленных на благотворительность в завещаниях, массово возникали частные фонды. Они содержали богадельни, госпитали, школы грамоты, общественные библиотеки и университетские стипендии, поддерживали подмастерьев и заключенных. Формировались первые дружеские сообщества, которые выполняли функцию медицинского, имущественного и пенсионного страхования [Slack 1990, 51].

В 1616 г. Тайный совет Шотландии издал акт, согласно которому каждый приход должен был учредить школу. В 1633 г. парламент Шотландии ввел налог на землев-

ладельцев, средства от которого направляли на финансирование учебных заведений. С 1696 г. в каждом приходе Шотландии появилась должность ответственного за школы [Curtis 1953, 512]. В 1698 г. в Англии создали «Общество распространения христианского знания», и в XVIII в. оно стало одним из наиболее активных участников развития школьного образования в Британии. К 1750-м гг. общество создало 2 тыс. школ, в которых училось 50 тыс. человек [Curtis 1953, 192-193].

Многие приходы Англии не могли позволить себе строительство и содержание работного дома. В 1696 г. приходы Бристолья объединились, чтобы совместно финансировать организацию помощи бедным, а парламент принял акт, который узаконил данную практику [Nichols 1854^a, 373]. В дальнейшем союзы приходов для исполнения закона о бедных утверждал парламент, и к 1834 г. было создано около 70 таких объединений [Fraser 2009, 42]. Принятый в 1697 г. акт об оседлости содержал требование, чтобы новый житель прихода предъявлял письменную гарантию от своего прихода, что его заберут обратно, если жителю потребуется помощь по закону о бедных [Slack 1990, 36] – в противном случае надзиратели могли выслать его из «чужого» для него прихода. Неимущие и их семьи должны были носить значок с буквой P и первой буквой названия их прихода, иначе им могли отказать в помощи, подвергнуть заключению, телесному наказанию или привлечь к тяжелому труду [Nichols 1854^a, 359-360]. Данное правило было отменено лишь в 1810 г. [Nichols 1854^b, 145].

Социальная политика в XVIII веке – начале XIX века

Акт парламента 1723 г., который известен по имени его инициатора лорда Начбулла, вводил рекомендацию приходам строить или арендовать работные дома [Fraser 2009, 42]. Закон наделял надзирателей правом отказывать в помощи тем, кто не желал поступать в данные заведения. Всего в Британии с XVI по XIX в. было построено порядка 2 тыс. работных домов приблизительно на 100 тыс. человек [Williams 2016, 232]. На протяжении длительного времени такие учреждения не разделяли их обитателей по возрасту, обслуживающего персонала в них не было. Они могли принадлежать приходам или частным собственникам, тогда бедных направляли в них как рабочую силу. Работного дома боялись по ряду причин. Он означал утрату свободы, унижение и разделение семей. Семьи пожилых получателей помощи не разделяли, из-за чего бедные зачастую завывали свой возраст при поступлении в работный дом. Работные дома имели вид тюремного учреждения, за что их прозвали «бастилиями». Персонал был грубым, так как для работы в таких заведениях набирали бывших военных, которые без симпатии относились к их обитателям. В работных домах соблюдали строгий и невыносимый распорядок, питание было скудным и некачественным. Их постояльцы были заняты тяжелым трудом – дробили кости на удобрения, обрабатывали камни для мостовых, щипали паклю. Трупы бедных направляли в школы для врачей [Brundage 2002, 78-81].

Акт 1729 г. возлагал расходы на выдворение бедняка на приход, из которого происходил проситель. Согласно акту 1732 г., мать незаконнорожденного ребенка обязана была назвать имя его отца, которого после этого надлежало заключить в тюрьму, если он отказывался взять на себя ответственность и избавить приход от расходов на содержание ребенка. Однако запрещалось выдворять беременных. В 1743 г. приходы обязали вести отчетность в надлежащем виде. Была введена награда за задержание бродяг и штраф за их укрывательство [Tate 1969, 193]. Незаконнорожденные дети с 1743 г. получили статус жителя не в приходе, где они родились, а в приходе их матерей. Ранее беременных перенаправляли из одной общины в другую, чтобы не тратить средства на ребенка. Детей либо передавали приемной семье, либо направляли в работный дом. В некоторых случаях более дешевым вариантом было отдать ребенка в подмастерья – нередко без учета мнения родителей.

Приходы доплачивали мастерам, которые брали детей на работу, условия их содержания власти не контролировали, что вело к сверхсмертности [Brundage 2002, 13-16].

В XVIII в. массово появлялись благотворительные больницы [Slack 1990, 51]. В конце столетия на местном уровне появились первые советы по здравоохранению из добровольцев, которые координировали медицинскую помощь и следили за соблюдением санитарии [Warren 2000, 47], а приюты для душевнобольных отделили от богаделен [Brundage 2002, 121]. В 1774 г. парламент принял акт, который устанавливал правила содержания таких учреждений [Warren 2000, 43]. В 1807 г. особая комиссия парламента рекомендовала учреждать приюты для душевнобольных в каждом графстве [Warren 2000, 50]. В начале XIX в. законодатели принимали различные частные акты о строительстве и содержании больниц [Гутиева, Склярова 2015, 15]. В 1815 г. введено лицензирование аптекарей Обществом аптекарей [Warren 2000, 51]. В начале XIX в. появились первые сберегательные банки [Nichols 1854^b, 204].

В конце XVIII – начале XIX вв. в Британии сформировалось евангелистское движение, целью которого стало распространение религиозного просвещения – в том числе для улучшения нравственности и трудовой этики рабочего класса. В 1785 г. появился союз воскресных школ [Warren 2000, 45]. К 1803 г. количество таких школ превысило 7 тыс., в них училось более 800 тыс. человек, то есть больше трети детей школьного возраста [Curtis 1953, 199]. В 1818 г. благотворители создали союз бесплатных «Школ для бедных» [Curtis 1953, 219]. Государственные нормы в сфере образования вплоть до конца XIX в. носили косвенный характер: так, в рамках «фабричных законов» 1833 г. власти ввели ограничения на необходимый уровень образования работников, чтобы побуждать родителей отдавать детей в школы [Curtis 1953, 242].

В 1782 г. был принят акт Гильберта, который отменил проверку на нуждаемость работным домом. Также в подобных учреждениях стали предоставлять помощь нетрудоспособным по старости или болезни. Тем неимущим, которые могли трудиться, подыскивали работу или оказывали вспомоществование вне работного дома. Детей младше 7 лет перестали разлучать с родителями [English Historical Documents 1957, 285-290], а для ухода за сиротами и больными нанимали женщин. Бедных посылали в работные дома не далее чем в 10 милях от их жилья [Nichols 1854^b, 91-97]. Надзирателей заменили на назначаемых магистратами попечителей, которые получали зарплату. Церковных старост обязали вести учет информации о приходской благотворительности [Brundage 2002, 21].

Статут 1795 г. запретил принудительно отправлять бедняка в его приход до того, как он затребует вспомоществование [Nichols 1854^b, 462]. Судьи могли приостанавливать выдворение больных. Счета за «чужих» бедных направляли в их приход [Brundage 2002, 26-28].

В 1795 г. в приходе Спин графства Беркшир мировые судьи решили организовать доплаты рабочим из сборов на бедных по формуле, которая зависела от стоимости зерна. Данная система, которая получила название «спинхемлендской», распространилась в южной Англии и привела к тому, что работодатели специально платили своим работникам меньше, чтобы те получали деньги из сборов на бедных. Численность получателей помощи возросла, а их мотивация к труду снизилась [Brundage 2002, 56-57].

Важным фактором в становлении социальной политики в Британии был процесс огораживаний, которые производили для увеличения площадей под выпас овец. Их шерсть использовали для производства тканей, экспортируемых из Британии. Доходы от торговли существенно превышали плату крестьян за пользование землей. В конце XVIII в. процесс огораживания ускорился, поскольку изобретение новых машин, а именно челнока Дж. Кея в 1733 г., прядильной машины Дж. Харгривса в 1765 г., парового двигателя Дж. Уатта в 1782 году, механического ткацкого станка Э. Карпайта в 1785 г., существенно повысило производительность труда. Ремесленники не могли конкурировать

вать с новыми фабриками, а выселяемые с земли крестьяне теряли возможность обеспечивать себя самостоятельно и с трудом приспособлялись к крайне тяжелым условиям работы на фабриках, где рабочий день мог превышать 12 часов [Чикалова 2006, 502]. В XVIII – начале XIX вв. чрезвычайно быстро увеличивалась численность населения: если в 1700 г. в Англии и Уэльсе проживало около 5 млн человек, то в 1800 г. – уже 9 млн, а в 1830 г. – 14 млн [Барлова 2009, 73-75]. Рабочих на рынке труда становилось все больше, и зарплаты падали или не увеличивались с конца XVIII и вплоть до середины XIX в. Одновременно быстро возрастало богатство торговцев и промышленников. Снижился средний уровень грамотности рабочих [Harris 2004, 37-38]. Сокращалась длительность контрактов, рабочим перестали предоставлять жилье за счет работодателя, разрушался патриархальный уклад. Ухудшилась трудовая этика рабочих: высшие классы считали их ленивыми, а помощь по закону о бедных воспринимали как нарушение правил рынка, истощение «фонда зарплат». Элита испытывала опасения по поводу их революционного потенциала, к тому же в страну после войны с Францией возвращались солдаты [Brundage 2002, 39-44]. Для противодействия атеизму французской революции элиты стремились поддерживать христианский дух, для чего магистраты-клирики англиканской церкви раздавали больше средств нуждающимся [Brundage 2002, 25]. Также в XIX в. активно развивалась благотворительность, организации предоставляли бедным пищу, одежду, медицинские услуги, образование.

С 1776 (когда в стране начали вести системную статистику по расходам на бедных) по 1803 г. объем помощи по «законам о бедных» возрос втрое, с 1,5 млн фунтов до 4,2 млн. Показатель продолжал расти до 1830-х гг., превысив 7 млн фунтов [Nichols 1854^b, 465-466], но численность бедных не уменьшалась. Суммарные расходы на помощь бедным в Англии в эпоху «старых законов о бедных» историки оценивают в 1–2,5% ВВП [Lindert 1998, 114]. Общее количество получателей помощи сильно разнилось по стране в XVIII – начале XIX вв., но в среднем 20% населения запрашивало поддержку, а получали ее 10% [Nichols 1854^b, 465-466]. В некоторых районах уровень был гораздо выше, например, в Ноттингемшире, где происходили луддитские волнения, а средства получали до половины жителей [Peel 1888, 27].

В 1832 г. была организована королевская комиссия по закону о бедных, в которую входили экономист У. Нассау-старший и утилитарист-реформатор Э. Чадвик [Harris 2004, 52-53]. Комиссия провела опрос об исполнении «старых законов о бедных» во всех приходах страны и пришла к выводу, что существующий порядок вреден как для финансов страны, так и для трудовой этики рабочих [Барлова 2010, 30]. Доклад комиссии стал основанием для принятия в 1834 г. «Новых законов о бедных», которые существенно ужесточили предоставление помощи в логике «меньшей приемлемости»: суммы пособий должны были заведомо уступать зарплатам от любой работы, а условия для их получения должны были быть сложнее. Власти запретили поддерживать трудоспособных бедных вне рабочих домов [Harris 2004, 52-53]. Нуждающимся, в соответствии с логикой *laissez-faire* либерализма и индивидуальной ответственности, предложили избегать вредных привычек, экономить, сберегать, рассчитывать на собственные силы и трудолюбие для улучшения своего материального положения. Государственное вмешательство считалось вредным. Расходы на малоимущих благодаря новым мерам сократились почти вдвое, с 7 до 4 млн фунтов в год [Nichols 1854^b, 465-466]. Общественные и парламентские дебаты по поводу экономической, социальной и моральной справедливости и целесообразности «новых законов о бедных» продолжались на протяжении всего XIX в. и существенно повлияли на политику, культуру и социальную философию в Британии.

Заключение

Церковь была основным организатором социальной поддержки в Британии (как и в других странах Европы) в период до Реформации. Десятина обеспечивала ресурсы для помощи неимущим в виде пищи, одежды, денег, медицинских услуг, крова и образования. Также нуждающиеся жители страны могли получать милостыню или иную помощь от благотворителей. Первые законы о бедных возникли в эпоху после чумы, «черной смерти», и были направлены на решение проблемы дефицита рабочей силы. Бродяг воспринимали как угрозу и жестоко преследовали.

После Реформации государство передало местным властям функции попечения, которые ранее выполняла католическая церковь. Британская система отчасти воспроизводила те решения, которые принимали в городах континентальной Европы в начале XVI в. Работные дома существовали в Нидерландах, а сбор помощи на уровне города силами муниципальных властей и запрет на попрошайничество были распространены в Германии. Если Женева при Ж. Кальвине стала первым городом, который успешно решил проблему массовой бедности, то именно британские «законы о бедных» стали первой в мире общегосударственной схемой поддержки нуждающихся, распространив принципы христианской этики помощи нуждающимся на всю страну. В XVI в. государство ввело сборы на бедных как источник финансирования, который дополнил и иногда замещал десятину. Отношение к нищим постепенно становилось мягче и переходило в категории заботы и ответственности, а не только наказания. Происходила данная трансформация в том числе благодаря распространению идей феодального патернализма и религиозного долга. В Британии стали появляться школы и больницы, которые поддерживала не только церковь, но и частные благотворители. В XVIII в. возникли общества взаимопомощи и система страхования. Передовым для того времени был опыт организации массового образования в Шотландии.

Масштабные изменения в структуре экономики из-за промышленной революции и быстрого роста населения привели к тому, что в конце XVIII – начале XIX вв. сборы на бедных стали увеличиваться, а старая система перестала справляться с новыми вызовами. Трансформация 1834 г. должна была гарантировать финансовую устойчивость сборов на бедных, сохранив защиту от крайней нужды. Получение помощи при этом ассоциировалось с унижением, жители страны не могли существовать, опираясь исключительно на нее, и к поддержке государства прибегали лишь наиболее нуждающиеся слои населения. Большинству предлагали обращаться на рынок труда и обеспечивать себя собственными силами в соответствии с либеральной логикой невмешательства государства и личной ответственности – или рассчитывать на частную благотворительность. Идея «меньшей приемлемости» помощи стала основанием для многих решений в США. Также Америка переняла из Британии традицию финансировать общественные учреждения из частных средств.

Ранняя система социальной политики в Великобритании совмещала идеи об общем благе и личной ответственности получателей помощи. Обеспечение выплат нуждающимся из сборов, в противоположность гильдейскому по происхождению принципу страхования, заложило основания для социального государства в современном смысле. Практику объяснения расходов при уплате налогов и источников выплаты при получении пособий, внимание к проблемам получателей помощи, личный контакт, учет материального положения при предоставлении мер поддержки, а также широкие полномочия местных властей можно назвать наиболее ценными методами раннего периода социальной политики в Великобритании, которые применяют и в современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барлова Ю.Е. (2009) Система социальной помощи в Англии XVII – первой половины XIX вв. и конструирование нарративов о «старом законодательстве о бедных» // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. №28. С. 297–318.

Барлова Ю.Е. (2010) Английское законодательство о бедных в XVIII – первой половине XIX века // Ярославский педагогический вестник. №3. С. 27–31.

Барлова Ю.Е. (2018) Помогать нельзя наказывать, терпеть нельзя просить? Бедность и помощь нуждающимся в социокультурном пространстве Англии Нового времени. СПб.: Алетейя. 244 с.

Гутиева М.А., Склярова Е.К. (2015) Сравнительный анализ социальных реформ России и Великобритании в первой половине XIX века // Гуманитарные и социальные науки. №1. С. 14–23.

Саламатова О.В. (2011) Английское законодательство о бедных в русской научной и общественной мысли конца XIX – начала XX вв. // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. № 2. С. 7–13.

Склярова Е.К. (2021) Становление социальной политики Великобритании в эпоху урбанизации в первой половине XIX века: дисс. доктора исторических наук. ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет». Ставрополь. 430 с.

Чикалова И.Р. (2006) У истоков социальной политики государств западной Европы // Журнал исследований социальной политики. №4. С. 501–504.

Brundage A. (2002) *The English Poor Laws, 1700–1930*. New York: Palgrave Macmillan. 186 P.

Curtis S.J. (1953) *History of Education in Great Britain*. London: University Tutorial Press. 643 P.

Eden F.M. (1797) *The State of the Poor: or, an History of the Laboring Classes in England, from the Conquest to the Present Period*. In 3 vols. Vol. 1. London: J. Davis. 632 P.

English Historical Documents (1957). In 12 vol. Vol. 7. 1714–1783. Ed. by Horn D.B. New York.: Oxford University Press. 972 P.

Fraser D. (2009) *The Evolution of the British Welfare State*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 435 P.

Harris B. (2004) *The Origins of the British Welfare State. Social Welfare in England and Wales, 1800–1945*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 403 P.

Hudson G. (2012) *The Relief of English Disabled Ex-Sailors, c. 1590–1680. The Social History of English Seamen, 1485–1649*. Ed. by Fury C. Woodbridge: Boydell & Brewer. P. 229–252.

King S. (2018) *Writing the Lives of the English Poor, 1750s-1830s*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 464 P.

Lindert P.H. (1998) *Poor Relief before the Welfare State: Britain versus the Continent, 1780–1880*. *European Review of Economic History*. Issue 2. P. 101–140.

Nichols G. (1854a) *A History of the English Poor Law, in Connexion with the Legislation and Other Circumstances Affecting the Condition of the People*. In 2 vols. Vol. 1. London: John Murray. 408 P.

Nichols G. (1854b) *A History of the English Poor Law, in Connexion with the Legislation and Other Circumstances Affecting the Condition of the People*. In 2 vols. Vol. 2. London: John Murray. 467 P.

Pattison B.L. (2006) *Poverty in the Theology of John Calvin*. Eugene: Wipf and Stock Publishers. 392 P.

Peel F. (1888) *The Risings of the Luddites, Chartists & Plugdrawers*. Heckmondwike: Senior and Co. Printers. 366 P.

Slack P. (1990) *The English Poor Law, 1531–1782*. Basingstoke: Macmillan. 79 P.

Tate W.E. (1969) *The Parish Chest. A Study of the Records of Parochial Administration in England*. Cambridge: Cambridge university press. 369 P.

Warren M.D. (2000) *A Chronology of State Medicine, Public Health, Welfare and Related Services in Britain 1066–1999*. London: Faculty of Public Health Medicine of the Royal Colleges of Physicians. 383 P.

Williams K. (2016) *From Pauperism to Poverty*. London: Taylor and Francis. 397 P.

REFERENCES

Barlova Yu.Ye. (2009) *Sistema sotsialnoy pomoshchi v Anglii XVII – pervoy poloviny XIX vv. i konstruirovaniye narrativov o «starom zakonodatelstve o bednykh»* [System of the Social Assistance in England in the XVII – First Half of the XIX Century and Construction of the Narrative on the “Old Poor Laws”]. *Dialogue with time. Almanac of the intellectual history*. no. 28, pp. 297–318.

Barlova Yu.Ye. (2010) Angliyskoye zakonodatelstvo o bednykh v XVIII – pervoy polovine XIX veka [English Poor Laws in the XVIII – First Half of the XIX Century]. *Yaroslavl pedagogic herald*. no. 3, pp. 27–31.

Barlova Yu.Ye. (2018) *Pomogat nelzya nakazyvat, terpet nelzya prosit? Bednost i pomoshch nuzhdayushchimsya v sotsiokulturnom prostranstve Anglii Novogo vremeni* [Help not Punish, Tolerate not Forgive? Poverty and Relief for the People in Need in the Social and Cultural Space of England in Modern history]. Sankt-Petersburg: Aleteyya. 244 p.

Gutyeva M.A., Sklyarova Ye.K. (2015) Sravnitelnyy analiz sotsialnykh reform Rossii i Velikobritanii v pervoy polovine XIX veka [Comparative Analysis of the Social Reforms in Russia and Great Britain in the First Half of the XIX Century]. *Humanities and social sciences*. no. 1, pp. 14–23.

Salamatova O.V. (2011) Angliyskoye zakonodatelstvo o bednykh v russkoy nauchnoy i obshchestvennoy mysli kontsa XIX – nachala XX vv [English Poor Laws in Russian Scientific and Social Thought in the End of the XIX – Beginning of the XX Century]. *Herald of the Pomor university. Series: Humanities and social sciences*. no. 2, pp. 7–13

Sklyarova Ye.K. (2021) Stanovleniye sotsialnoy politiki Velikobritanii v epokhu urbanizatsii v pervoy polovine XIX veka [Development of the Social Policy in Great Britain in the Time of Urbanisation in the First Half of the XIX Century]: doctoral thesis on history. Northern Caucasus Federal university. Stavropol. 430 p.

Chikalova I.R. (2006) U istokov sotsialnoy politiki gosudarstv zapadnoy Yevropy [The Origins of the Social Policy of the Countries in the Western Europe]. *The Journal of Social Policy Studies*. no. 4, pp. 501–504.

Brundage A. (2002) *The English Poor Laws, 1700–1930*. New York: Palgrave Macmillan. 186 p.

Curtis S.J. (1953) *History of Education in Great Britain*. London: University Tutorial Press. 643 p.

Eden F.M. (1797) *The State of the Poor: or, an History of the Laboring Classes in England, from the Conquest to the Present Period*. In 3 vols. Vol. 1. London: J. Davis. 632 p.

English Historical Documents (1957). In 12 vol. Vol. 7. 1714–1783. Ed. by Horn D.B. New York: Oxford University Press. 972 p.

Fraser D. (2009) *The Evolution of the British Welfare State*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 435 p.

Harris B. (2004) *The Origins of the British Welfare State. Social Welfare in England and Wales, 1800–1945*. Basingstoke: Palgrave Macmillan. 403 p.

Hudson G. (2012) The Relief of English Disabled Ex-Sailors, c. 1590–1680. *The Social History of English Seamen, 1485–1649*. Ed. by Fury C. Woodbridge: Boydell & Brewer. pp. 229–252.

King S. (2018) *Writing the Lives of the English Poor, 1750s–1830s*. Montreal: McGill-Queen's University Press. 464 p.

Lindert P.H. (1998) Poor Relief before the Welfare State: Britain versus the Continent, 1780–1880. *European Review of Economic History*. Issue 2, pp. 101–140.

Nichols G. (1854a) *A History of the English Poor Law, in Connexion with the Legislation and Other Circumstances Affecting the Condition of the People*. In 2 vols. vol. 1. London: John Murray. 408 p.

Nichols G. (1854b) *A History of the English Poor Law, in Connexion with the Legislation and Other Circumstances Affecting the Condition of the People*. In 2 vols. vol. 2. London: John Murray. 467 p.

Pattison B.L. (2006) *Poverty in the Theology of John Calvin*. Eugene: Wipf and Stock Publishers. 392 p.

Peel F. (1888) *The Risings of the Luddites, Chartists & Plugdrawers*. Heckmondwike: Senior and Co. Printers. 366 p.

Slack P. (1990) *The English Poor Law. 1531–1782*. Basingstoke: Macmillan. 79 p.

Tate W.E. (1969) *The Parish Chest. A Study of the Records of Parochial Administration in England*. Cambridge: Cambridge university press. 369 p.

Warren M.D. (2000) *A Chronology of State Medicine, Public Health, Welfare and Related Services in Britain 1066–1999*. London: Faculty of Public Health Medicine of the Royal Colleges of Physicians. 383 p.

Williams K. (2016) *From Pauperism to Poverty*. London: Taylor and Francis. 397 p.

Информация об авторе

Подольский Вадим Андреевич, кандидат политических наук, доцент факультета политологии, Государственный академический университет гуманитарных наук. Адрес: Мароновский переулок, д. 26, Москва, 119049. E-mail: deomniscibili@yandex.ru

About the author

Vadim A. Podolskiy, Candidate of Sciences (Politics), Associate Professor, Faculty of Political Science, State Academic University for the Humanities. Address: 119049, Moscow, Maronovsky sidestreet, 26. E-mail: deomniscibili@yandex.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 30.07.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 21.10.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 23.10.2021

DOI: 10.31857/S086904990015733-8

ТЕХНОЛОГИЯ ВОЙНЫ TECHNOLOGY OF WAR

Оригинальная статья / Original Article

Специфика и акторы войны с использованием дронов

© Н.А. БАЛАКЛЕЕЦ

Балаклеец Наталья Александровна, Самарский государственный технический университет (Самара, Россия), bnatalja@mail.ru

В статье раскрываются особенности современных военных конфликтов, в которых используют беспилотные летательные аппараты (дроны). Автор прослеживает пути трансформации идентичности бойцов, которые участвуют в высокотехнологичных войнах. Если идентичность комбатантов конвенциональных войн можно описать с помощью структуры «убивающий-убиваемый», то постгероическое военное насилие с использованием дронов приводит к формированию расколота идентичности с надежно защищенным от смертельных рисков и угроз комбатантом с одной стороны и с его беззащитной жертвой – с другой. Рассматриваются черты паноптического надзора, который осуществляют с помощью дронов. Показано, что современная война переходит в фазу беспрецедентного асимметричного противостояния, которое нельзя преодолеть исключительно техническими средствами.

Ключевые слова: война, дроны, постгероическое общество, паноптизм, асимметричный вооруженный конфликт, вооруженное насилие, идентичность бойца

Цитирование: Балаклеец Н.А. (2021) Специфика и акторы войны с использованием дронов // Общественные науки и современность. № 5. С. 116–128. DOI: 10.31857/S086904990015733-8

Specifics and Actors of the Drone Warfare

© N. BALAKLEETS

Natalia A. Balakleets, Samara State Technical University (Samara, Russia), bnatalja@mail.ru

Abstract. The article reveals the features of modern military conflicts waged with the use of unmanned aerial vehicles (drones). The author traces the transformation of identity of fighters participating in high-tech wars. While the identity of combatants in conventional wars can be described with “killing-being killed” structure, post-heroic drone warfare leads to the formation of a split identity: on the one hand, a combatant reliably protected from mortal risks and threats, on the other hand – his defenseless victim.

The author also studies the features of panoptic surveillance carried out with the drones. It is shown that modern war is entering the phase of unprecedented asymmetric confrontation, which cannot be overcome solely by technical means.

Keywords: war, drones, post-heroic society, panoptism, asymmetric armed conflict, armed violence, fighter's identity

Citation: Balakleets N. (2021) Specifics and Actors of Drone Warfare. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no.5, pp. 116–128. DOI: 10.31857/S086904990015733-8 (In Russ.)

Современные войны и вооруженные конфликты характеризуются неоднородностью задействованных в них участников и технических средств. Тем не менее, за данным многообразием обнаруживается четкая тенденция деантропологизации войн, которая проявляется в делегировании комбатантами своих функций «умному» оружию. Так называемые постгероические общества [Люмтвак 2012, 11-12], [Münkler 2007], [Мюнклер 2018, 156-192] отказываются от массового рекрутирования солдат на поля сражений и стремятся к решению политических конфликтов с помощью бескровных для себя (но не для своих противников) способов.

В рамках развития постгероической войны в повседневную боевую практику внедряют беспилотные летательные аппараты (дроны), которые провоцируют целый комплекс проблем – от сугубо технологических, которые связаны с трудностями разработки и эффективного использования нового вида оружия, до морально-этических, которые сопряжены с оценкой вооруженного насилия с использованием дронов через призму критериев справедливой войны.

Данная статья ставит перед собой цель исследовать особенности и перспективы военных действий с применением БПЛА, что предполагает их сравнение с традиционными технизированными войнами. Особое внимание уделяется раскрытию философско-антропологических, социальных и этических аспектов внедрения дронов в современную военную практику. В статье раскрывается, как использование дистанционно управляемого оружия трансформирует способы осуществления военной разведки и приемы ведения военных действий, а также разрушает традиционную идентичность бойцов.

Идентичность бойца: убийца и убиваемый

Солдат на войне выступает в двух ипостасях: он одновременно убивающий и убиваемый. Выражаясь словами одного из армейских офицеров, эту мысль можно сформулировать так: «для солдата, который сражается в условиях классической войны, вопрос о том, убивает он или убивают его, поставлен неправильно. Ибо человек на фронте живет в длительном состоянии самообороны. Он убивает, и его убивают» [Kühne 2004, 45]. Если из солдатского *modus vivendi* будет исключена первая ипостась – убивающего – он станет беззащитной жертвой, лишенной возможности для самообороны. Если же исключить вторую ипостась, солдат превратится в циничного и беззащитного убийцу. Возможность и право убивать на войне санкционированы готовностью пожертвовать собственной жизнью.

Раскол двойственной идентичности бойца возможен, на взгляд автора, как в условиях самой войны (*in bello*), так и при выстраивании дискурса о войне (*ante bellum* или *post bellum*). В ситуации *in bello* идентичность бойцов расщепляется из-за крайней степени асимметрии воюющих сторон, которая обусловлена разным уровнем их технической оснащенности и боевой подготовки. В ситуациях *ante bellum* или *post bellum* создаются дискурсы о военных событиях, которые раскалывают двойственную идентичность бой-

цов. С одной стороны, данный раскол происходит при виктимизации комбатантов, когда акцент делают на их страданиях и насильственной смерти (подобная виктимизация, как будет показано далее, связана с героизацией воина, жертва которого добровольна). С другой стороны, двойственная идентичность бойца разрушается при демонизации солдат и военачальников враждебной или собственной армии и разоблачении героических мифов, которые некогда служили важнейшим ментальным источником и стимулом военной деятельности [Hüppauf 1993, 43]. Дегероизация и демифологизация войны (даже оборонительной) приводит к ее интерпретации как преступного деяния – в указанном случае конститутивными событиями нарративов о войне оказываются исключительно акты насилия и убийства, которые вершатся ее участниками. В данной связи уместно вспомнить о знаменитом антимилитаристском высказывании К. Тухольского «солдаты – убийцы», которое применяется ко всем комбатантам и вскрывает насильственный и преступный характер абсолютно любой войны [Kühne 2004, 16].

Героический дискурс, который выстраивают, как правило, после смерти воина, делает акцент на его роли жертвы – человека, добровольно положившего свою жизнь на алтарь Отечества. Одновременно за скобки выносят те ситуации, в которых героизируемый солдат выступал в роли убийцы, возможно, нанося немало кровавых ударов противнику, и становился виновником многочисленных страданий не только вражеских комбатантов, но и гражданского населения противоборствующего государства. Для воюющего солдата смерть и страдания собственных товарищей по армии приобретают драматический оттенок и романтический ореол, тогда как страдания врага расценивают как морально оправданные, вызывающие чувство удовлетворения, или же вовсе игнорируют. Тем самым «человечность» как качество солдата, которое включает в себя восприимчивость к страданиям, боли, душевным переживаниям, закрепляется за товарищами по армии. Враг, напротив, обесчеловечивается. Такое обесчеловечивание наиболее свойственно технизированной войне, когда противник становится, по выражению Э. Юнгера, «невидимым врагом», роль которого зачастую сводится к управлению военной техникой и дистанционному ведению боя.

Как отмечает Н.А. Бердяев: «Враг есть существо, наиболее превращенное в объект, т.е. наиболее разобщенное. Воевать только и можно с объектом, с субъектом нельзя воевать» [Бердяев 1952, 136]. Развивая данную мысль, отметим, что объектом враг на войне выступает в двух аспектах. Во-первых, превращение врага в объект происходит в результате действия психологической установки солдата, которая предполагает взращивание в себе чувства превосходства, безжалостности или ненависти к своему противнику. Подобная субъективная установка по отношению к противнику, связанная с его обесчеловечиванием, направлена на то, чтобы видеть в нем исключительно мишень для убийства и потенциального убийцу, отсекая все остальные предикаты. Реалии войны требуют от ее участников преодолевать нормы гражданской морали, которая налагает запрет на убийство. То, что порицается в гражданском обществе, в сообществе военных становится императивом: «очень сложное искусство войны есть все-таки искусство убивать» [Бердяев 1952, 127]. Во-вторых, превращению врага в объект способствует военная техника, которая, увеличивая дистанцию между противниками на поле боя, затрудняет или делает невозможной коммуникацию между ними. Тем самым враг, явленный опосредованно, через окуляры современных «машин зрения» (П. Вирильо) или компьютерный монитор, обесчеловечивается, лишаясь права на дискурс. Он становится объектом, который может быть визуализирован, но он не доступен для непосредственной коммуникации, а следовательно, лишен возможности проявления человеческой индивидуальности.

Тем не менее, даже технизированная война дает примеры того, как враг в глазах отдельного бойца становится субъектом и даже наделяется человеческими добродетелями – их можно почерпнуть из материалов военной микроистории, повествований о военных событиях, которые оставили их непосредственные участники. Субъективный опыт

участников войны демонстрирует амбивалентное отношение к врагу, который в отдельных случаях способен вызвать уважение или сострадание. Так, в своей знаменитой книге «В стальных грозах» Э. Юнгер, повествуя о схватках немецких участников Первой мировой войны с английскими бойцами, не отказывает последним в воинской доблести: «И здесь, как и всюду, где мы сталкивались с англичанами, нам было отрадно видеть столь безупречное мужество» [Юнгер 2000, 160]. «Очеловечиванию» врага может способствовать и его беззащитность, неспособность к сопротивлению в силу ранения. Солдат вражеской армии, умоляющий о пощаде – даже не словом, а жестом – останавливает готовящееся кровопролитие: «С жалобным стоном он залез в карман и поднес к моим глазам фотокарточку. Это был его портрет в кругу многочисленной семьи, как некое заклинание из ушедшего, невероятно далекого мира. Каким-то образом мне удалось обуздать свою безумную ярость и пройти дальше» [Юнгер 2000, 273].

В условиях затяжной конвенциональной войны возможны ситуации перемирия, когда солдаты по собственной инициативе, не дожидаясь приказа «сверху», договариваются о краткосрочном прекращении огня, возвращаясь к привычным для мирного времени социальным практикам. К таким событиям, которые разрушают идентичность врага как подлежащего уничтожению объекта, относится знаменитое Рождественское перемирие, заключенное в 1914 г. на многих участках Западного фронта: «Личные встречи британских и немецких комбатантов в рождественские дни 1914 г. сформировали более живой и гуманистический облик неприятеля в противовес образу абстрактного врага, находящегося по ту сторону линии фронта» [Оболонкова 2010, 11].

Таким образом, в условиях традиционной войны, когда возможно непосредственное столкновение и взаимодействие с врагом, последний воспринимается как лишенный множества антропологических предикатов объект, но все же в определенных ситуациях – когда он проявляет воинскую доблесть, стойкость, мужество или, напротив, обезоружен, повержен, умоляет о пощаде – сохраняет за собой возможность быть человеком.

Последующая эволюция войны, которая привела к масштабным пространственным и коммуникационным разрывам между противоборствующими сторонами, максимальному отдалению их друг от друга, не могла не отразиться и на идентичности комбатантов «постгероических» войн. Логика дальнейшего анализа требует определить специфику деятельности пилотов, которые управляют БПЛА, и исследования их идентичности (с использованием такого концептуального средства анализа, как введенный выше антропологический конструкт «убивающий – убиваемый»). Тем самым будет дан ответ на вопрос, можно ли назвать вооруженные конфликты с использованием дронов последовательной ступенью в развитии технизированной войны, или же их следует трактовать как принципиально новую страницу в истории войн.

Война дронов: убийцы и жертвы деантропологизированного насилия

Человечество уже на протяжении не одного столетия решает целый комплекс проблем, связанных с преодолением разнообразных «трений» (термин К. фон Клаузевица), вызванных антропологическими ограничителями военной деятельности. К ним относятся когнитивные, эмоциональные, моральные и физические барьеры, которые постоянно преодолевают комбатанты на войне. Возникает интеллектуальный соблазн трактовать военные действия с использованием беспилотных летательных аппаратов как очередную ступень на пути технизации и деантропологизации войн. Вместе с тем, как будет показано ниже, боевые дроны и дроны-разведчики, которые сегодня активно применяются в военных целях – не просто очередной инструмент, созданный для повышения эффективности военной деятельности. Использование беспилотных летательных аппаратов принципиально меняет парадигму войны, трансформирует специфику деятельности и идентичность ее акторов,

и, более того, ставит под сомнение правомерность применения самого термина «война» по отношению к вершимому ими насилию.

Наиболее распространенными сегодня моделями дронов, которыми укомплектованы вооруженные силы США (Predator и Reaper), управляют с двух наземных станций: с базы ВВС Крич в штате Невада и из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли. Оба центра управления удалены на тысячи километров от мест их непосредственного использования (например, от территории Пакистана или Афганистана) [Trogemann 2014, 60]. Деятельность операторов БПЛА подчинена необходимости строгого соблюдения военной дисциплины, аналогичной кодексу поведения летчика-истребителя. Пилотов, которые обслуживают полет дрона, объединяют в мини-команды по два человека. Они находятся в диспетчерских, оснащенных мониторами. Один из пилотов управляет дроном и производит выстрелы, тогда как его напарник контролирует поле зрения камеры и другие сенсорные устройства. Операторы постоянно поддерживают радиосвязь со своим операционным центром [Trogemann 2014, 61]. Вместе с тем следует выделить и принципиальные отличия условий, в которых операторы БПЛА осуществляют свою деятельность, а также самой специфики данной деятельности от способа ведения традиционных войн.

В условиях классической войны воюющие стороны находились в едином физическом пространстве, охваченном военными действиями, граница которого (нейтральная полоса) постоянно смещалась. При дистанционных военных действиях происходит иное разграничение «своей» и «чужой» пространственных сфер, первая из которых (локализирующая инструменты атак) скрыта от врага и защищена от его ответных ударов. Беспрецедентная пространственная удаленность комбатантов от объектов их атак служит условием безопасности операторов дронов. Исключаются ситуации непосредственного столкновения с врагом и возможность симметричного ответа с его стороны. Атакующий имеет дело не напрямую с атакуемым (они находятся в разных пространственных сферах), но с его цифровой оболочкой – изображением, которое транслируют на монитор видеосистемы беспилотников. Таким образом, две стороны военных действий, разделенные в физическом пространстве, совмещаются в пространстве виртуальном, где они занимают различные позиции: с одной стороны – субъект-наблюдатель, недоступный для наблюдения и анонимный для жертвы, с другой – наблюдаемый им цифровой объект, лишенный всякой возможности утвердиться в качестве субъекта.

Вооруженное насилие, которое применяют дистанционно с использованием беспилотных летательных аппаратов, отменяет необходимость смертельного риска для его агентов. В подобных условиях расщепляется двойственная идентичность бойца (убивающий-убиваемый), которую применяют по отношению к комбатантам классических войн. Пилот, управляющий дроном, не может быть лишен жизни. В данной особенности заключается его принципиальное отличие от комбатантов всех предшествующих войн. Лишь при условии непосредственного взаимодействия с противником в единой области физического пространства возможен бой как «подлинная военная деятельность» [Клаузевиц 1994, 255], важнейший элемент войны, составляющий ее сущность. Еще одним отличием вооруженного насилия с использованием дронов можно назвать стремление его агентов исключить риск не только для собственной жизни, но и избежать непредвиденных жертв – живые мишени для ударов беспилотников определяют заранее, за ними устанавливают видеонаблюдение, которое может длиться неделями [Шамаю 2020, 132]. В условиях традиционной технизированной войны насилие имеет массовый характер, жертвы его зачастую непредсказуемы и возможны ситуации, когда «никто не целится, каждый квадратный метр земли планомерно обрабатывается гранатами» [Юнгер 2008, 42-43], в то время как использование дронов делает убийство не только односторонним, но и прицельным, направленным не на анонимного, но на определенного врага.

Появление дронов не просто изменило способ организации военной деятельности комбатантов, речь идет о трансформации их *modus vivendi* как такового. Принципиальным изменениям подвергается не только пространственный, но и временной аспект военной деятельности. Если традиционно в жизни солдата можно четко выявить мирные и военные временные модусы, то для оператора БПЛА стирается граница между военным и мирным временем. Управление полетами производится круглосуточно, в три восьмичасовые смены. Военная деятельность оператора дрона встраивается в структуру его жизненного мира, поскольку непосредственно после дистанционного выслеживания жертв и совершения убийств он возвращается домой, к привычному кругу близких людей и повседневных дел. Вот как описывает свой рабочий день майор ВВС США, который управляет полетами дронов: «Утром ты едешь на машине с попутчиками или на автобусе на работу и после восьми часов полета возвращаешься обратно домой... Утром я читаю свою электронную почту, мчусь к самолету. Когда я закончил, иду в магазин, беру гамбургер, читаю еще несколько писем и еду домой» (цитата по [Trogemann 2014, 61]).

Комбатанты, которые с оружием в руках защищали честь своего государства и были готовы отдать за него жизнь, уступают место дистанционным бойцам «постгероической» войны, действия которых, несмотря на внешнюю строгую регламентацию и подчиненность воинской дисциплине, разворачиваются на экране компьютерного монитора и напоминают реализацию сценария компьютерной игры. «Дрон превращает своего оператора из солдата в офисного работника или “desk jockey warrior” (букв. – воин рабочего стола, в данном случае – аналогия с диск-жокеем), как его называет австралийский философ Роберт Спэрроу» [Куманьков 2020, 256]. По сути, участие в военных действиях с использованием дронов становится разновидностью работы, которая не требует от исполнителей не только проявления самоотверженности и воинской доблести, но и разрыва с мирным временным модусом и повседневными социальными практиками.

В связи с данной особенностью закономерным представляется вопрос о допустимости героизации операторов БПЛА и уравнивании их в статусе с участниками традиционных войн. Как было показано выше, в основе идентичности бойца лежит двойственная структура «убийца-убиваемый», которая неприменима к пилотам, управляющим дронами. Поскольку ипостась убиваемого здесь полностью исключена, попытки морального оправдания дистанционных таргетированных убийств с использованием дронов основаны на виктимизации их агентов. Многочисленные публикации в американских СМИ о «психологических травмах», от которых страдают операторы БПЛА, призваны в определенной степени уравнивать в статусе дистанционных бойцов с участниками традиционных войн: «Раньше демонстрация психических травм солдат использовалась для протеста против их насильственной мобилизации государством, сегодня же она используется, чтобы придать новой форме одностороннего насилия героическую окраску, которой оно было лишено» [Шамаю 2020, 118].

Таким образом, нарративы, которые легитимизируют насилие с применением дронов, конструируют «жертвенную» идентичность их пилотов. Данная специфика, безусловно, не отождествляет их с классическими комбатантами, но в некоторой степени приближает к ипостаси «убиваемого» – неотъемлемому элементу идентичности комбатанта. Критика дистанционного насилия, напротив, предполагает расщепление идентичности участников подобных конфликтов. Антропологическая структура «убивающий-убиваемый» разрушается, на смену ей приходит фрагментарная идентичность: убийца и преследуемая им жертва.

Одновременно редукция возможностей такого многофункционального технического объекта, как беспилотный летательный аппарат исключительно к его использованию в качестве средства уничтожения сил неприятеля привела бы к значительному упрощению реалий современной войны. Далее мы сосредоточимся на исследовании еще одной

функции дронов, которая позволяет им служить высокоэффективным инструментом ведения военных действий. Речь идет об использовании беспилотников в качестве средств военной разведки, которое открывает новую страницу в истории паноптического надзора и развитии средств визуализации военных объектов.

Паноптизм дронов: «надзирать и уничтожать»

Цезарю принадлежит высказывание: «В каждом сражении первым побеждает глаз...» (цит. по: [Хаусхофер 2003, 308]). Одна из важнейших задач военной разведки – осуществить максимально полное и точное наблюдение за перемещением и действиями врага, при этом сохраняя секретность собственных данных. Используя достижения научно-технического прогресса, человечество выработало высокоэффективные способы выполнения указанной задачи, трансформировав естественный человеческий орган зрения в целую систему высокотехнологичных оптических приборов. За полтора столетия активного использования аэрофотосъемки в военных целях технологии претерпели эволюцию от аэрофотографий с воздушного шара, сделанных Надаром во время прусской осады Парижа в 1870 г., до современных систем видеоразведки. Так, система видеонаблюдения беспилотного летательного аппарата MQ-9 Reaper, который состоит на службе ВВС США, позволяет с высоты полета 3,2 км различить номерные знаки автомобилей. Весьма показательным можно считать мифологическое название этой высокотехнологичной системы – «взгляд Горгоны» (Gorgon Stare). С помощью широкоохватной технологии Gorgon Stare аппарат способен зафиксировать подвижное изображение целого города, которое может стать объектом анализа экспертных групп и систем искусственного интеллекта. Родственной ей можно назвать систему видеонаблюдения Argus IS, которая включает в себя более сотни камер. Она названа в честь всевидящего великана из древнегреческой мифологии, который также именуется Паноптом (*panóptes*) [Bröckling 2016, 293-294], [Maurer 2017, 143-144].

Возможности системы Gorgon Stare по сбору потоков высокоточной видеoinформации в режиме реального времени и ее связь с так называемым театром военных действий, безусловно, превосходят границы привычного для нас пространства и времени. По признанию одного из пилотов: «Иногда я чувствовал себя подобно Богу, метаящему молнии с небес» [Maurer 2017, 144]. Вполне правомерной представляется аналогия с «всевидящим оком», принцип которого заложен в пространственной модели паноптика.

Паноптизм дрона как инструмента военного и полицейского наблюдения представляет собой современную модификацию пространственной модели паноптика, которая первоначально была разработана И. Бентамом и получила известность благодаря исследованиям М. Фуко [Фуко 1999]. Классический паноптикон определяют как архитектурную модель, которая позволяет вести централизованный надзор за множеством изолированных индивидов. Несмотря на успешное использование принципов паноптизма в организации социального пространства различных дисциплинарных учреждений, (пенитенциарные и образовательные заведения, клиники и т.д.), исследователи неоднократно обращали внимание на ограниченность классического паноптика, который не может претендовать на статус универсального средства надзора и осуществления власти [Бауман 2008, 16-18], [Жоусе 2003, 147-148]. Паноптикон привязан к определенному участку физического пространства. Это локальная, статичная и затратная модель, которая требует строительства специальных сооружений для изоляции индивидов и надзора за ними. Ограничения классического паноптика как инструмента политического контроля преодолеваются за счет его децентрализации (тем самым происходит умножение наблюдателей/перспектив наблюдения), делегализации и динамизации. Постпаноптический надзор становится децентрированным, подвижным, гораздо более эффективным и экономически целесо-

образным, чем классический паноптизм дисциплинарных обществ [Балаклеец 2018]. Децентрализации наблюдения в пределах архитектурного пространства городов можно достичь за счет использования многочисленных видеокамер, окуляры которых буквально пронизывают траектории перемещения горожан.

Дроны-разведчики не только позволяют проводить одновременное высокоточное наблюдение за множеством индивидов, но и делокализовать его, освободив от привязки к определенной, строго ограниченной территории: «мы вступаем в эпоху вооруженных и летающих паноптических устройств. Что касается взгляда Горгоны, то она обращает в камень того, кто имел несчастье с ним пересечься. Это взгляд, который убивает. Больше не «надзирать и наказывать», а надзирать и уничтожать» [Шамаю 2020, 53].

В терминологии З. Баумана дроны выступают инструментом так называемого «текущего» или «жидкого» надзора в противоположность «твердому» паноптизму, описанному Фуко. Бауман обращает внимание на миниатюризацию разрабатываемой сегодня военной техники и подчеркивает, что дроны последнего поколения (по крайней мере дроны-разведчики) по своим размерам не будут превышать размеры стрекозы или колибри и вполне смогут приземлиться на подоконнике. Кроме того, как отмечает социолог, «дроны следующего поколения будут невидимы, в то время как все их окружение будет доступно для наблюдения. Они будут неприкасаемыми, в то время как все объекты в их окружении будут открыты для атак» [Bauman, Lyon 2013, 33]. Постгероическая война, согласно прогнозам Баумана, станет максимально незаметной, по крайней мере для той нации, от имени которой она ведется. Новые «улучшенные» дроны будут способны к автономному управлению, саморегулированию, самостоятельному выбору целей своих атак.

Вместе с тем, несмотря четко очерченные горизонты эволюции технических систем наблюдения и контроля, следует указать и на ряд задач, которые необходимо решить для создания максимально эффективных систем паноптического надзора с использованием дронов. «Текущий» всепроникающий паноптизм на сегодняшний день представляется сверхзадачей будущего: наряду с миниатюризацией беспилотных летательных аппаратов важной задачей для разработчиков военной техники можно назвать увеличение скорости передвижения дронов, которое позволит преодолеть существующие ныне границы их использования в военных целях [Frau 2013, 99]. Еще один побочный эффект военной деятельности с использованием беспилотного оружия связан с тем, что боевые дроны отличаются выраженными и резкими акустическими характеристиками, которые меняются в зависимости от режима полета, скорости передвижения и нагрузки летательного аппарата, силы ветра и ряда других параметров. Используемые в мирных целях беспилотные летательные аппараты также вызывают разнообразные акустические помехи. Проведенное в 2017 г. психоакустическое исследование показало, что шум от малых беспилотных летательных систем причиняет респондентам гораздо больше неудобств, чем автомобильные шумы [Christian, Cabelly 2017, 15-16].

Совершенный инструмент паноптического надзора должен выделяться на фоне остальных объектов своей анонимностью – обладать не только невидимым, но и неслышимым характером. Таким образом, только миниатюрный, подвижный и бесшумный дрон-разведчик, разработка которого считается пока еще не реализованной сверхзадачей, сможет выступать в качестве средства современного анонимного наблюдения, свободного от недостатков и ограничений существующих паноптических моделей.

Рассмотрев особенности трансформации военной деятельности, обусловленные использованием дронов, возможности и перспективы данного вида оружия и средства разведки, включим его в более широкий социокультурный и исторический контекст исследования, чтобы очертить и оценить векторы дальнейшей эволюции высокотехнологического вооруженного насилия. Военные действия с использованием беспилотных летательных аппаратов на сегодняшний день, безусловно, нельзя назвать универсальным способом

ведения войны из-за массы территориальных и технологических ограничений. Тем не менее, их можно расценивать как дерзкий вызов тем политическим акторам, которые не в состоянии дать адекватный военно-технологический ответ. Необходимо прояснить, способствует ли прогресс в области военных технологий «гуманизации» войны или же он служит катализатором новых видов и форм вооруженного противостояния.

Возможна ли симметризация асимметричного насилия: перспективы высокотехнологичной войны

Стремление максимально обезопасить себя и нанести как можно больший ущерб врагу на протяжении всей истории приводило к нарушению этоса честного поединка. Как отмечает исследователь военного героизма У. Бреклинг, «последнее, чего желают солдаты на поле боя, – это честный поединок. Они хотят выжить, не получив при этом ранений, не попасть в плен, возможно, захватить добычу, отомстить, вывести из строя или попросту убить своих противников, а потому они будут делать все, чтобы в любом случае быть сильнейшими» [Bröckling 2016, 296]. Лишь в теории войну можно трактовать как подобие дуэли, в которой сходятся два равных или сопоставимых по силе и оружию противника: «История военного оружия может рассматриваться как сплошная попытка асимметризации симметричной конфронтации сторон путем достижения технического превосходства, чему противодействуют все новые и новые попытки ресимметризации, которые дают импульс очередным усилиям по достижению асимметрии и т.д.» [Bröckling 2016, 296]. Приведенная цитата характеризует динамику военного противостояния двух акторов, каждый из которых обладает необходимым потенциалом и ресурсами для того, чтобы дать пропорциональный ответ на технологический вызов со стороны своего противника. Действительно, появление новых видов оружия в арсенале армии отдельного государства заставляет других политических акторов, которые обладают научно-техническим и индустриальным потенциалом, сглаживать военно-технические разрывы, давать соответствующий ответ на вызов противника. Ресимметризация в сфере военного вооружения возможна только в том случае, если в гонке вооружений участвуют сопоставимые по своим технологическим возможностям акторы. В ситуации отсутствия достойного противника вкладывать ценные человеческие ресурсы и гигантские средства в гонку лишено смысла. К примеру, в симметричных внутриевропейских конфликтах или в военно-технологическом противостоянии СССР и США периода холодной войны участвовали сопоставимые по военно-технической мощи государства. В подобных условиях постоянное нарушение симметрии (асимметризация) в сфере вооружения приводит к ресимметризации. Тем не менее выводы, сделанные применительно к истории военного оружия, некорректно распространять в целом на военную историю. Трактовку военной истории как потенциально бесконечного соревнования сторон по обретению асимметричной позиции через военно-техническое превосходство (как и сравнение войны с дуэлью) можно назвать если не европоцентричной, то, по меньшей мере, далеко не универсальной исследовательской позицией. За скобки здесь выносятся те виды вооруженных конфликтов, когда одна из сторон лишена всякой возможности внести в поединок асимметрию за счет наращивания военно-технической мощи.

В истории войн можно обнаружить различные сценарии асимметричного противостояния, которое не могло быть преодолено, сглажено или симметризировано. К таким асимметричным конфликтам могут быть отнесены военные действия представителей западноевропейских государств против неевропейцев без государственности. По свидетельству М. ван Кревельда, «европейские войска вели себя так, как будто они были не на войне, а на сафари. Они истребляли местных жителей, как животных, не делая различия между вождями, воинами, женщинами и детьми» [Кревельд 2015, 72].

В основе асимметричного вооруженного конфликта лежат не только технологические, но и культурно-идеологические факторы. Техническое превосходство служит лишь средством подавления противника, который проявляет инаковость в культурном отношении. Изошренная жестокость при ведении войны можно связывать с культурной отсталостью народов, что служит способом легитимации чинимого против них высокотехнологичного насилия. В данной связи приведем сентенцию Й. Хейзинги, который в работе «Тени завтрашнего дня» отмечает следующее: «в мои юные годы можно было прочесть в школьном учебнике географии, что только некоторые наименее развитые народы применяли отравленные стрелы и что подобный обычай мало-помалу исчезает с ростом культуры. Не знаю, осталось ли это еще в школьных учебниках. Если да, то самое время, ради приличия, пересмотреть... учебники – либо самих себя» [Хейзинга 2010, 99].

В условиях, когда у соперника отсутствует достаточная военно-техническая мощь и ресурсы для симметризации вооруженного противостояния, война становится жестокой расправой над недифференцированными массами людей, односторонней и грубой демонстрацией силы. Такова специфика колониальных войн, в которых тщательно вооруженным и экипированным европейским завоевателям противостояли аборигены с копьями или примитивными ружьями.

В современную эпоху, когда стихло открытое вооруженное противостояние ведущих государств мира, вооруженное насилие переместилось на территорию неевропейских государств. Таким образом, в значительной степени усиливается асимметрия акторов нынешних войн, которая не может быть преодолена военно-техническими средствами. Данная асимметрия, безусловно, выгодна лидерам научно-технического прогресса, однако в долгосрочной перспективе она не сулит человечеству радикального и окончательного решения назревших политических противоречий. Отсутствие военно-технических инструментов для подавления атак БПЛА еще не означает, что соответствующие акторы смиряются с подобным положением дел. Их ответы на технологические вызовы противника будут непредсказуемыми и не укладывающимися в рамки конвенционального ведения войны.

Военные действия с помощью боевых дронов нельзя назвать просто очередным шагом на пути асимметризации военно-политических конфликтов. Согласно свидетельствам Г. Шамаю, речь идет о принципиальном изменении правил войны. Парадигма, которая предполагает противостояние двух бойцов, сменилась другой: атакующий охотник и добыча, которая убегает или прячется от него [Шамаю 2020, 42]. Традиционное военное противостояние предполагало непосредственную схватку противников, из которой один выходил победителем, а другой – побежденным, причем исход этой схватки (как и финальные роли ее участников) заранее не мог быть предreshен. Охота на человека основана на иной стратегии акторов, роли которых изначально определены: беглец стремится скрыться, избежав конфронтации, тогда как его преследователю для достижения успеха необходима такая конфронтация (правда, технически опосредованная). С одной стороны, в игру вступает охотник, знаки присутствия которого деперсонализированы, с другой стороны – его заранее намеченная потенциальная жертва, которой сложно сохранить анонимный статус. Таким образом, война с использованием дронов становится «превентивной охотой на людей» [Bröckling 2016, 297].

Показательно, что в 2004 г. американец Дж. Локвуд разработал коммерческий проект виртуальной охоты на животных. Желаящим за небольшую плату предлагали стать «виртуальным охотником», не выходя из дома. Пользуясь видеокамерой, которая была закреплена на передовом огнестрельном оружии, участник мог выследить и уничтожить животных, которых специально для этой цели отловили, связали и поместили на техасском ранчо. Проект Локвуда встретил резкое негодование со стороны общественности

и не был реализован [Шамаю 2020, 39-40]. Вместе с тем дистанционное преследование и уничтожение людей, которое противоречит классическим принципам справедливой войны, не встречает широкомасштабных протестов.

* * *

Изобретение нового технического орудия ведения боевых действий не только не приближает человечество к желанному состоянию мира и безопасности, но, напротив, способствует эскалации насилия. Война становится изматывающей гонкой, участники которой втягивают друг друга в соревнование, заведомо лишённое победителей, а время войны растягивается *ad infinitum*. Любое средство ведения военных действий, каким бы эффективным оно ни было, заставляет противника разрабатывать антисредство. Со стороны высокотехнологичных акторов войны данное антисредство воплощается в более сложных технических объектах, действие которых существенно снижает эффективность оружия, уже успевшего стать устаревшим. Дронам могут противостоять антидроновые системы, которые обнаруживают и уничтожают беспилотные летательные аппараты. Со стороны же тех участников военных действий, которые не обладают необходимой военно-технической мощью для противостояния постгероическим Голиафам, ответное насилие может принимать непредсказуемые и неуправляемые формы. Реакция на несправедливые принципы ведения постгероической войны способна аннулировать исходные цели и промежуточные результаты этой войны. Террористические акты как возмездие, которое исходит от технологически слабых акторов политического противостояния, служат подобным асимметричным ответом на атаки дронов. В результате вооружённое насилие набирает новые обороты, обнаруживая стремление к полноте и всеохватности своего воплощения – будь то технологически сложные формы ведения военных операций или всплески примитивной агрессии, которые исходят от иррегулярных акторов военных конфликтов современности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Балаклеец Н.А. (2018) Зрение и власть: пространство за границами паноптикона // *Философия и культура*. № 9. С. 46–58.
- Бауман З. (2008) *Текущая современность*. СПб.: Питер.
- Бердяев Н.А. (1952) *Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого*. П.: УМСА-press.
- Клаузевиц К. (1994) *О войне*. М.: Издательская корпорация «Логос»; Международная академическая издательская компания «Наука».
- Кревельд М. ван. (2015) *Трансформация войны*. М.: ИРИСЭН, Социум.
- Куманьков А.Д. (2020) *Война в XXI веке*. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.
- Люттвак Э. (2012) *Стратегия: Логика войны и мира*. М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
- Мюнклер Г. (2018) *Осколки войны: Эволюция насилия в XX и XXI веках*. М.: Кучково поле.
- Оболонкова М.А. (2010) Эпизод истории Великой войны как элемент исторической памяти европейцев: Рождественское перемирие 1914 года // *Вестник Пермского университета. Серия История*. № 1 (13). С. 8–14.
- Фуко М. (1999) *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. М.: Ad Marginem.
- Хаусхофер К. (2003) *Границы в их географическом и политическом значении* // *Классика геополитики, XX век*. М.: АСТ. С. 227–598.
- Хейзинга Й. (2010) *Тени завтрашнего дня* // *Тени завтрашнего дня. Человек и культура. Затемненный мир*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха. С. 15–170.
- Шамаю Г. (2020) *Теория дрона*. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж».

- Юнгер Э. (2000) В стальных грозах. СПб.: Владимир Даль.
- Юнгер Э. (2008) Националистическая революция: политические статьи, 1923-1933. М.: Скимень.
- Bauman Z., Lyon D. (2013) Daten, Drohnen, Disziplin. Ein Gespräch über flüchtige Überwachung. Frankfurt a. M.: Suhrkamp.
- Bröckling U. (2016) Drohnen und Helden // Helden – Heroisierungen – Heroismen. Bd. 4. Vom Weihegefäß zur Drohne. Kulturen des Heroischen und ihre Objekte. Würzburg: Ergon-Verlag GmbH. S. 291–301.
- Christian A., Cabelly R. (2017). Initial Investigation into the Psychoacoustic Properties of Small Unmanned Aerial System Noise. Hampton: NASA Langley Research Center.
- Frau R. (2013) Der Einsatz von Drohnen. Eine völkerrechtliche Betrachtung // Vereinte Nationen: German Review on the United Nations. Vol. 61. № 3. P. 99–103.
- Hüppauf B. (1993) Schlachtenmythen und die Konstruktion des «Neuen Menschen» // Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch... Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs. Essen: Klartext. S. 43–84.
- Joyce P. (2003) The Rule of Freedom. Liberalism and the Modern City. London, New York: Verso.
- Kühne Th. (2004) Massen-Töten. Diskurse und Praktiken der kriegerischen und genozidalen Gewalt im 20. Jahrhundert // Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert. Essen: Klartext. S. 11–52.
- Maurer K. (2017) Visual Power: The Scopic Regime of Military Drone Operations // Media, War & Conflict. Vol. 10. № 2. P. 141–151.
- Münkler H. (2007) Heroische und postheroische Gesellschaften // Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken. Bd. 61, H. 8/9. S. 742–752.
- Trogemann G. (2014) Der Blick der Drohne // Archäologie der Zukunft. Friedrichshafen: Zeppelin Museum Friedrichshafen. S. 47–71.

REFERENCES

- Balakleets N.A. (2018) Zrenie i vlast': prostranstvo za granicami panoptikona [Vision and Power: the Space beyond the Borders of the Panopticon] In: *Filosofiya i kul'tura*. no. 9, pp. 46–58.
- Bauman Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Liquid Modernity]. Saint-Petersburg: Piter.
- Bauman Z., Lyon D. (2013) *Daten, Drohnen, Disziplin. Ein Gespräch über flüchtige Überwachung* [Liquid Surveillance: A Conversation]. Frankfurt am Mein: Suhrkamp.
- Berdyayev N.A. (1952) *Ekzistencial'naya dialektika bozhestvennogo i chelovecheskogo* [The Existential Dialectic of the Divine and the Human]. Paris: YMCA-press.
- Bröckling U. (2016) Drohnen und Helden [Drones and Heroes]. In: *Helden – Heroisierungen – Heroismen. Bd. 4. Vom Weihegefäß zur Drohne. Kulturen des Heroischen und ihre Objekte*. Würzburg: Ergon-Verlag GmbH. pp. 291–301.
- Chamayou G. (2020) *Teoriya drona* [A theory of the Drone]. Moscow: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva «Garazh».
- Christian A., Cabelly R. (2017). *Initial Investigation into the Psychoacoustic Properties of Small Unmanned Aerial System Noise*. Hampton: NASA Langley Research Center.
- Clauzewitz C. (1994) *O vojne* [On War]. Moscow: Izdatel'skaya korporaciya «Logos»; Mezhdunarodnaya akademicheskaya izdatel'skaya kompaniya «Nauka».
- Creveld M. van. (2015) *Transformaciya vojny* [The Transformation of War]. Moscow: IRISEN, Socium.
- Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem.
- Frau R. (2013) Der Einsatz von Drohnen. Eine völkerrechtliche Betrachtung [The Use of Drones. An International Law Perspective]. In: *Vereinte Nationen: German Review on the United Nations*. vol. 61. no. 3, pp. 99–103.
- Haushofer K. (2003) Granicy v ih geograficheskom i politicheskom znachenii [Boundaries in their Geographical and Political Significance]. *Klassika geopolitiki, XX vek*. Moscow: AST. pp. 227–598.
- Huizinga J. (2010) *Teni zavtrashnego dnya* [In the shadow of tomorrow]. In: *Teni zavtrashnego dnya. Chelovek i kul'tura. Zatemnennyj mir*. Saint-Petersburg: Izd-vo Ivana Limbaha. pp. 15–170.
- Hüppauf B. (1993) Schlachtenmythen und die Konstruktion des «Neuen Menschen» [Battle Myths and the Construction of the «New Man»]. In: *Keiner fühlt sich hier mehr als Mensch... Erlebnis und Wirkung des Ersten Weltkriegs*. Essen: Klartext. pp. 43–84.
- Joyce P. (2003) *The Rule of Freedom. Liberalism and the Modern City*. London, New York: Verso.

- Jünger E. (2000) *V stal'nyh grozakh* [Storm of Steel]. Saint-Petersburg: Vladimir Dal'.
- Jünger E. (2008) *Nacionalisticheskaya revolyuciya: politicheskie stat'i, 1923-1933* [Nationalist Revolution: Political Articles, 1923-1933]. Moscow: Skimen.
- Kühne Th. (2004) Massen-Töten. Diskurse und Praktiken der kriegerischen und genozidalen Gewalt im 20. Jahrhundert [Mass killing. Discourses and practices of martial and genocidal violence in the 20th Century]. In: *Massenhaftes Töten. Kriege und Genozide im 20. Jahrhundert*. Essen: Klartext. pp. 11–52.
- Kuman'kov A.D. (2020) *Vojna v XXI veke* [The War in the 21st Century]. Moscow: Izd. dom Vyshej shkoly ekonomiki.
- Luttwak E. (2012) *Strategiya: Logika vojny i mira* [Strategy: the Logic of War and Peace]. Moscow: Russkij Fond Sodejstviya Obrazovaniyu i Nauke.
- Maurer K. (2017) Visual Power: The Scopic Regime of Military Drone Operations. In: *Media, War & Conflict*. vol. 10. no. 2, pp. 141–151.
- Münkler H. (2007) Heroische und postheroische Gesellschaften [Heroic and Post-Heroic Societies]. In: *Merkur. Deutsche Zeitschrift für europäisches Denken*. Bd. 61, H. 8/9. pp.742–752.
- Münkler H. (2018) *Oskolki vojny: Evolyuciya nasiliya v XX i XXI vekah* [Shards of War. The Evolution of Violence in the 20th and 21st Centuries]. Moscow: Kuchkovo pole.
- Obolonkova M.A. (2010) Epizod istorii Velikoj vojny kak element istoricheskoi pamyati evropejcev: Rozhdestvenskoe peremirje 1914 goda [Episode of the History of the Great War as an Element of the Historical Memory of Europeans: the Christmas Truce of 1914]. In: *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya Istoriya*. no. 1 (13), pp. 8–14.
- Trogemann G. (2014) Der Blick der Drohne [The look of the drone] In: *Archäologie der Zukunft*. Friedrichshafen: Zeppelin Museum Friedrichshafen. S. 47–71.

Информация об авторе

Балаклеец Наталья Александровна, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук Самарского государственного технического университета. Адрес: ул. Молодогвардейская, д. 244, Самара, 443100. E-mail: bnatalja@mail.ru

About the author

Natalia A. Balakleets, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities, Samara State Technical University. Address: 443100, Samara, Molodogvardeyskaya Street, 244. E-mail: bnatalja@mail.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 30.06.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 28.09.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 05.10.2021

DOI: 10.31857/S086904990017287-7

ТОЧКА ЗРЕНИЯ POINT OF VIEW

Оригинальная статья / Original Article

Сколько парадигм в экономической теории, и может ли она стать наукой с одной парадигмой

© Д.Г. ЕГОРОВ

Егоров Дмитрий Геннадьевич, Псковский филиал Академии ФСИН России; Псковский государственный университет (Псков, Россия), de-888@ya.ru

Последние 100 лет экономика выделяется из ряда других научных дисциплин наличием двух принципиально разных подходов к пониманию своего предмета: системная точка зрения и точка зрения индивидуального выбора. Основные направления современной экономической теории сводятся к двум парадигмам, которые концептуально связаны с двумя основными трактовками предмета экономической науки. В рамках данных парадигм экономисты понимают как равновесную или неравновесную систему. Автор считает, что развитие экономической теории после Кейнса можно трактовать как ряд попыток интеграции двух главных парадигм. Проблему такой интеграции можно назвать, в сущности, проблемой синтеза микро- и макроподходов в экономической теории.

Ключевые слова: парадигма, мейнстрим, методологический индивидуализм, макроэкономика, микроэкономика, экономическая теория

Цитирование: Егоров Д.Г. (2021) Сколько парадигм в экономической теории, и может ли она стать наукой с одной парадигмой // Общественные науки и современность. № 5. С. 129–142. DOI: 10.31857/S086904990017287-7

How Many Paradigms There are in Economic Theory – and Can It Become a One-paradigm Science

© D. EGOROV

Dmitry G. Egorov, Pskov branch of the Academy of Law and Management of the FPS of Russia, Pskov State University (Pskov, Russia), de-888@ya.ru

Abstract. Over the past 100 years, economics has stood out from other scientific disciplines because of the presence of two fundamentally different approaches to understanding its subject: from a systemic point of view, and from the point of view of individual choice. All the main directions of modern economic

theory turn out to be reducible to two paradigms, conceptually related to two main interpretations of the economic science subject. The understanding of the economy as an equilibrium or non-equilibrium system is associated with two said paradigms. The author believes that the development of economic theory after Keynes can be interpreted as a series of attempts to integrate the identified paradigms. In another form, this is the question of the synthesis of micro- and macro-approaches in economic theory.

Keywords: paradigm, mainstream, methodological individualism, macroeconomics, microeconomics, economic theory

Citation: Egorov D. (2021) How Many Paradigms There are in Economic Theory – and Can It Become a One-Paradigm Science. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 5, pp. 129–142. DOI: 10.31857/S086904990017287-7 (In Russ.)

В настоящее время в мире активно идет поиск новой модели мировой экономики: «... критика неолиберализма как базы практической экономической политики постоянно нарастала после кризиса 2008 года, но в основном ограничивалась анализом факторов и последствий растущего неравенства. Сегодня же под сомнением сама система рыночного капитализма» [Гринберг 2020, 12]. Для реорганизации мирового финансово-экономического устройства необходимо пересмотреть теоретический базис, что закономерно приводит экономистов к вопросам о природе и путях преодоления кризиса в экономической науке [Полтерович 1998; Стиглиц 2011; Глазьев 2016; Гринберг 2020].

В настоящей статье автор высказывает ряд идей по данной теме, исходя из следующих принципов:

А) формулировка практических рекомендаций по экономической политике предполагает наличие фундаментальной теории. Даже если фундаментальная теория не эксплицируется явно, она проявляется имплицитно. Автор не принимает антирационалистическую позицию о невозможности фундаментальной теории;

Б) автор не разделяет представления об огромном количестве несоизмеримых между собой теорий. Различных школ, которые отличаются между собой частными принципами и моделями, действительно множество. Однако, по мнению автора, существует только два принципиально различных подхода к анализу экономических систем. Данный тезис детально обсуждается ниже¹;

В) кризис экономической теории можно преодолеть не через создание «принципиально нового» подхода к описанию экономических систем, а с помощью четкой дифференциации (выявления базовых принципов и моделей) подходов существующих и демаркации научных и идеологических аспектов экономической теории. Данный подход может быть основой синтеза в экономической теории, но на иной парадигмальной основе, нежели «новый неоклассическо-новокейнсианский синтез» [Woodford 2009].

Два понимания предмета экономической науки

Существует огромное количество определений предмета экономики. Последние 100 лет экономика выделяется из ряда других научных дисциплин не количеством определений своего предмета *per se*, а наличием двух принципиально разных подходов к определению. По мнению автора, данные подходы можно эксплицировать обращением к двум персоналиям: А. Смита и Л. Роббинса.

¹ Здесь автор не имеет в виду дихотомию «план-рынок»: в чистом виде она есть результат недоразумения и аналогична вопросу, как правильно бить по мячу в футболе: правой ногой или левой? Ответ может быть только конкретным: той, которой в конкретной ситуации удобнее забить мяч в ворота. И «план», и «рынок» – инструменты. Их оценка как инструментов осмыслена только при предварительном ответе на вопросы: 1) что есть экономическая система в своей сути? 2) каковы экономические цели индивидов и/или социума?

А. Смит определил экономику как «науку о природе и причинах богатства народов». Именно так он назвал свой главный труд [Smith 1776]. Вся классическая школа экономики понимает ее как науку, которая изучает закономерности устройства и функционирования социальной системы в аспекте производства и распределения благ, то есть экономической подсистемы более общей системы – социума в целом.

Л. Роббинс в своем эссе 1935 г. определил экономику как науку, «изучающую человеческое поведение с точки зрения отношения между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [Роббинс 1993, 18]. В рамках современного неоклассического мейнстрима данное определение стало практически эталонным.

Указанные подходы к пониманию сущности экономики принципиально различаются по ряду аспектов:

1. Индивид – система.

Неоклассицизм рассматривает предмет экономики с точки зрения индивида: выбор альтернативного использования наличных ресурсов может осуществлять и Робинзон Крузо [Роббинс 1993, 19-20].

Классическая трактовка, не отрицая значимости исследования экономического поведения индивида, предполагает системный (холистский) подход. Она признает, что исследования элемента (индивида, «атомарной» системы) недостаточно, чтобы понять все атрибутивные свойства экономики: подобно тому, как, наблюдая за одним атомом вещества, можно понять какие-то свойства газа, но никогда не понять свойств кристалла.

Иными словами, экономика действительно предполагает выбор оптимального способа использования ограниченных производительных ресурсов, но это не единственное атрибутивное свойство экономической системы.

2. Простая система – система сложная.

В реальных экономических системах участников больше одного, но метасистемный переход от индивида к системе неоклассики трактуют количественно, не предполагая качественных изменений. Неоклассический подход предполагает, что сумма индивидуальных оптимизаций в общем случае автоматически приводит в оптимальное состояние и экономическую систему в целом.

Классический подход признает эмерджентность экономических систем: в определенных аспектах свойства системы в целом могут быть получены простым объединением (вычислением среднего, интегрированием) микросвойств отдельных элементов, но в общем случае сложности могут возникать даже в случаях «простого агрегирования» микропоказателей². Однако с ростом системы у нее, как правило, проявляются свойства, которых не существует на микроуровне³. В общем случае неэргодичность и нелинейность сложной экономики с глубоким разделением труда следует из ряда ее объективных и субъективных черт: наличие оборудования с длительным сроком службы, опоздание информационных сигналов (оборотная сторона удобства использования денег), неизбежная рассогласованность планов индивидов и т.д. [Кейнс 1993; Розмаинский 2010].

3. Производство vs Обмен.

В любой экономической системе экономические блага и производят, и обменивают. Вопрос в том, какой из данных процессов можно назвать главным (определяющим деятельность именно как экономическую).

² Так, при агрегировании индивидуального спроса «...казалось, что переход от индивидуального спроса к рыночному будет простым... Но проблема перехода от построенной теории независимых индивидуальных потребителей к эффективной теории коллективного (рыночного или группового) спроса, отражающей реальность, оказалась принципиально неразрешимой. В середине XX в. было установлено, что аналитические свойства функций индивидуального спроса ... не переносятся на рыночный спрос» [Горбунов 2013, 19].

³ Тот факт, что в сложных экономических системах наличие системных свойств есть правило, а не исключение, очевиден: достаточно упомянуть эффект масштаба.

В рамках неоклассического понимания предмета экономики акцент в первую очередь ставят на обмене, а не производстве: «... именно в этой области [обмена] экономические обобщения имеют наибольшую практическую ценность» [Роббинс 1993, 15].

Классическая школа рассматривает в первую очередь вопросы производства благ и общественного разделения труда, так как данные процессы лежат в основе увеличения производительности труда в социуме⁴.

Две парадигмы экономики

По мнению автора, данные дихотомии в понимании предмета экономики есть проявление фундаментального обстоятельства – сосуществования двух парадигм в экономической науке последних 150 лет. Назовем их классической и неоклассической.

Стоит отметить, что и двух парадигм для одной области знания уже достаточно много. Тем не менее, если верить утверждениям авторов многочисленных работ по основаниям экономической теории, такие парадигмы исчисляются десятками. Автор тем не менее считает, что в социогуманитарном знании сложилась традиция слишком вольной трактовки понятия «парадигма».

В данной работе используют следующее понимание научной парадигмы.

Парадигма – совокупность систем убеждений, которые значительная часть членов научного сообщества разделяют и используют для формирования конкретных научных теорий⁵. В таких системах присутствуют два основных элемента: аксиомы (принципы) и базовые идеальные модели соответствующей предметной области⁶. Т. Кун в качестве элементов парадигмы (дисциплинарной матрицы) отмечает также ценностные установки и конкретные образцы деятельности [Kuhn 1962], но главными (то есть определяющими) элементами парадигмы можно назвать именно принципы и базовые модели.

Две разные парадигмы означают, что существуют две системы убеждений (априорных принципов) относительно предметной области научной дисциплины, несовместимые между собой. Если теории, созданные в рамках разных научных школ, имеют сопоставимый (сводимый один к другому или хотя бы не взаимоисключающий) набор принципов, то они принадлежат одной парадигме, даже если различаются методически, или по своим практическим рекомендациям.

Так, по мнению автора, нельзя назвать разными парадигмами априоризм и ультраэмпиризм – это не более чем доведенные до предела методологические уклоны (разные рекомендации по методологии проверки гипотез).

Теоретико-игровой подход, в свою очередь, лишь вариант реализации неоклассической парадигмы, ибо в его рамках никакие принципы, несовместимые с маржинализмом Эрроу-Дебре, не принимаются.

По этой же причине автор не считает парадигмой экспериментальную экономику – программу обоснования (экспериментального подтверждения) принципов ограничен-

⁴ Данная мысль занимает центральную позицию в трудах А. Смита, но он не первым сформулировал ее. Еще Платон писал, что социальная природа человека заключается в его несовершенстве (отдельный индивид не способен овладеть всеми полезными навыками); государство появляется в силу осознания выгод разделения труда и кооперации [Платон 1994, 369].

⁵ Термин принадлежит Платону; в обиход современной философии науки возвращен в известной работе Т. Куна [Kuhn 1962].

⁶ В физике, например, есть идеальные модели абсолютно твердого тела, идеального газа, в экономике — модель «экономического человека». Такие модели могут задаваться явно, но зачастую подразумеваются «по умолчанию». Даже при явном задании какие-то свойства базовых идеальных моделей могут и не быть определены описанием, а исходить из наших пространственно-временных интуиций. См.: [Степин 2000]. В сущности, базовые модели можно назвать формализованными принципами.

ной рациональности, оппортунистического поведения т.д., которые уже лежат в основе частных неинституциональных и поведенческих теорий.

Также не может рассматриваться как отдельная парадигма физическая экономика (эконофизика) [Чернавский *et al* 2011], ибо это есть перенос методов исследования из одной предметной области (физика) в другую (экономика), но не создание новой аксиоматики⁷.

Наконец, автор не разделяет и подхода Я. Корнаи [Корнаи 1999], который трактовал неоклассическую школу, неинституционализм и школу эволюционной экономики как разные парадигмы, которые последовательно сменяли друг друга. В трактовке автора парадигма – не различие конкретных «исследовательских кейсов», а совместимость/несовместимость принципов, которые составляют парадигмальное ядро той или иной концепции. Неинституционализм и эволюционную экономику в понимании Р. Нельсона и С. Уинтера [Нельсон, Уинтер 2000]⁸ в данном плане можно назвать развитием и расширением, но никак не отрицанием принципов неоклассического подхода⁹. Парадигмальное ядро неоклассики и «новой классики» (теория общего равновесия¹⁰) есть наиболее абстрактный уровень рассмотрения; в неинституциональном подходе экономические системы рассматривают менее абстрактно (принимаются во внимание явления «институционального трения» и др.). Наконец, в эволюционном подходе изучают динамические аспекты изменения (эволюции) экономических систем.

Какие же парадигмы присутствуют в современной экономической теории?

Парадигмы различаются по набору парадигмальных принципов и принимаемой (зачастую неявно) базовой модели. В рамках сравнительного исследования принципов основных

⁷ Перенос методов из одной дисциплины в другую можно назвать одним из основных методологических приемов роста научного знания. Перенос конкретно математических моделей, в свою очередь – частный случай математизации науки. Помимо построения математической модели какой-то конкретной предметной области, возможно заимствование готовой математической теории: из «чистой» математики (как была перенесена в физику теория групп), или из другой дисциплины, или даже другой области знания. В случае, если переносимые модели нелинейны, методология называется «синергетика» [Хакен 1980].

Перенос концепций физики в экономику *per se* не заслуживает ни похвал, ни критики. Важно, насколько соответствуют переносимые модели новой предметной области. Собственно, вся неоклассическая теория была построена именно на основе заимствований из физики (см.: [Майровски 2012]). Направление, именуемое эконофизикой, – тоже перенос в экономическую теорию физических моделей (точнее, заимствование их математического формализма). В случае эконофизики данные модели, как правило, нелинейны. В современной экономической теории эконофизика парадигмально близка, например, посткейнсианству, представители которого критикуют мейнстрим именно за пренебрежение нелинейностью реальной экономики. Впрочем при желании можно, наоборот, переименовать посткейнсианство в «эконофизику». Данный вопрос относится к терминологии, а не существу дела. «Синергетическая экономика», «парадигма сложности», «эконофизика» etc., – по мнению автора, парадигмально эти школы практически идентичны. Здесь (как и вообще в науке) желательно избегать умножения сущностей сверх необходимого. Множество эклектичных названий для подходов, которые в своих принципах практически ничем не отличаются, создает ложное ощущение огромного разнообразия парадигм в экономической науке.

⁸ Эволюционную экономику в трактовке В.И. Маевского [Маевский 1999] автор не считает развитием неоклассического подхода.

⁹ Рассмотрение движущегося тела как материальной точки или трехмерного объекта; учет или абстрагирование от трения; рассмотрение движения равномерного или с ускорением, – очевидно, что все это не есть «разные парадигмы». Это разные степени абстрагирования при описании физической реальности в рамках единой парадигмы классической механики.

¹⁰ Уже в 1970-е гг. был получен ряд результатов, показавших, что общее равновесие в экономике достижимо только при весьма нереалистичных допущениях (а при их ослаблении ни единственность, ни оптимальность равновесия недоказуемы). Однако принцип равновесности («эффективности рынков») остается ядром и неоклассической микротeorии, и развитой на ее основе «новой классической макроэкономики». Он же (в форме предположения о том, что экономика стремится к точке равновесия в будущем) лежит и в основе экономико-математических DSGE-моделей, используемых большинством центробанков в мире. Поэтому автор не разделяет мнение, что теория общего равновесия в настоящее время перестала быть ядром неоклассики.

направлений современной экономической теории [Егоров, Егорова 2021] было выделено 4 дихотомии попарно несовместимых между собой принципов (таб. 1)¹¹. Все основные направления современной экономической теории автор свел к двум парадигмам, которые концептуально связаны с двумя основными трактовками предмета экономической науки.

Таблица 1.

Онтологические принципы в основе выделения парадигм экономической теории

Table 1.

Ontological Principles Used for the Allocation of Economic Theory Paradigms

НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА	КЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА
Объективной меры ценности нет (субъективизм)	Существует объективная мера ценности (стоимость)
Методологический индивидуализм	Методологический холизм
Равновесность рынка	Принципиальная неравновесность рынка
Эргодичность	Непредсказуемость будущего

Практически весь мейнстрим современной экономической теории соответствует неоклассической парадигме. Существует одно исключение: неоавстрийская школа не принимает гипотезу эргодичности. В остальном, впрочем, она идеологически примыкает к мейнстриму. Оппозицию неоклассической парадигме составляют посткейнсианство, неорикардизм и неомарксизм, парадигмально несовместимые с мейнстримом. Они составляют вторую главную парадигму экономической теории в двух вариантах: признания и отрицания категории «стоимость»¹².

Все остальные принципы, выявленные при исследовании оснований современных экономических теорий [Егоров, Егорова 2021], совместимы с обоими подходами¹³.

Важно отметить, что приведенные в таб. 1 принципы связаны между собой.

Методологический индивидуализм («все экономические феномены понимаются через индивидуальные действия экономических агентов») отрицает существование стоимости (объективного основания для системы цен) в силу того, что постулат стоимости можно осмыслить, только признав существование в экономике системных свойств (в частности, надличностной меры). Восходящая еще к Аристотелю интерпретация стоимости рассматривает ее как систему справедливых цен, которая позволяет обществу воспроизводиться¹⁴. В свою очередь, отрицание существования объективной меры (то есть отказ от категории стоимости) принуждает принять принцип равновесия (стремления к равновесию), потому что никакого другого способа анализировать поведение экономи-

¹¹ Помимо четырех вышеприведенных дихотомий, к парадигмальным принципам автор относит принцип существования ценностей, но его принимают все направления экономической теории, – в силу чего он может быть положен в основу понимания экономики как науки.

¹² Важно также отметить, что, хотя в рамках посткейнсианства категория «стоимость» формально не используют, но признают, что цены в большинстве случаев не являются конкурентными, а зависят от издержек (технологий) и отношения зарплата/прибыль [Дзарасов 2008, 72]. По сути это и есть стоимостный подход.

¹³ То, с какой легкостью вошли в мейнстрим неонституционализм, экспериментальная экономика и т.д. и есть свидетельство того, что разница аксиоматик этих подходов с неоклассикой в трактовке Эрроу-Дебре не парадигмальна.

¹⁴ Данный подход, в частности, формализовал А. Эйхнер как «стоимостное условие роста»: при вычитании из вектора цен вектора затрат должна оставаться «разумная прибыль» – достаточная для инвестиций, но не чрезмерная, чтобы исключить бегство капитала из других отраслей [Eichner 1991, 338]. Собственно, на неявном признании существования стоимости (в форме принятия принципа постоянства межотраслевых коэффициентов) построена вся теория межотраслевого баланса (и практика ее применения дает убедительное эконометрическое подтверждение этого принципа).

ческой системы, кроме анализа движения к точке равновесия, не остается [Егоров 2016].

Распространено мнение, что неоклассическую парадигму определяет маржиналистский подход, и, соответственно, принцип предельной полезности: переход большинства экономистов на позиции неоклассической школы часто именуют «маржиналистской революцией». По мнению автора, данная особенность указывает не на сущность случившегося в экономике переворота, а на метод, посредством которого переворот был произведен. Субъективизм неоклассической парадигмы был не следствием маржинализма, а его причиной. Неоклассический переворот в первую очередь характеризовался переходом к субъективистской трактовке предмета экономической науки¹⁵, и, соответственно, к отказу от категории стоимости [Егоров 2016]. Чтобы раскрыть сущность обмена с позиции субъективных оценок полезности, создатели неоклассической теории обратились к предельному (маргинальному) анализу (дифференциальному исчислению)¹⁶. Таким образом, принцип убывающей предельной полезности можно назвать «техническим» – он становится необходим, если мы принимаем позицию онтологического субъективизма. Сам по себе онтологию теоретической реальности он не задает и может быть совмещен и со стоимостным подходом [Егоров 2016].

В остальном же разделение парадигм не отличается принципиально от традиции демаркации неоклассического подхода: большинство исследователей указывают при этом на один или несколько принципов, приведенных в таблице дихотомий¹⁷. Тем не менее, в силу эксплицированной связности всех этих принципов, указывая на один из них, мы указываем и на другие.

С двумя парадигмами экономической теории связано понимание экономики как равновесной или неравновесной системы, или, в понимании посткейнсианцев – простой или сложной системы [Розмаинский 2010, 91]. При интуитивном представлении экономики как в первую очередь системы обмена, который происходит в короткие промежутки времени (без связанных с производством задержек и иных нелинейных эффектов), с более интенсивными, нежели внешние воздействия, обратными связями (которые возвращают систему в status quo) – принцип равновесия (стремления к оному) становится интуитивно очевидным.

Данное интуитивное представление можно поставить в соответствие базовой теоретической модели предметной области экономической теории как диффузии [Егоров, Егорова 2020]¹⁸.

Сложную систему можно охарактеризовать как систему многоотраслевой экономики

¹⁵ Данную особенность подчеркивал, например, Ф. Хайек: «...работы Уильяма Стенли Джевонса, Карла Менгера и Леона Вальраса ... произвели переворот, получивший позднее название “субъективной” революции...» [Хайек 1992, 169].

¹⁶ Теория предельной полезности была построена не столько «под реальность», сколько под математический аппарат: «Влияние математического инструментария на формулировку теории предельной полезности у Джевонса и особенно у Вальраса очевидно и признано ими самими. Основные свойства экономического субъекта у маржиналистов выбраны так, чтобы обеспечить однозначное решение задачи на максимизацию полезности. Получить единственное значение аргумента, при котором функция достигает максимума, можно только если функция полезности нелинейна, а этот удобный вид функции как раз придает закон убывающей полезности» [Автономов 1993, 32].

¹⁷ «...Предположения о максимизирующем поведении, рыночном равновесии и стабильности предпочтений... образуют ядро экономического подхода» [Беккер 2003, 32]; «...Основополагающий постулат мейнстрима – принцип методологического индивидуализма», необходимо связанный с принципами максимизации субъективной полезности и возможности достижения равновесия [Кирдина 2013, 66–67], etc.

¹⁸ Диффузия – перераспределение какого-либо компонента в пространстве в результате случайного теплового блуждания отдельных атомов. Дадим интерпретацию диффузионной модели экономической системы: множеству точек пространства соответствует множество экономических агентов; под концентрациями (ресурсов) мы будем понимать оценки их полезности агентами-собственниками; если концентрации отличаются в соседних точках – происходит диффузия компонента (переход ресурса от агента к агенту). О том, что модель диффузии может быть базовой аналоговой моделью не только равновесного, но и ограниченно равновесного подхода (стремления экономической системы к равновесию), см.: [Сергеев 1999].

с глубоким разделением труда. В какой базовой модели можно смоделировать то обстоятельство, что, помимо обмена, в экономических системах происходит преобразование одних ресурсов в другие (труд)? В данном случае базовой теоретической моделью может стать система «реакция-диффузия» (диффузия с реакциями между компонентами): множество агентов, на котором заданы отношения не только перераспределения («диффузии») экономических активов, но и их преобразования (труда) [Егоров, Егорова 2020]. Важно отметить, что при этом меняется онтология модели автора: в отличие от систем сугубо диффузионных, которые всегда стремятся к состоянию равновесия, системы «реакция-диффузия» потенциально нелинейны: в них возможны процессы самоорганизации.

Две принципиальные базовые модели экономики (представление экономики как простой или сложной системы) и два набора парадигмальных принципов задают основные парадигмы экономической теории – две системы принципов и соответствующих базовых моделей, которые взаимно несовместимы. Нельзя одновременно представлять экономическую систему линейной и нелинейной, равновесной и неравновесной.

Почему неоклассическая парадигма появилась и стала доминировать в экономической науке Запада

В общем случае новые парадигмы в науке появляются в ответ на возникновение новых фактов, которые не укладываются в старые теории. Тем не менее, в случае с появлением неоклассической теории никакие принципиально новые факты и явления в экономике во второй половине XIX–начале XX в. не открылись. Скорее наоборот: процессы монополизации рынков США и Европы создали ситуацию очевидного рассогласования модели «идеального рынка», который «стремится к оптимальному равновесию», и хозяйственной практики.

По мнению автора, изменения, которые спровоцировали в конце XIX в. научную революцию в экономической теории, произошли не столько в хозяйственной практике, сколько в социуме как таковом. Экономическая неоклассика есть реакция на трансформацию в течение предшествующих XVIII–XIX вв. западного общества из традиционного в «открытое» (общество индивидуумов).

Термин «открытое общество» предложил К. Поппер в 40-е гг. XX в. в работе «Открытое общество и его враги» [Поппер 1992]. Еще в конце XIX в. данный процесс анализировал Т. Веблен в «Теории праздного класса» [Веблен 1984]. В своей работе Веблен исследует социальный конфликт между творцами (инженерами, организаторами реального производства, которых мотивирует в первую очередь «инстинкт мастерства») и «праздным классом» (спекулянтами, финансистами, которых мотивирует стремление к «демонстративному потреблению»¹⁹). Он констатирует захват управления экономикой «праздным классом». Последний очевидно придерживается индивидуалистического мировоззрения, что и находит отражение в таких центральных для неоклассики категориях, как субъективизм и методологический индивидуализм.

Существование и конфликт в экономической науке двух парадигм, несовместимых вариантов описания экономической реальности, отражает конфликт носителей двух несовместимых типов мировоззрения.

Рассмотрим детальнее принцип «методологического индивидуализма». Его сторонники стремятся понимать, объяснять и моделировать все экономические феномены через индивидуальные действия экономических агентов. Сторонники методологического

¹⁹ Термин «демонстративное потребление» широко распространен, но, по мнению автора, «инстинкт демонстративного потребления» есть частный случай проявления более фундаментального инстинкта: иерархического доминирования, который сам, в конечном счете, представляет собой предельную форму инстинкта самосохранения.

холизма считают, что, помимо индивидуальных, существуют и системные (целостные, холистские) факторы функционирования экономических систем, и эти факторы: а) существенны; б) не могут быть сведены к индивидуальным действиям экономических агентов. Одновременно существует многолетний острейший конфликт между сторонниками данных подходов, который доходит до взаимных оскорблений [Тамбовцев 2020].

Если бы «методологический индивидуализм» был действительно методологическим, то предмета для спора не существовало бы. Есть два разных способа описания экономической системы; определенные люди в рамках личных предпочтений могут предпочитать описывать систему только через индивидуальные действия. Другими словами, «методологический холизм и методологический редукционизм являются частью общей методики научного познания и необходимо предполагают друг друга» [Новая... 2001, 430]. В научных исследованиях они получают конкретное содержание в зависимости от предметного поля [Кирдина 2013, 85].

Однако сторонники мейнстрима такую интерпретацию, как правило, не принимают: методологический индивидуализм трактуется как единственно правильная норма. По мнению автора, данная тенденция означает, что в мейнстриме имеет место подмена термина: «методологический» индивидуализм на самом деле есть индивидуализм онтологический²⁰. Под видом «методологического подхода» внедряется философский принцип несуществования сущностей более высокого уровня, нежели индивид: нет таких сущностей, как социум, нация, семья – есть только индивиды, которые вступают в отношения с целью реализовать свои эгоистические интересы. Рассуждения про любовь, альтруизм с данной позиции рассматриваются как манипуляции²¹.

Автор выступает против навязывания частного философского убеждения как «единственно научной» нормы. Представляется, что в вопросе об индивидуализме/холизме мейнстрим предстает как ультранормативная система взглядов. Одновременно в мейнстриме повсеместно подчеркивают «позитивизм» неоклассики, ее «свободу от оценок» и т.д.

Природа человека двойственна: инстинкт самосохранения (иерархического доминирования) лежит в основе эгоистического поведения, а моральные нормы предполагают альтруизм. Данная двойственность есть экзистенциальное свойство человека. В области философии и общественных наук она проявляется в том, что разные мыслители приходят к диаметрально противоположным выводам о природе человека: от «естественное состояние человечества – война всех против всех» [Гоббс 2017] до априорного полагания естественного альтруизма [Кропоткин 1907]. Указанная двойственность и есть причина сосуществования в экономической теории двух пониманий предмета экономики – и двух сосуществующих парадигм.

Иными словами, выбор экономической парадигмы был обусловлен не столько изменениями в реальной экономике, сколько мировоззренческими и идеологическими факторами. Наиболее фундаментальные изменения в экономике последних полутора веков не только не были причинами изменений в экономической теории, но зачастую были следствием мировоззренческих трансформаций общественного сознания и связанных с ним изменений в теории. К наиболее ярким примерам данной динамики можно отнести трансформации экономики России в начале и конце XX в. То же самое можно сказать и о «неоклассической

²⁰ Автор не первым отмечает данную особенность: так, позицию о том, что модель общества в целом может быть без остатка сведена к индивидуальному поведению, называет онтологическим индивидуализмом В.С. Автономов [Автономов 2014, 54].

²¹ Особенно рельефно это проявляется в приложении методологии «экономического империализма» к построению моделей отношений в семье [Беккер 2003]. Человек традиционного общества воспримет предложенную Беккером модель семейных отношений в форме системы контрактов «ты мне, я тебе» как нелепую карикатуру. Да, семьи, основанные на рациональном вычислении плюсов и минусов совместной жизни, существуют, и не только на Западе, но в традиционном обществе это считается патологией. Тем не менее, Беккер и его последователи, похоже, всерьез считают, что вскрывают «суть» семейных отношений.

контрреволюции» 70-х гг. XX в. на Западе. По мнению автора, предлог для дискредитации идеи госрегулирования экономики – стагфляция, то есть высокая инфляция при низких темпах роста, якобы вызванная «избыточным регулированием» – был в значительной степени надуманным. Более высока вероятность того, что триггером инфляции стало появление ничем не обеспеченной мировой резервной валюты в сочетании с огромным скачком цен на энергоносители. Теоретической основой для отмены золотого валютного стандарта стала именно неоклассическая идея об отсутствии объективных ценностей (отрицание стоимости)²².

Отмена золотого стандарта открыла возможность для практически безграничной финансиализации мировой экономики, разрастания финансового сектора и его доминирования над реальным производством, что и привело мировую экономику к ряду кризисов. Они, в свою очередь, вновь выдвинули на первый план вопросы о степени справедливости мирового экономического порядка и адекватности экономического мейнстрима.

Альтернативный парадигмальный синтез

Многие авторы [Стиглиц 2011; Глазьев 2016] указывают на то, что значение неоклассической теории заключается не столько в разработке значимых для практики моделей и концепций, сколько в идеологической апологетике архитектуры мировой экономики. В то же время, «идеологично» не означает «неверно».

Попробуем вынести интересы «за скобки» и рассмотреть вопрос более научно: какая из двух парадигм экономической теории адекватнее описывает реальность?

По мнению автора, элементы истины очевидно присутствуют в обеих парадигмах. Корректнее поставить вопрос иначе: какую парадигму можно назвать общим случаем, а какую – частным?

Если рассматривать базовые модели классики и неоклассики, вопрос можно трансформировать: какое из состояний – равновесное или неравновесное – считать общим случаем, а какое частным (предельным, вырожденным). Очевидно, что базовую модель неоклассического подхода (просто диффузия) можно считать частным (вырожденным) случаем более общей модели «реакция–диффузия»: чтобы что-то обменять, сначала нужно что-то произвести, а система производства с глубоким разделением труда, инновациями, изменением спроса и других внешних условий не может быть стационарно равновесной. «...Экономика как живая система, эволюционирующая к большей сложности и разнообразию производства и потребления, никогда не бывает в состоянии равновесия. Более того, в процессе эволюции она все более удаляется от этого состояния» [Глазьев 2016, 10].

По мнению автора, развитие экономической теории после Кейнса можно трактовать как попытки интеграции двух главных парадигм. Проблему такой интеграции можно назвать, в сущности, проблемой синтеза микро- и макроподходов в экономической теории²³. Однако принципиальным недостатком предшествующих вариантов синтеза (неоклассический синтез Самуэльсона-Хикса, новый неоклассический синтез [Woodford 2009]) было то, что их идеологическим фундаментом был неоклассический подход: принятие равновесия в экономике как нормы, а неравновесных состояний как исключения из этой нормы.

²² Проект архитектуры мировых финансов самого Дж. Кейнса, который отвергли в Бреттон-Вудсе под давлением американской делегации, предполагал обеспечение мировой резервной валюты (банкара) золотом и иными реальными ценностями.

²³ Основные современные школы, которые автор относит к классической парадигме экономической теории (посткейнсианство, неорикардизм, неомарксизм), имеют в первую очередь макроэкономическое направление (без законченных и полных микро-оснований). Неоклассический же подход можно назвать в первую очередь микроэкономическим: альтернативная кейнсианскому подходу неоклассическая макротеория («новая классическая макроэкономика») была построена только к концу XX. (подробнее см.: [Егоров, Егорова 2020]).

Автор считает, что методологически корректна интеграция экономической теории на альтернативной парадигмальной основе. В данном случае ядро неоклассического подхода (теория общего экономического равновесия) становится не общим, а предельным случаем (эталоном экономической эффективности, которому реальные рынки соответствуют только в исключительных случаях). Для реализации такой научной программы требуется построение развернутой микротeorии на основе принципов классической парадигмы. Представления о том, как это можно конкретно реализовать, изложены в [Егоров, Егорова 2020].

В сущности, данный подход можно считать развитием научной программы Дж. Кейнса, которую он сформулировал в первой главе «Общей теории...»: «...постулаты классической²⁴ теории применимы не к общему, а только к особому случаю, так как экономическая ситуация, которую она рассматривает, является лишь предельным случаем возможных состояний равновесия. Более того, характерные черты этого особого случая не совпадают с чертами экономического общества, в котором мы живем, и поэтому их проповедование сбивает с пути и ведет к роковым последствиям при попытке применить теорию в практической жизни» [Кейнс 1993, 224].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Автономов В.С. (1993) Человек в зеркале экономической теории. М.: Наука. 176 с. (<https://ecsocman.hse.ru/text/19183244/>).
- Автономов В.С. (2014) Еще несколько слов о методологическом индивидуализме // *Общественные науки и современность*. № 4. С. 53–56.
- Беккер Г.С. (2003) Человеческое поведение: экономический подход. М.: ГУ ВШЭ. 671 с.
- Веблен Т. (1984) Теория праздного класса. М.: Прогресс. 368 с. (<https://www.klex.ru/i61>).
- Глазьев С. Ю. (2016). О новой парадигме в экономической науке Ч. 1. // *Экономическая наука современной России*. № 3. С. 7–17.
- Гоббс Т. (2017) Левиафан. М.: Рипол-Классик. 503 с.
- Горбунов В.К. (2013) К теории рыночного спроса: регулярность и экономическое равновесие // *Экономическая наука современной России*. № 4. С. 19–35.
- Гринберг Р.С. (2020) Мир в поисках новой модели экономического развития. У России свой путь // *Возможные сценарии будущего России и мира: междисциплинарный дискурс*. М.: Межрегиональная общественная организация содействия изучению, пропаганде научного наследия Н.Д. Кондратьева. С. 11–15.
- Дзарасов С. (2008) Посткейнсианство и инновационная модель развития // *Экономист*. № 4. С. 67–77.
- Егоров Д.Г. (2016) Неоклассика vs классика: есть ли в экономической теории третий путь? // *Мировая экономика и международные отношения*. № 6. С. 35–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-35-41.
- Егоров Д.Г., Егорова А.В. (2020) О построении неравновесной микротeorии // *Общество и экономика*. № 2. С. 18–33. DOI: 10.31857/S020736760008341-4.
- Егоров Д.Г., Егорова А.В. (2021) Сколько парадигм в экономической науке? // *Общество и экономика*. № 2. С. 31–42. DOI: 10.31857/S020736760013635-7.
- Кейнс Дж.М. (1993) Общая теория занятости, процента и денег // Кейнс Дж.М. Избранные произведения. М.: Экономика. С. 224–518.
- Кирдина С.Г. (2013) Методологический индивидуализм и методологический институционализм // *Вопросы экономики*. № 10. С. 66–89.
- Корнай Я. (1999) Системная парадигма // *Общество и экономика*. № 3–4. С. 85–96.
- Кропоткин, П. А. (1907) Взаимная помощь как фактор эволюции. СПб.: Товарищество «Знание». 256 с.

²⁴ Здесь Дж. Кейнс называет «классикой» то, что сейчас именуется «неоклассика».

- Маевский В.И. (1999) Эволюционная теория и неравновесные процессы // *Экономическая наука современной России*. № 4. С. 45–62.
- Майровски Ф. (2012) Физика и «маржиналистская революция» // *Terra economicus*. № 1. С. 100–116.
- Новая философская энциклопедия. (2001) Т. 3. М.: Мысль (<https://iphras.ru/enc.htm>).
- Нельсон Р.Р., Уинтер С.Дж. (2000) Эволюционная теория экономических изменений. М.: Финстатинформ. 472 с.
- Платон (1994) Государство // Платон. Сочинения: в 4 т. М.: Мысль. Т. 3. С. 79–420.
- Полтерович В.М. (1998) Кризис экономической теории // *Экономическая наука современной России*. № 1. С. 46–66.
- Поппер К. (1992) Открытое общество и его враги. Т. 1–2. М.: Феникс. 976 с.
- Роббинс Л. (1993) Предмет экономической науки // *THESIS*. Вып. 1. С. 10–23.
- Розмаинский И.В. (2010) Введение в посткейнсианство // *Идеи и идеалы*. № 1, т. 1. С. 88–105.
- Сергеев В.М. (1999) Пределы рациональности. М.: Фазис. 149 с.
- Степин В.С. (2000) Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция. 744 с.
- Стиглиц Дж. (2011) Крутое пике: Америка и новый экономический порядок после глобального кризиса. М.: ЭКСМО. 512 с.
- Тамбовцев В.Л. (2020) Непродуктивность попыток методологического синтеза // *Вопросы теоретической экономики* №3. С. 7–31. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10301.
- Хайек Ф. (1992) Пагубная самонадеянность. М.: Новости. 304 с.
- Хакен Г. (1980) Синергетика. М.: Мир. 406 с.
- Чернавский Д.С., Старков Н.И., Малков С.Ю., Коссе Ю.В., Шербakov А.В. (2011) Об эконофизике и ее месте в современной теоретической экономике // *Успехи физических наук*. № 7. С. 767–773.
- Eichner A.S. (1991) *The Macrodynamics of Advanced Market Economics*. NY: Armonk. 1075 P.
- Kuhn T.S. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press. 264 P.
- Smith A. (1776) *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: Printed for W. Strahan and T. Cadell. 754 P.
- Woodford M. (2009) Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis // *American Economic Journal: Macroeconomics*. N. 1. P. 267–279. DOI: 10.1257/mac.1.1.267.

REFERENCES

- Avtonomov V.C. (1993) *Chelovek v zerkale ekonomicheskoy teorii* [Man in the Mirror of Economic Theory]. Moscow: Nauka. 176 p. (<https://ecsocman.hse.ru/text/19183244/>).
- Avtonomov V.C. (2014) Yeshche neskol'ko slov o metodologicheskom individualizme [A Few More Words on Methodological Individualism]. *Obshchestvennyye nauki i sovremennost*. no. 4, pp. 53–56.
- Becker G.S. (2003) *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod* [Human Behavior. Economical Approach]. Moscow: Vishaya shkola ekonomiki. 671 p.
- Chernavsky D.S., Starkov N.I., Malkov S.Yu., Kosse Yu.V., Shcherbakov A.V. (2011) Ob ekonofizike i yeye meste v sovremennoy teoreticheskoy ekonomike [On Econophysics and its Place in Modern Theoretical Economics]. *Uspekhi fizicheskikh nauk*. no. 7, pp. 767–773.
- Dzarasov S. (2008) Postkeynsianstvo i innovatsionnaya model' razvitiya [Post-Keynesianism and an Innovative Development Model]. *Economist*. no. 4, pp. 67–77.
- Egorov D.G. (2016) Neoklassika vs klassika: yest' li v ekonomicheskoy teorii tretiy put'?' [Neoclassic vs Classic: Is There a Third Way in Economic Theory?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnyye otnosheniya*. no. 6, pp. 35–41. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-6-35-41.
- Egorov D.G., Egorova A.V. (2020) O postroyenii neravnovesnoy mikroteorii [On the Construction of a Non-Equilibrium Microtheory]. *Obshchestvo i ekonomika*. no. 2, pp. 18–33.
- Egorov D.G., Egorova A.V. (2021) Skol'ko paradigm v ekonomicheskoy nauke? [How Many Paradigms There are in Economics?]. *Obshchestvo i ekonomika*. no. 2, pp. 31–42. DOI: 10.31857/S020736760013635-7.
- Eichner A.S. (1991) *The Macrodynamics of Advanced Market Economics*. New York: Armonk. 1075 p.
- Glazyev S.Yu. (2016). O novoy paradigme v ekonomicheskoy nauke Ch. 1 [On a New Paradigm in Economic Science. Part 1] *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. no. 3, pp. 7–17.
- Gobbs T. (2017) *Leviatan* [Leviathan]. Moscow: Ripol-Classic. 503 p.
- Gorbunov V.K. (2013) K teorii rynochnogo sprosa: regulyarnost' i ekonomicheskoye ravnovesiye

[Towards the Theory of Market Demand: Regularity and Economic Equilibrium]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. no. 4, pp. 19–35.

Greenberg R.S. (2020) Mir v poiskakh novoy modeli ekonomicheskogo razvitiya. U Rossii svoi put' [The World in Search of a New Model of Economic Development. Russia Has its Own Way] *Vozmozhnyye stszenarii budushchego Rossii i mira: mezhdistsiplinarnyy diskurs*. Moscow: Mezhtselektivnaya obshchestvennaya organizatsiya sodeystviya izucheniyu, propagande nauchnogo naslediya N.D. Kondrat'yeva, pp. 11–15.

Hayek F. (1992) *Pagubnaya samonadeyannost'* [Pernicious Arrogance]. Moscow: Novosti. 304 p.

Haken G. (1980) *Sinergetika* [Synergetics]. Moscow: Mir. 406 p.

Keynes J.M. (1993) Obshchaya teoriya zanyatosti, protsenta i deneg [General Theory of Employment, Interest and Money]. *Keynes J.M. Izbrannyye proizvedeniya*. Moscow: Economica. pp. 224–518.

Kirdina S.G. (2013) Metodologicheskii individualizm i metodologicheskii institutsionalizm [Methodological Individualism and Methodological Institutionalism]. *Voprosy ekonomiki*. no. 10, pp. 66–89.

Kornai J. (1999) Sistemnaya paradigma [System Paradigm]. *Obshchestvo i ekonomika*. no. 3-4, pp. 85–96.

Kropotkin, P. A. (1907) *Vzaimnaya pomoshch' kak faktor evolyutsii*. [Mutual Assistance as a Factor in Evolution]. Saint-Petersburg: Tovarishchestvo «Znaniye». 256 p.

Kuhn T.S. (1962) *The Structure of Scientific Revolutions*. Chicago: University of Chicago Press. 264 p.

Maevsky V.I. (1999) Evolyutsionnaya teoriya i neravnovesnyye protsessy [Evolutionary Theory and Nonequilibrium Processes]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. no. 4, pp. 45–62.

Mayrowski F. (2012) Fizika i «marzhinalistskaya revolyutsiya» [Physics and the “Marginalist Revolution”] *Terra economicus*, no. 1, pp. 100–116.

Nelson R.R., Winter S.J. (2000) *Evolutsionnaya teoriya ekonomicheskikh izmeneniy* [Economic Evolutionary Theory of Economic Change]. Moscow: Finstatinform. 472 p.

Novaya filosofskaya entsiklopediya [New Philosophical Encyclopedia]. (2001) Vol. 3. Moscow: Mysl. (<https://iphras.ru/enc.htm>).

Plato. Gosudarstvo [Republic]. In *Platon. Sochineniya: v 4 t.* Moscow: Mysl'. vol. 3, pp. 79–420.

Polterovich V.M. (1998) Krizis ekonomicheskoy teorii [The Crisis of Economic Theory]. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii*. no. 1, pp. 46-66.

Popper K. (1992) *Otkrytoye obshchestvo i yego vragi* [The Open Society and Its Enemies]. Vol. 1–2. Moscow: Feniks.

Robbins L. (1993) Predmet ekonomicheskoy nauki [The Subject of Economic Science]. *THESIS*. Issue 1, pp. 10–23.

Rozmainskiy I.V. (2010) Vvedeniye v postkeynsianstvo [Introduction to Post-Keynesianism]. *Idey i idealy*. no. 1, vol. 1, pp. 88–105.

Sergeev V.M. (1999) *Predely ratsional'nosti* [The Limits of Rationality]. Moscow: Fazis. 149 p.

Smith A. (1776) *An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations*. London: Printed for W. Strahan and T. Cadell. 754 p.

Stepin V.M. (2000) *Teoreticheskoe znanie* [Theoretical Knowledge] Moscow: Progress – Traditio. 744 p.

Stiglitz J. (2011) *Krutoye pike: Amerika i novyy ekonomicheskii poryadok posle global'nogo krizisa* [Steep Dive: America and the New Economic Order after the Global Crisis]. Moscow: EKSMO. 512 p.

Tambovtsev V.L. (2020) Neproduktivnost' popytok metodologicheskogo sinteza [The Unproductiveness of Attempts at Methodological Synthesis]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki*, no. 3, pp. 7–31. DOI: 10.24411/2587-7666-2020-10301.

Veblen T. (1984) *Teoriya prazdnogo klassa* [The Leisure Class Theory]. Moscow: Progress. 368 p. (<https://www.klex.ru/i61>).

Woodford M. (2009) Convergence in Macroeconomics: Elements of the New Synthesis. *American Economic Journal: Macroeconomics*. no. 1, pp. 267–279. DOI: 10.1257/mac.1.1.267.

Информация об авторе

Егоров Дмитрий Геннадьевич, доктор философских наук, профессор Псковского филиала Академии ФСИН России (адрес: 180014 Зональное шоссе, д. 28, Псков, Россия) и Псковского государственного университета (адрес: 180000 пл. Ленина, д. 2, Псков, Россия), E-mail: de-888@ya.ru

About the author

Dmitry G. Egorov, Doctor of Science (Philosophy), Professor, Academy of the FPS of Russia (Pskov branch) (address: 28, Zonalnoe shosse, Pskov, 180014, Russia) & Pskov State University (address: 180000 2, Lenina sqr., Pskov, 180000 Russia), E-mail: de-888@ya.ru

Статья поступила в редакцию / Received: 03.08.2021

Статья поступила после рецензирования и доработки / Revised: 14.09.2021

Статья принята к публикации / Accepted: 21.09.2021

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
 - сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу press@gaugn.ru

ФАКУЛЬТЕТ ПОЛИТОЛОГИИ

БАКАЛАВРИАТ Политология

МАГИСТРАТУРА Политология

Преподаватели факультета – это ведущие научные сотрудники Института философии и других академических институтов РАН, известные политические аналитики и политтехнологи.

Дисциплины по направлению «Политология» являются оригинальными разработками преподавателей Института и направлены на углубление профессиональных знаний, практическую подготовку студентов и получение конкретных знаний в сфере будущей профессиональной деятельности.

Уникальность факультета заключается в том, что он единственный среди одноименных факультетов гуманитарных университетов готовит специалистов в области фундаментальной политической теории и политической философии.

Во время обучения по программе студенты на практике знакомятся как с научно-исследовательской деятельностью в различных профильных организациях (политических партиях, Фонде «Общественное мнение»), так и с коммуникационными технологиями в информационных агентствах, редакциях и студиях отечественных медиа.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).